

№ 4
2008

**КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Ю. В. ГРУНИН**
(г. Жезказган), **Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ** (г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕР-**
ГЕНОВ, (г. Астана), **И. М. ЛАМОНОВ** (г. Астана), **В. Ф. МИХАЙЛОВ**
(г. Алматы), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **А. У. САНДЫБАЙ**
(г. Астана), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана),
А. М. ШВЫДКО (г. Алматы), **В. Г. ШЕСТЕРИКОВ** (г. Петропавловск).

В номере:

Наш общий дом

Послание Главы государства народу Казахстана.

Повышение благосостояния граждан Казахстана —
главная цель государственной политики **3**

Поэзия

Л. Феофанова. «Упрямо жизни подставляю лоб...». Стихи **18**

Р. Менсеитов. «Но всего прекраснее — вершины...». Стихи **73**

С. Зеликова. «Хочу я жизни долгой и весёлой...». Стихи **90**

© «Нива», 2008, Астана

Поэтический венок

- И. Матвеева.** Свет над судьбой 110
В. Щукин. «Хорошо бы всё начать сначала...». Стихи 112
-

Проза

- В. Дегтярёв.** Супротивцы. Документальный роман
(окончание) 24
С. Бударагин. Прелюдии любви. Повесть 76
-

Актуальный диалог

- Далёкая Куба Казахстану близка. Беседа главного редактора
«Нивы» с Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики
Куба в Республике Казахстан Тереситой Капоте Камачо 93
-

Культура. Общество. Личность

- В. Владимиров.** Три лиры генерала Перовского.
Курмангазы * Даль * Пушкин. Полемиические эскизы 119
-

Критика и литературоведение

- И. Шухов.** В кривом зеркале энциклопедии 145
В. Гундарев. Радости и горести земного бытия 154
-

Искусство

- Б. Алдабергенова.** Носитель народной культуры 157
-

На житейских перекрёстках

- А. Вервекин.** «По морям, по волнам...».
Рассказы деда Дорошенко 161
Н. Слепцов. Дорожные истории.
(Эх, путь-дорожка...; Под стук колёс) 172
-

В семейном кругу

- В. Гегер.** Новеллы в стиле эссе 180
Н. Родичева. Коза 189
-

Изоальбом «Нивы»: из работ Табылды Мукатова.

ПОСЛАНИЕ

Главы государства народу Казахстана

**Повышение благосостояния
граждан Казахстана — главная цель
государственной политики**

Президент Нурсултан Назарбаев выступил 6 февраля 2008 г. на совместном заседании палат парламента с Посланием народу Казахстана. Нынешнее Послание “Повышение благосостояния граждан Казахстана — главная цель государственной политики” является логическим продолжением Посланий 2006 и 2007 годов, которые были посвящены стратегии вхождения Казахстана в число 50 наиболее конкурентоспособных государств мира и модернизации общества и инновационному развитию экономики страны, в целях реализации которой принята программа “30 корпоративных лидеров”. Президент особо подчеркнул необходимость последовательной модернизации и обеспечения устойчивых темпов экономического роста Казахстана. Именно на этой основе достигается главная цель — сохранение темпов социального развития, роста благосостояния населения. Нурсултан Назарбаев отметил ключевые приоритеты экономической политики, поставил ряд новых задач перед агропромышленным комплексом Казахстана, акцентировал внимание на необходимости формирования действенных механизмов системного и оперативного реагирования государства на угрозы финансовой нестабильности и укрепление доверия международных рынков к экономике Казахстана. Особое значение в Послании отводится социальным вопросам, направленным на дальнейшее повышение благосостояния народа Казахстана, которое должно сопровождаться повышением качества жизнедеятельности, а также человеческих ресурсов страны. Глава государства также очертил круг задач, посвящённых вопросам укрепления международного авторитета Казахстана, региональной стабильности и международной безопасности.

Введение

Мои ежегодные обращения к народу всегда основаны на анализе достигнутого и перспективах предстоящего, а главное — предполагают совместный выбор пути к достижению наших общих целей.

Задачи по вхождению в 50 конкурентоспособных стран мира и индустриализации страны на основе формирования 30 корпоративных лидеров, поставленные в Посланиях народу Казахстана в 2006 и 2007 годах, остаются для нас главными.

Правительству в этом году предстоит отчитаться по их выполнению.

Прошедший год стал ещё одним уверенным шагом вперёд на пути всесторонней экономической, социальной и политической модернизации Казахстана.

Казахстан вступил в 2008 год с новыми экономическими достижениями и обновлённым политическим устройством.

Изменения в **Конституцию страны** повысили **роль Парламента и политических партий, институтов гражданского общества**. Впервые в истории независимого Казахстана проведены **парламентские выборы на пропорциональной основе**. Убедительную победу на выборах одержала **партия “Нур Отан”**, которая **впервые** сформировала Правительство.

Продолжена **административная реформа**, в рамках которой создан **институт ответственных секретарей**, призванный укрепить устойчивость аппаратов государственных органов.

В прошлом году **темпы роста экономики составили 8,5 %**, а в целом **с 2001 года экономика росла в среднем по 10 % в год**.

Сформированы **значительные резервы страны**, которые составляют порядка **40 млрд. долларов США**, включая средства **Национального фонда**. Именно наличие значительных накоплений сыграло ключевую роль **в поддержании стабильности финансовой системы страны**.

Стабильным остаётся социальный климат. С 2000 года расходы государственного бюджета на **образование, здравоохранение и социальное обеспечение увеличились более чем в 5 раз**. Социальной защитой государства охвачено свыше **5 млн. человек**, это **вдвое больше**, чем пять лет назад.

Мы постоянно повышаем объёмы поддержки наших пенсионеров. Стабильно растут пенсионные накопления населения, объём которых превысил **1,1 триллиона тенге**.

Растёт социальная инфраструктура. Только **в 2007 году** по республике было построено **76 школ и 23 объекта здравоохранения**.

Нам удалось остановить **демографический спад**.

В рамках **Государственной программы жилищного строительства** за прошедшие три года **введено свыше 18 млн. кв. метров жилья**, превысив наши планы на **2,2 млн. кв. метров**.

Поступательная динамика во всех сферах общественной жизни — **это свидетельство роста нашей экономики, эффективности социальной политики и стабильности политических процессов**.

I. Последовательная модернизация и обеспечение устойчивых темпов экономического роста

Сегодня в условиях ухудшения мировой конъюнктуры мы должны активизировать **внутренние инвестиционные ресурсы** с растущей

ролью государственных холдингов, институтов развития, социально-предпринимательских корпораций.

Несмотря на возникшие сложности, по моему поручению Правительством приняты меры по устойчивому росту экономики.

Необходимо сосредоточиться на решении **краткосрочных и среднесрочных задач** в следующих приоритетных направлениях.

Первое — добывающий сектор.

Главный вектор в нефтегазовой отрасли — усиление позиций государства в качестве **влиятельного и ответственного участника международных нефтяных и энергетических рынков**.

Для этого мы последовательно усиливаем государственное влияние в стратегически важных отраслях энергетической сферы. Мы уже увеличили казахстанскую долю в освоении нефтяных месторождений Кашаган, Кумколь, угольного разреза “Богатырь” и т. д.

Это крайне важно для нас и для обеспечения **выхода на международный рынок с готовой продукцией, с высокой долей добавленной стоимости**.

Работу в этом направлении надо продолжать.

Холдингу “Самрук” и региональным СПК надо принять конкретные меры по **эффективному развитию и повышению конкурентоспособности горно-металлургической отрасли**. Для этого надо разобраться и начать конкретно управлять государственными пакетами акций существующих горно-металлургических компаний, а также взять на себя права недропользования разведанными месторождениями чёрных и цветных металлов, включая редкоземельные.

Совместно с Правительством решить вопрос разведки новых месторождений.

Второе — опережающее инфраструктурное обеспечение основных секторов экономики.

Правительству необходимо принять меры по развитию **электроэнергетики, системы транспортировки**. Эти сектора сегодня явно “не успевают” за развитием экономики Казахстана.

Первоочередными задачами в области **обеспечения экономики и населения электроэнергией** являются строительство Балхашской ТЭС, третьего энергоблока Экибастузской ГРЭС-2, Мойнакской ГЭС и др.

Необходимо в 2009 году завершить строительство второй линии электропередачи по проекту **“Север — Юг Казахстана”** и линии электропередачи **“Северный Казахстан — Актюбинская область”**. Это позволит снизить энергодефицитность юга и запада Казахстана.

Для стабильного обеспечения потребностей в газе южных регионов республики необходимо проработать вопрос и начать строительство магистрального газопровода **Бейнеу — Шымкент**.

Необходимо внести конкретные предложения по строительству **атомной электростанции в г. Актау**.

Одновременно Правительство должно сконцентрировать свои усилия на внедрении **энергосберегающих и экологически чистых технологий**.

К повсеместной экономии электроэнергии наши предприятия и граждане ещё не приступили. Надо прямо сказать, что дешёвая энергия заканчивается. Если хотим меньше платить, надо экономить. Это должно стать заботой каждого. Правительство должно развернуть эту работу.

Необходимо обеспечить строительство и модернизацию **железнодорожной и автомобильной инфраструктуры**.

На концессионной основе мы уже в этом году должны завершить строительство железной дороги Шар — Усть-Каменогорск, начать **строительство железнодорожных линий** Мангышлак — Баутино, Ералиево — Курык и участка “Хоргос — Жетиген”, электрификацию железнодорожного участка Макат — Кандыагаш.

Для снижения дефицита подвижного состава необходимо подготовить в текущем году и приступить к реализации комплекса мер по развитию **отечественного транспортного машиностроения**.

Мы должны начать практическую реализацию самого крупного в Казахстане транспортного проекта — трансконтинентального коридора **Западная Европа — Западный Китай**, который пройдёт через южные области и через Кызылорду и Актобе выйдет на Россию, создаст рабочие места, оживит экономику регионов.

В целях снижения нагрузки на бюджет, в основном на **концессионной основе**, с последующим введением платности, начнутся строительство и реконструкция автомобильных дорог **Астана — Боровое, Астана — Караганда, Алматы — Капшагай, Алматы — Хоргос, а также Большой Алматинской кольцевой дороги**.

Для привлекательности и активизации концессионных проектов Правительству необходимо усовершенствовать действующую **законодательную и нормативную базу**.

Третье. Программа “30 корпоративных лидеров” — её реализация способствует **практическому развитию несырьевого сектора экономики**.

На сегодня уже появилось более ста проектов, претендующих быть прорывными. Реализуются такие важнейшие для экономики проекты, как строительство **третьего Жанажолского газоперерабатывающего завода, горно-обогатительных комбинатов и медеплавильного завода** в Актюбинской области, дальнейшее строительство **алюминиевого завода и завода по производству хлора и каустической соды** в Павлодарской области, организация **сортпрокатного производства** и производства **металлургического кремния** в Карагандинской области и многие другие проекты.

В ближайшее время начнётся строительство **первого интегрированного газохимического комплекса** в г. Атырау, в следующем году — **газоперерабатывающего завода** на базе месторождения Карачаганак, нового **алюминиевого завода** в Костанайской области.

Мы продолжим реализацию проектов по созданию **шинного комплекса** в г. Астане, развитию **логистических центров** в городах Астане и Алматы, созданию производства **поликристаллического кремния**.

Я перечислил только самые крупные объекты, а ведь за эти годы в Казахстане возникли сотни, тысячи новых предприятий.

Стекольного производства в Казахстане никогда не было — это очень дефицитный, необходимый материал. Не было в Казахстане и производства алюминия. В настоящее время действуют пять автосборочных предприятий, в том числе сборка легковых автомобилей. В Казахстане сегодня собирают радиотехнику, компьютеры. Мощно развиваются мебельная промышленность, стройиндустрия и другие отрасли.

В целом программа “30 корпоративных лидеров” должна вывести взаимодействие государства и бизнеса на принципиально новый уровень.

По показателю реализации прорывных проектов в первую очередь будет оцениваться работа профильных министерств, фонда “Казына” и других холдингов, а также акиматов всех уровней.

***

Современный этап развития ставит в повестку дня ряд новых важнейших задач перед **агропромышленным комплексом** страны.

За прошедшие 5 лет Казахстан достиг заметных результатов в развитии аграрного сектора. Валовая продукция сельского хозяйства выросла с 2002 года почти в 2 раза. Инвестиции увеличились более чем в 3 раза. Это стало возможным в результате огромной поддержки аграрного сектора государством. Вы хорошо помните трёхлетнюю программу поддержки села, которую мы выполнили. Она дала мощный толчок.

Благодаря применению в последние годы современных технологий резко увеличился сбор зерновых культур.

Введение с 2004 года обязательного страхования урожая в растениеводстве позволило получать фермерам гарантированный доход даже в засушливые годы.

Принятые меры способствовали почти четырёхкратному росту общего товарооборота в сельском хозяйстве, который превысил отметку в 4 миллиарда долларов США.

Повышение качества жизни наших аулов и сёл будет оставаться приоритетным направлением государственной политики.

Учитывая складывающиеся мировые тенденции и имеющийся потенциал, агропромышленный комплекс должен стать важнейшей высокодоходной отраслью нашей экономики.

Цены на сельскохозяйственную продукцию растут, и в целом эта отрасль становится очень выгодной, сюда мы должны вкладывать деньги. И, уверен, село ответит ударным трудом и высокой отдачей.

Первое. Должна быть обеспечена **продовольственная безопасность** страны.

Для этого необходимо увеличить привлечение инвестиций в сельское хозяйство и пищевую промышленность.

Казахстан обеспечивает собственную потребность по основным видам продовольствия и имеет экспортный потенциал.

Особое внимание требуется уделить стимулированию производства важнейших продуктов питания, по которым не удовлетворяются потребности страны. К примеру, растительное масло, фрукты, сахар и другое. Мы имеем возможность решить эти проблемы.

Второе. Важно сосредоточить усилия на тех секторах сельского хозяйства, которые поставляют продукцию на **экспорт**. В частности, надо расширять экспортные каналы зерна через порты Каспийского и Чёрного морей и в направлении Китая.

Третье. Животноводческая отрасль также имеет большой экспортный потенциал. В качестве дополнительной меры необходимо перевести систему ветеринарии на международные стандарты.

Поручаю Правительству принять **дальнейшие меры для системной поддержки сельского хозяйства на всех уровнях.**

Особое внимание надо обратить на переработку сырья.

***

Теперь о **приоритетах макроэкономической политики.**

Правительству, Нацбанку, Агентству по финнадзору необходимо сформировать действенные механизмы **системного и оперативного реагирования государства на угрозы финансовой нестабильности** и укрепить доверие международных рынков к экономике Казахстана.

Первое. Надо системно укрепить работу **Агентства финансового надзора.**

Главной задачей агентства совместно с Национальным банком и Министерством финансов должно стать **повышение конкурентоспособности и устойчивости финансовой системы** страны, особенно банковского сектора. Жизнь будет вносить коррективы в наши планы. Мы должны быть готовы.

Надо усвоить уроки, преподанные ипотечным кризисом в США, оказавшим серьёзное влияние на наши банки.

АФН должно более внимательно отслеживать ситуацию в каждом банке и в случае необходимости принимать превентивные и действенные меры.

Государственная поддержка не может быть односторонней, и банки должны взять на себя свою часть рисков. Если акционеры банков не желают или неспособны привлекать дополнительные ресурсы для своего развития, то государство должно быть готово принять необходимые меры.

При этом процесс регулятивного вмешательства должен быть предельно прозрачен и предсказуем для всего банковского сектора.

Приход иностранного капитала в банковский сектор мы рассматриваем как вотум доверия Казахстану, источник необходимой финансовой поддержки и лучшей международной практики банковских услуг.

Необходимо продолжить **структурные реформы нашей финансовой системы.** Это касается развития рынка ценных бумаг, современных финансовых инструментов, совершенствования законодательства о банкротстве, глубокой реформы судебной системы.

Мы должны развивать управление системными рисками как в частном, так и в государственном секторах. **Правительство, АФН и Нацбанк** должны выстроить гибкую и надёжную систему управления рисками.

Предстоит также разработать **систему мер быстрого реагирования** для непредвиденных ситуаций.

Степень доверия населения и бизнеса, в том числе зарубежного, должна стать основным критерием эффективности финансовых органов страны.

Второе. Необходимо **привести налоговую систему в соответствие с задачами нового этапа развития Казахстана.** Действующий Налоговый кодекс сыграл позитивную роль в экономическом росте, однако в настоящее время его потенциал практически исчерпан. Кодекс насчитывает свыше 170 видов льгот и преференций, которые постоянно и бессистемно растут.

Правительству следует **разработать новый Налоговый кодекс.** Он должен **способствовать модернизации и диверсификации экономики, выходу бизнеса из “тени”.**

Новый кодекс должен приобрести характер **закона прямого действия,** ограждающего от вольного толкования его норм налоговыми службами, сочетать качество администрирования и интересы налогоплательщиков.

Но, главное, он должен предусматривать **снижение общей налоговой нагрузки для несырьевых секторов экономики, особенно для малого и среднего бизнеса**. Ожидаемые **потери бюджета должны быть компенсированы** за счёт повышения **экономической отдачи от добывающего сектора**.

Третье. Особую миссию в обеспечении эффективности и конкурентоспособности нашей экономики призвано выполнить вновь созданное по моему поручению **Агентство по защите конкуренции**.

Расширенные полномочия агентства должны обеспечить успех в “борьбе” с ценовыми сговорами, недобросовестной конкуренцией, злоупотреблениями субъектов рынка своим доминирующим и монопольным положением, укреплять позиции казахстанского бизнеса в мире.

Нужен **новый закон о конкуренции**, который послужит серьёзным толчком для роста предпринимательской активности в стране.

Четвёртое. Надо усилить **борьбу с инфляцией**. Учитывая, что инфляция нарастает, усугубляемая давлением со стороны глобальных экономических процессов, требуется **принятие продуманных и адекватных действий со стороны Правительства**.

Рассчитываю, что и **Национальный банк** добьётся весомых результатов в **борьбе с инфляцией**.

Государство должно активно управлять ситуацией в условиях глобальной экономической нестабильности. Все необходимые ресурсы для этого имеются.

Поэтому у **Правительства и Национального банка** должен быть **оперативный план стабилизационных действий** в случае прогнозируемого замедления мировой экономики и возможного снижения цен на ряд экспортных товаров.

В первую очередь, Правительству необходимо временно, до преодоления проблем в финансовом секторе, **сократить государственные расходы по всем направлениям и программам, кроме социальных**.

Все вышеперечисленные планы должны подчиняться этому требованию.

Всё, что может подождать, должно быть приостановлено. Это касается и всех регионов. Такая экономия будет способствовать снижению давления на инфляцию, а также увеличит резервы страны на случай возможного снижения цен на энергоносители и сырьевые ресурсы.

II. Дальнейшее укрепление казахстанской государственности, повышение эффективности государственного управления

Мы будем и дальше идти по пути совершенствования **казахстанской модели политического и государственного устройства, сочетая общепризнанные закономерности демократического развития и традиции нашего общества**.

Первое. За 16 лет независимости мы реализовали **собственную модель обеспечения общественной стабильности, межнационального согласия, формирования казахстанской идентичности и общекзахстанского патриотизма**.

Это наше **казахстанское “ноу-хау”**, которым мы по праву **гордимся и обязаны бережно охранять**.

В рамках конституционной реформы вырос **статус и полномочия Ассамблеи народа Казахстана**.

Представляя интересы всего народа нашей многонациональной страны, депутаты от Ассамблеи призваны играть особую роль в процессе укрепления межэтнического мира и согласия в Казахстане.

Сейчас необходимо всемерное укрепление роли этого уникального казахстанского института. И депутаты, которые избраны от Ассамблеи, должны чувствовать эту ответственность, держать тесную связь с Ассамблеей и её организациями на местах.

Я всегда говорил и вновь со всей ответственностью хочу подчеркнуть, что для дальнейшего укрепления государства, его безопасности, устойчивого развития экономики и роста благосостояния наших граждан Казахстану необходимы долгосрочная стабильность, мир и согласие.

Второе. Предстоит продолжить развитие современной политической системы в Казахстане.

Главную роль в этом процессе должны играть политические партии, неправительственные организации и другие общественные институты.

Укрепление партийных механизмов будет способствовать становлению современного гражданского общества, широкому вовлечению населения в общественные процессы.

На современном этапе **модель с доминирующей партией “Нур Отан”** может рассматриваться как оптимальная форма политической системы Казахстана.

Она открывает для всех других политических партий участие в выборах, возможность пройти в Парламент и участвовать во всех политических процессах. И нет никаких препятствий для появления новых партий и высказывания собственного мнения.

Третье. В условиях демократического общества большое значение приобретает **борьба с преступностью и коррупцией.**

За прошедшие годы значительно укреплен потенциал правоохранительной и судебной систем страны для противодействия криминальным явлениям, охраны жизни и прав наших граждан.

Однако в их деятельности имеются **существенные недостатки.**

Об этом говорилось на недавней коллегии Генпрокуратуры с участием всех правоохранительных органов.

Правоохранительная и судебная система должны обеспечить **справедливую и эффективную защиту прав казахстанцев, оградить бизнес от незаконных вмешательств.**

Приоритетной целью в этой сфере должно стать **предупреждение и профилактика правонарушений, а не карательные действия.** Поэтому необходимо разработать и внести в Парламент в текущем году законопроект **“О профилактике правонарушений”.**

Поручаю Администрации Президента обеспечить реализацию всех указанных мер, провести **административную реформу в правоохранительных органах**, а также во **всех организациях, подотчётных Президенту страны.**

Четвёртое. Правительство должно ускоренными темпами реализовать предусмотренные **административной реформой** меры по развитию системы государственного управления Казахстана на принципах результативности, прозрачности и подотчётности обществу с учётом лучшего международного опыта.

Эти новые подходы должны быть **отработаны на пилотных государственных органах** в 2008 году — министерствах юстиции, экономики

и бюджетного планирования, финансов и акимате Южно-Казахстанской области.

Главной целью административной реформы должно стать повышение эффективности и результативности работы управленческого аппарата. Чтобы чиновники служили народу, как следует.

Одним из ключевых элементов административной реформы должна стать **новая кадровая политика в стране**. Человеческий фактор становится определяющим на современном этапе развития.

Необходимо разработать современные подходы, направленные на формирование в системе государственного управления **профессионального ядра управленцев новой формации**.

Большая роль в этом процессе должна принадлежать партии “Нур Отан”. Партии следует активно участвовать в формировании кадров для системы государственного управления, выполняя роль **“социального лифта”** для достойных граждан.

Важная роль должна быть отведена **молодому поколению, включая выпускников программы “Болашак”**.

Молодые профессионалы должны найти своё место в происходящих в стране процессах, принять самое активное участие в строительстве будущего. Нового уровня работы требует **работа с резервом**.

Администрация Президента должна возглавить кадровую работу.

Пятое. Со следующего года, впервые в истории нашей страны, базой новой системы государственного бюджетного планирования станет **3-летний бюджет**. Для этого Правительству уже в текущем году необходимо разработать **новый Бюджетный кодекс**.

Надо также форсировать работу по **модернизации и совершенствованию системы планирования, повышению эффективности использования средств бюджета и управления государственными активами**.

Шестое. Правительство должно провести целенаправленный аудит, если хотите, **“аудит с пристрастием”, государственных средств**, выделявшихся по основным государственным социально-экономическим программам.

Цель этого аудита — **оценить достигнутые результаты, резко повысить эффективность управления и расходования государственных средств**.

Седьмое. Правительство должно продолжить последовательную работу по **стимулированию конкурентоспособности малого и среднего бизнеса**.

Надо поддержать работу **микрокредитных организаций**, в том числе за счёт средств государства. Они оказывают поддержку сотням тысяч наших граждан в создании своего дела. Надо продумать меры по повышению доступности микрокредитования и созданию новых рабочих мест для большего количества казахстанцев.

Развитый предпринимательский сектор — это основа экономики любой страны.

В этой связи, в рамках **административной реформы** поручаю Правительству **решительно снизить административную нагрузку на бизнес**, провести дальнейшее **упрощение разрешительной системы, прежде всего лицензирования, сертификации, аккредитации**.

Приведу один **пример**. По последнему отчёту Всемирного банка “Ведение бизнеса”, чтобы пройти все экспортные процедуры, в Казахстане

необходимо затратить 89 дней, а, к примеру, в Эстонии для этого надо только 5 дней.

Настоящим бедствием для предпринимателя становятся различного рода **проверки**, которые предусмотрены свыше 50 законами!

Некоторые ведомства изыскивают возможность под различными предлогами в нарушение законодательства “проверить” предприятие несколько раз. Это серьёзно отвлекает бизнес от своего дела. И это идёт против политики, которую я провожу.

Надо **значительно сократить количество проверок** правоохранительными и другими проверяющими органами и упорядочить их.

III. Повышение благосостояния народа Казахстана

Постоянное улучшение социального самочувствия казахстанцев, всех слоёв и социальных групп казахстанского общества является и будет оставаться на первом плане государственной политики.

Стандарты качества жизни должны стать эффективным рыночным инструментом развития человеческого капитала и социальной модернизации Казахстана, **не приводя при этом к росту иждивенческих настроений.**

Социальная политика государства может быть эффективной только в том случае, если она нацелена **на создание рабочих мест и вовлечение трудоспособного населения в экономику страны.** Этому принципу мы следовали ранее и намерены придерживаться его в будущем.

У нас есть все основания и далее **повышать уровень жизни социально незащищённых слоёв населения, в соответствии с предвыборной платформой партии “Нур Отан”,** рассчитанной на 5 лет.

Новый трёхлетний бюджет должен обеспечить:

— увеличение относительно 2007 года в целом средних размеров пенсий в 2,5 раза к 2012 году, в том числе в 2009 году — на 25 %, в 2010 году — 25 % и в 2011 году — на 30 %. При этом к 2011 году размеры **базовых пенсионных выплат** должны вырасти до 50 % от размера прожиточного минимума;

— увеличение размеров государственных социальных пособий и специальных государственных пособий с 2009 года — в среднем ежегодно на 9 %;

— поэтапное увеличение **ежемесячного пособия по уходу за ребёнком по достижению им одного года в 2010—2011 гг.** до уровня, превышающего размеры пособий 2007 года в среднем в 2,5 раза;

— увеличение с 2010 года размера **единовременных пособий на рождение 4-го и более ребёнка** более чем в **4 раза** по отношению к 2007 году;

— повышение **заработной платы работникам бюджетной сферы** с поэтапным её приближением к 2-кратному уровню к 2012 году, в т. ч. в 2009 году — на 25 %, 2010 году — на 25 % и в 2011 году — на 30 %;

— в 2009 году надо **увеличить ежегодную квоту** для переселения на историческую Родину **оралманов на 5 тысяч семей, довести до 20 тысяч семей в год.**

***

Обеспечение социального благополучия должно сопровождаться повышением качества жизнедеятельности, а также человеческих ресурсов

страны. Это главная миссия научно-образовательного и здравоохранительного комплексов страны.

В процессе выполнения **Государственной программы развития образования до 2010 года мы должны расширить предоставление качественных услуг образования.** Это главная задача **сферы образования.**

Первое. Министерству образования и науки и акимам областей поручаю завершить в течение трёх лет **создание эффективной инфраструктуры образования,** дающей возможность получать современные знания и использовать передовые технологии.

В текущем году мы введём 88 школ на 63 тыс. ученических мест, а в 2009—2010 годах — ещё 102 школы на 69 тыс. ученических мест.

Второе. Правительству, государственным холдингам совместно с акимами областей, городов Астаны и Алматы поручаю разработать и реализовать **программу дальнейшего развития профессионального технического образования.**

Эта программа должна предусматривать **привлечение иностранных учёных и преподавателей в те сферы образования, которые представляют для экономики страны наибольший интерес.**

В этот процесс, прежде всего, должны быть активно вовлечены сами работодатели и их ассоциации, то есть бизнес, для которого эти кадры нужны в первую очередь.

Третье. Правительству надо ускорить реализацию **культурного проекта “Триединство языков”.** Особое внимание хочу обратить на необходимость повышения качества в обучении казахскому языку как государственному языку, объединяющему всё общество.

Следует разработать и внедрить на основе международного опыта самые современные программы и методики обучения казахскому языку. Необходимо разработать лучшие, инновационные методические, практические пособия, аудио- видеоматериалы, способствующие эффективному изучению государственного языка.

У нас тендеры на издание учебников на казахском языке выигрывают одно-два издательства, всегда одни и те же. Можно ли говорить в этом случае о стремлении улучшать казахские учебники? Их качество не выдерживает никакой критики. Они скорее отбивают охоту учить казахский язык, чем способствуют его развитию. В этом вопросе ответственные органы должны принять нужные решения.

Четвёртое. Пока не произошло “перелома” в обеспечении населения **детскими дошкольными учреждениями.**

Правительству и акимам надо изучить повсеместно эту проблему и на этой основе подготовить решение указанного вопроса.

Особое внимание должно быть уделено **системе дошкольного образования** как первой ступени непрерывного обучения, стимулирующего развитие детей раннего возраста, обеспечив их эффективными программами для развития творческих и интеллектуальных способностей.

Надо помнить, что именно на этом этапе закладываются основы отношения детей к обучению, производительному труду и окружающему миру.

***

Главным вопросом **сферы здравоохранения** является то, что **наша система здравоохранения** пока ещё **не соответствует требованиям граждан**

современного Казахстана. Сегодня нас уже не могут устраивать имеющаяся **инфраструктура, качество и организация медицинских услуг.**

Первое. Правительству следует активизировать работу по восстановлению и развитию **объектов здравоохранения.**

В текущем году ведётся строительство 9 объектов здравоохранения республиканского значения и 112 объектов местного значения.

Второе. Учитывая, что профилактика заболеваний обходится дешевле лечения, следует сделать **акцент на профилактике заболеваний, переоценить действующие программы** ранней диагностики, методы выявления и лечения заболеваний, внедряя самые прогрессивные методы.

Для эффективного использования финансовых ресурсов в системе здравоохранения необходимо провести анализ и оценить реальную стоимость медицинских услуг.

Третье. Поручаю министерствам здравоохранения, образования и науки совместно разработать программу **повышения квалификации медицинского персонала больниц**, в том числе путём дополнительной подготовки и переподготовки медицинских работников, их сертификации и лицензирования.

Необходимо также увеличение количества **грантов в медицинских вузах и квоты на медицинские специальности по программе “Болашак”.**

Четвёртое. Особое внимание должно быть уделено **лекарственному обеспечению** населения. Необходимо установить жёсткий контроль за качеством и стоимостью ввозимых в страну медицинских препаратов. Активно привлекать инвестиции в создание собственных фармацевтических фабрик.

Пятое. Особенно важно развивать **инфраструктуру для “здоровой нации”.** Акцент нужно сделать на **физической и спортивной подготовке** с самого детства и предоставлении для этого **наилучших возможностей.**

Акимам необходимо восстановить старые и построить новые **стадионы, спортивные комплексы, детские и общие спортивные площадки, на которых** можно было бы заниматься людям всех возрастов, поддерживать хорошую форму, укреплять своё здоровье.

Министерства и акиматы должны развернуть **широкую пропаганду здорового образа жизни.** Это вопрос государственной важности, и Правительство должно подходить к нему более масштабно.

Необходимо разработать комплекс мер по кардинальному улучшению **демографической ситуации.** Этому вопросу надо посвятить ближайшее заседание Национального совета.

Здоровье нации — это общенациональная задача. В её обеспечении должно принять активное участие **отечественное бизнес-сообщество.**

В этом плане хочу с удовлетворением отметить, что бизнес активно откликнулся на моё обращение об усилении его социальной ответственности.

Такие структуры, как корпорация “Казахмыс”, Евразийская промышленная ассоциация, “Казцинк”, “Тенгизшевройл”, “Аджи”, национальные компании “КазМунайГаз”, “Казатомпром”, “Казахстан темір жолы” только за прошлый год направили свыше 30 млрд. тенге на развитие объектов социального назначения: школы, медицинские и дошкольные учреждения, оздоровительные комплексы, реабилитационные центры для инвалидов, объекты культуры и спорта.

Это **яркий пример корпоративной социальной ответственности**. Такая практика должна получить широкое распространение. А средства массовой информации должны её поддерживать.

***

Доступность и качество жилья для наших граждан, в особенности молодых семей — это то, что всегда было и остаётся **в числе наиболее важных жизненных приоритетов государства**.

Назрела необходимость внесения изменений в Государственную жилищную программу по следующим направлениям.

Первое. Предоставление государственным служащим и работникам бюджетной сферы через систему жилищных строительных сбережений **предварительных жилищных займов** по процентной ставке, не превышающей **4 % годовых**.

Второе. Необходимо сделать акцент на строительстве арендного жилья, в том числе для государственных служащих и работников бюджетной сферы. Для тех граждан, которые желают построить собственное жильё, государство создаст инфраструктуру под индивидуальное жилищное строительство.

СПК должны активно подключиться к этому процессу в рамках программы.

Третье. Надо в законодательном порядке обеспечить **прозрачность деятельности строительных компаний** и повышение уровня конкуренции в отрасли. Необходимо усилить **защиту прав участников долевого строительства жилья**.

Нужны упрощённые правила предоставления и оформления земельных участков в целях стимулирования **индивидуального жилищного строительства**.

Четвёртое. Приоритетное значение должно получить **освоение индустриальных, недорогих и экологических технологий строительства индивидуального жилья**. Нужно использовать **передовой опыт** зарубежных стран.

Пятое. Дальнейшее **развитие нашей столицы Астаны**, которая в этом году отметит своё 10-летие, является важнейшей задачей.

Необходимо продолжить строительство **современной транспортной, инженерной инфраструктуры и энергоисточников столицы**. Для надёжности энергоснабжения города надо реализовать программу развития энергетического комплекса на основе государственно-частного партнёрства, включающую строительство ТЭЦ-3.

Правительству необходимо активизировать работу по **созданию продовольственного пояса города Астаны** с целью насыщения и стабилизации цен на потребительском рынке столицы.

Правительству и акимату города Астаны в 2008 году завершить в основном формирование медицинского кластера и обеспечить ввод всех объектов, намеченных к 10-летию столицы.

***

Повышение благосостояния населения должно оставаться первоочередной задачей **акимов всех уровней**. Нужно целенаправленно работать по следующим направлениям.

Первое. Повышение бюджетной результативности. Надо сократить все расходы, не связанные с социальным благополучием населения.

На центральном уровне уже ведётся работа по внедрению бюджетов, ориентированных на результат. Эту работу надо распространить и на местный уровень. Население должно почувствовать реальную заботу региональных властей.

Новые социальные объекты: медицинские учреждения, школы, спортивные сооружения должны стать центрами предоставления качественных, современных и, главное, массовых услуг населению.

Второе. Акимы должны обеспечить активное развитие **инфраструктуры, особенно дорог местного значения.**

Третье. Надо прекратить практику непрозрачных схем распределения земель. Все земли должны распределяться через **открытые аукционы**. Исключением будут только целевые земельные участки, предназначенные для деятельности СПК.

Проверки, проведённые Правительством, показали, что земли вокруг Астаны и областных центров заранее закуплены на подставные фирмы и лица. И теперь, продавая эти земли по рыночной цене, некоторые люди, среди которых немало чиновников, богатеют за счёт государства, ничего не вложив.

Надо предложить им вернуть эти земли государству добровольно, или правоохранительные органы обязаны определить законность этих действий и ответственность таких лиц.

Было бы хорошо, если партия “Нур Отан” и её фракция в Парламенте взяла бы этот вопрос под свой контроль.

В целом **филиалы и первичные организации “Нур Отана”, депутаты местных маслихатов** должны стать серьёзным фактором развития регионов и экономической модернизации. Они должны принять активное участие в реализации указанного комплекса мер и взять под особый контроль указанные выше задачи.

IV. Укрепление международного авторитета Казахстана, региональной стабильности и международной безопасности

За годы независимости **Казахстан стал полноправным членом мирового сообщества**, чьи инициативы практически всегда получали широкую поддержку и осуществлялись на практике.

Доказали свою востребованность созданные **по инициативе или при непосредственном участии Казахстана межгосударственные объединения**, заложившие основу для построения **эффективной системы региональной безопасности**, — СВМДА, ШОС, ОДКБ.

Мы должны и дальше укреплять наше экономическое и политическое сотрудничество с **Россией, Китаем и государствами Центральной Азии**. Создавать прочную основу для стабильности, открытого диалога и взаимодействия в регионе.

В целях укрепления **безопасности в Центрально-Азиатском регионе** мы расширяем также конструктивное взаимодействие с **США, ЕС и НАТО**.

Сегодня наша страна вышла на **качественно новый уровень международного признания**. Убедительным свидетельством этого стало решение **о председательстве Казахстана в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе в 2010 году**. Мы благодарны членам

этой организации, особенно главам государств СНГ, которые коллективно выдвинули нашу кандидатуру.

В связи с этим необходимо разработать специальную программу **“Путь в Европу”**. Она должна способствовать развитию экономического сотрудничества, привлечению технологий и опыта управления, совершенствованию наших законов, разработке своей повестки дня, стратегического видения нашего председательствования в ОБСЕ.

В целом наши **приоритеты** в области внешней политики и обеспечения безопасности остаются неизменными.

Первое. Наша внешняя политика построена **на поиске общности основополагающих интересов**, на понимании необходимости компромисса в отношении всех, даже самых острых вопросов.

Второе. Казахстан намерен и далее всемерно укреплять свои позиции в качестве активного участника международной коалиции **по борьбе с международным терроризмом и религиозным экстремизмом.**

Третье. Мы продолжим **модернизацию и боевую подготовку казахстанской армии.**

За прошедшие годы Вооружённые силы страны существенно повысили свои **военные и технические качества.**

Необходимо создать профессиональный, военный и управленческий корпус Вооружённых сил, способный дать отпор современным вызовам безопасности.

В целом перед Вооружёнными силами страны стоит задача дальнейшего **повышения своей боеготовности и конкурентоспособности** в соответствии с **новой Военной доктриной.** Правительство, государство в целом, должны решительно поддерживать наши Вооружённые силы.

***

Особо хочу отметить, что в предстоящие годы необходимо провести целый **ряд крупнейших международных мероприятий, имеющих глобальное значение.**

Речь идёт о **Третьем съезде лидеров мировых и традиционных религий** в 2009 году, **Совещании по мерам доверия и безопасности в Азии** — в 2010 году, работе в **руководящей тройке ОБСЕ** с 2009 года и **председательствовании в ОБСЕ** в 2010 году.

Уже сейчас необходима серьёзная **подготовительная работа как в организационном, так и в содержательном плане.** Это задача не только Министерства иностранных дел и Правительства, но и всех органов государственного управления.

Заключение

Как вы знаете, каждый год мы ставим перед собой большие задачи. Все мы работаем ради укрепления независимости страны, её процветания и улучшения благосостояния людей. Я уверен, что мы оправдаем доверие народа и выполним все свои обещания.

Вот то, что я сегодня хотел сказать.

Благодарю за внимание.

Любовь ФЕОФАНОВА

“Упрямо жизни подставляю лоб...”

***

Детство солнечным мне снится,
В лёгком платьице цветастом —
То с мячом вприпрыжку мчится,
То мечтает вслух о разном.

Ни грустинки, ни тревоги —
В том счастливом сне из детства...
Но уже пылят дороги —
Не успела оглядеться.

***

Я задолжала... задолжала...
Судьбе — доверья, счастью — пота,
Родным — внимания и заботы,
Друзьям — надёжного причала.

Я задолжала... задолжала...
Творцу — любви, молитву — храму,
“Прости” — отцу, улыбку — маме,
Душе — работы, сердцу — бала...

***

Зачем в душе копила нежность,
Раздаривая всем по капле?..
Вот и расплата — неизбежность
Ходить по краю острой сабли.

Кругом, пред всеми, виновата —
Не так сказала, посмотрела..
Я сотни раз была распята,
В огне чужих страстей горела.

Обиды метили мне душу,
Летела зависть вслед стрелою..
И кто-то очень неуклюже
Льстил, проклиная за спиною.

Мне б, как цветку, уметь закрыться,
Колючим ёжиком свернуться...
А я взлетаю в небо птицей —
Чтоб снова в ком-то обмануться.

***

Отпущено мне по чуть-чуть, понемножку —
Горсточка счастья в старом лукошке,
Ложечка мёда в горьком отваре,
Капелька яда в хрустальном бокале.

В чаше веселья — пригоршня соли,
В сонме созвучий — выжимки боли.
Старые ситцы... новые бусы...
Взгляд васильковый, волосы русые...

Парус, потрёпанный суетным бытом,
Правда — над старым разбитым корытом.
Милость Господня... слабость и сила...
Солнце — что дважды под сердцем носила.

Две звезды

Скажи мне, Сердце, как осилить, как унять
Седую материнскую тревогу?
Как научиться терпеливо ждать,
Благословляя всякий раз в дорогу?

Как уберечь их от падений и потерь,
От чёрных языков и расставаний?...
Держу всегда распахнутою дверь
В душе — как в храме — для исповеданий.

Две взрослых дочери — два мира, две судьбы —
Моей любви и совести мерила...
Две капельки, кровинки, две звезды,
Которые я миру подарила.

***

Эти пухленькие щёчки,
Эти серенькие глазки —
Может, гены моей дочки...
Может, сны из доброй сказки...

Этот чистый лист бумаги,
Каламбур из слов и звуков —
Лишь начало новой саги,
Новой жизни в моих внуках.

***

Боже, спасибо за небо,
За яблони эти в цвету!..
За былъ и ещё — за небыль,
Взлелеявшую мечту.

За птиц перелётных стаи,
За вёсен твоих благодать..
За то, что люблю и страдаю,
За то, что умею ждать.

За ясные дни и ночи,
За Пасхи благую Весть..
За внуков моих и дочек,
И просто за то, что я есть!

***

Думала, Счастье — звонкое:
Вдруг поманит озорною девчонкою,
Брызнет соком малины спелой..
А оно оказалось несмелым,
Робким — будто ромашка в вазе, —
И его очень просто слазить.
Думала, Счастье — вечное:
Что вдвоём по пути млечному —
За мечтой... за звездой... в пламя..
Но у Счастья короткая память.
Ходит-бродит оно околицей —
За меня, нерадивую, молится..

Плачущие руки

Когда качнутся, а потом —
Взметнутся, будто птицы, звуки, —
Твои растерянные руки
Заплачут на плече моём.
Стекая с тонких пальцев, боль
Мне упадёт на сердце прямо..
Но я молчу, молчу упрямо,
Как будто примеряю роль,
Где ты — чужой... Так отчего ж
Мне трудно без тебя на свете?
Зачем волнуют руки эти?
Зачем то этот жар, то дрожь?!
Знать, от себя напрасен бег —
И, вздрогнув, отзовутся плечи..
Держи, держи меня покрепче,
Мой самый главный Человек!

Загримированная душа

Устала лгать и притворяться,
Что счастлива, что всё в порядке...
Но вновь и вновь играю в прятки
С судьбой моей — что, может случиться, —

Меня сочтёт плохой актрисой,
Другую обласкав удачей...
А я весь жар души растрочу —
И сердце спрячу за кулисы.

Чтоб снова, боль зажав в горсти
И все морщинки разутюжив, —
Загримированную Душу
От чьей-то жалости спасти.

Одиночество

Одиночество моё —
Как комната,
Что заперта на ключ, —
Не хочет никого впускать
В своё пространство...
Лишь тень больной луны,
Заблудший луч
Да звёзды —
Эти знаки постоянства.
Повиснет звук,
Прорвавшийся извне, —
Слова пустые
Ничего не значат...
На верность
Присягаю Тишине,
Свой хрупкий мир
От любопытных прячу.
Грущу, мечтаю,
Память ворошу —
Заложница звезды
Своей далёкой...
Я Одиночество лелею,
С ним дружу —
Но не хочу
Быть в жизни одинокой.

Запятая

Снова на сердце морозы —
Закрываюсь от родных...
Жизнь — то белый стих, то проза,
Где так много запятых.

Запятая... запятая...
Днём и ночью — по пятам...
Всё грехи мои считает,
Неудачи тут и там.

Множит ссоры и потери...
Но однажды, на заре,
Вдруг в строку судьбы, как в двери,
Радостно впорхнёт тире.

***

Разъя́снило в судьбе... И на душе
Так благостно, хотя и минус двадцать...
Будильник прозвенел давно уже —
А мне не хочется с тобою расставаться.

А мне не хочется в мороз и в суету —
Где жгут обиды, копятся упрёки, —
Дежурной фразы “как ты?” на ходу,
Цветов и слов, завянувших до срока.

А мне так хочется с тобой в весенний лес,
Где нас обнимут тишина и нежность...
Где так нелепы все обиды прежние —
Пред таинством распахнутых небес.

Живое зерно

Когда на душе, будто в небе, светло,
Когда её боль вдруг подстрелит, как птицу, —
Рождается Слово — живое зерно,
Созревшими строчками на лист ложится.

Порой нелегко собирать их в стихи —
То рифмы бунтуют, то образ таится...
Мне б только избавиться от шелухи,
Чтоб зёрнышком чистым к вам в души пробиться!

***

Если спросят меня “Что ты ценишь в других?” —
Я отвечу, не лстя, не лукавя:
“Нерв строки — обнажённый и бьющий под дых,
Слово — то, что не рядится в славу”.

Не брильянт мне дороже — а скромный ларец,
Где сокрыты души самоцветы...
И венок луговой мне милей, чем венец, —
Он пронизан ромашковым светом.

А ещё мне по нраву бесхитростный взгляд,
Правда сердца и исповедь стона...
И умение виниться — когда виноват, —
И шершавая нежность ладоней.

***

Убегаю от инфаркта,
От инсульта убегаю...
Приручаю ветры марта,
Грусть-тоску смываю маем.

Набираюсь сил у лета,
Солнцем раны заживляю...
Впрок коплю тепла и света —
И стихов окрепших стаю
В осень жизни выпускаю.

***

И этот день — как сотни дней других —
Откружит хлопотливо над судьбою,
Где шаг вперёд всегда даётся с болью,
Где в суетной пыли томится стих.

И этот свет — как было сотни лет —
Накопится в морщинках и сединках...
И выпорхнет душа из паутинок, —
И Слово птицей полетит ей вслед.

И этот день... и этот свет... взahlёб
Я пью, как в детстве, жажду утоляя.
И, слава Богу, что ещё жива я —
Упрямо жизни подставляю лоб.

г. Усть-Каменогорск.

Владимир ДЕГТЯРЁВ

Супротивцы

Документальный роман

(Окончание. Начало в № № 1-3 за 2008 г.)

40. Следственный изолятор № 14.

Эннс Д. П.

Дмитрий Петрович Эннс в свои двадцать девять лет мучительно переносил тупые тюремные ограничения. Он всю сознательную жизнь проработал электриком, а это — свободная профессия, можно сказать — творческая, с личным распределением времени, личным решением задач и удовольствием от их верного решения. До головной боли обидно за шестьдесят дней тюремного, одурающего безделья. Ещё до дрожи в мышцах бежали тёмные цементные стены камеры, горькая духота застоявшегося воздуха, вонь немытых тел сокамерников, да и своего тоже. Параша в углу, у двери — ржавый бачок с дырявой крышкой особенно выводила Диму из себя. Первые дни, пока желудок не привык к тюремной баланде, он ежедневно бегал на этот бачок. Потом вспомнил, чему учили бывалые братья, и на три дня установил себе пост. Пил только кипячёную воду. Когда желудок закрепился, на душе полегчало: один способ борьбы подтвердился. А сколько таких способов придётся изыскивать впереди?

Неприятное, богохульное дело нашлось только поначалу. Привязался к нему блатной сокамерник: “Где живёшь? За что сидишь? Кого знаешь?”. Дима, слава Богу, был откормлен не на городских обедах, а на густой деревенской сметане да жирном мясе. Кратко помолвившись, он на все назойливые вопросы ответил прилипале один раз. Ответил крепко. Тот полдня схаркивал над парашей красные сопли, и больше к Диме не привязывался. Но выматывающее безделье так заразило блатного дурня, что он схлестнулся с третьим сокамерником. Тот сидел за квартирную кражу. От отчаяния или от того, что был прикрыт деньгами за отсидку, молодой ворюга все кражи в городе брал на себя. Уголовный розыск за это опекал его лучше отца родного.

Квартирный вор определённо “стучал” на Эннса. Стоило только Диме начать пост и отдать вору свою баланду, тот сразу попросился на допрос. А через полчаса в камеру пожаловали начальник тюрьмы и врач: “Затеяли голодовку, гражданин Эннс”? — “Нет, гражданин начальник. Соблюдаю трёхдневный пост”. — “Так положено по вашей религии”? — “Да, так положено”. Врач заставил его высунуть язык, пощупал пульс, подвёл к параше: “Мочись!” Эннс сумел помочиться. “Здоров, как три быка”, — заключил врач и первым вышел из камеры. Начальник тюрьмы кивнул и вышел следом.

На удивление себе, даже голодая, спал Дима крепко. Лежаки заключённым разрешали откреплять от стены по звонку, ровно в десять часов вечера. Дима уже через пятнадцать минут засыпал, прикрыв лицо полотенцем от постоянно светившей в камере лампочки. Тюрьма ещё орала, на улице шумели машины, а Дима спокойно и ровно спал. Видимо, сказалось

нервное напряжение последних месяцев, когда ожидал неприятностей от внезапной поездки за типографией. А когда случился арест, истеричные допросы в Джамбуле, перевод в Павлодар, организм дал команду отдыхать. Так срабатывает автоматический выключатель при перегрузке в электросети. Щёлк, и тока нет.

А днём в камере чем себя занять, кроме размышлений и молитвы? Тем более что ночного сна ему не хватало, да и дома он привык после обеда часок вздремнуть. Дима приспособился, становился на колени под зарешеченное окно, будто на молитву. Голова упиралась в стену, и в таком положении он дремал минут сорок. Коридорные, приоткрыв глазок на двери камеры, видели Диму молящимся и не препятствовали. А он спал. И сон свой под видом молитвы грехом не считал, разумно полагая, что ему сейчас много сил понадобится для борьбы за свою веру и свою свободу.

И размышлять Диме было над чем.

Больше пяти лет он выполняет специальные поручения своей церковной общины. За эти пять лет бывало всякое. Один раз ехал пустой, новую степную трассу себе примечал. В начале ноября дело было, под вечер, темно быстро. Дима рассчитывал, что от районного центра Щербакты сумеет по глухой степной колее через российский посёлок Табуны попасть на Кулунду, ну а дальше — в заповедный алтайский городок, где накормят, спать уложат, утречком литературой загрузят и на обратную дорожку благословят. Да не получилось так весело, как задумывал. Налетел внезапно свирепый снежный буран и всё благодушные враз порушил. Дорогу моментально занесло. В трёх метрах от машины света фар не видать, несётся только бесконечная стена снега. Почти сутки бушевал буран, да ещё нагнал крепкого морозца. Пока бензин в баке был, Дима держался. При работающем двигателе в салоне держалось тепло. К утру бензин кончился... А буран только силу набирал. Дима понимал, что пешком ему никуда не добраться, будь у него хоть тулуп и валенки, а не осенняя курточка и лёгкие ботиночки. Да и куда идти в буран по степи? Где деревни, где шоссе? Закрутит метель, собственного следа не найдёшь. В общем, пришла Димина пора уходить к большинству, со старой костлявой каргой знакомиться. Со смертью. На удивление своё, Дима не суетился, не орал в белую пустоту: "Спасите! Помогите!". Он чётко знал, что этой дорогой летом, и то раз в неделю ездят, а уж зимой! Но так вот запросто лечь и копыта отбросить, не поборовшись? Это не в Димином характере было. Да и буран, как с вечера налетел, так днём и закончился, одним махом. Лежала вокруг Димы белейшая снежная целина, ни дымочка, ни звука на сорок вёрст кругом. Но буран кончился! Значит, подавал Бог надежду! Дима поджёг запасное колесо от машины и два часа возле него погрелся. Потом полетели в костёр чехлы из салона, канистра с маслом, тряпки. Ещё час выигран! А если по одному сжигать ходовые колёса, то запросто день можно выиграть у смерти. Теплилась ещё слабенькая надежда, что чёрный дым издали увидят, на помощь придут. Такой обычай издавна в этих степях сохранился, ещё со времён целины. Правда, спас Диму другой обычай, но тоже целинный: общественный транспорт использовать в личных целях, без спроса и без зазрения совести. А какая совесть может быть, если в сельском магазине в самый буран водка кончилась? И неизвестно, когда привезут! Сидеть дома неделю? Какой мужик это издевательство над сельским пролетариатом выдержит? Вот почему самые нетерпеливые мужики из казахстанского колхоза "Красный

партизан” раненько поутру завели здоровенный колёсный трактор “Кировец” и кинулись на нём по бездорожью в российское село Табуны. За водкой. И по пути, на полдороге, заметили справа столбик чёрного дыма. Дима уже собрался переднее колесо с машины снимать и жечь, как из лощины вынеслось на него жёлтое рычащее чудовище. На Диму пахнуло жжёной соляной и горячим теплом громадного двигателя. С весёлыми матерками мужики затолкали бедолагу в блаженное тепло тракторной кабины и влили ему из термоса остатки чая. Димин “жигулёнок” ловко зацепили передком за гидравлические рычаги для навесных агрегатов и с песнями порулили дальше. От тепла и чая Дима моментально уснул и очухался только в посёлке Табуны, возле магазина, когда рык трактора умолк. Оказалось, что его автомобиль мужики уже успели заправить “по горлышко”. Осталось сделать ещё одну заправку — и можно разбежаться. Поднесённый Диме стакан водки и был этой, последней заправкой. Пришлось объяснять обалдевшим мужикам, что выпить с ними он не может, поскольку является верующим. Хромоногий Мишка начал тогда орать, что он тоже верующий с детства, и православная вера пить не запрещает. Что они сейчас сольют из его машины бензин и уволочут туда, откуда взяли, раз он их не уважает! Скумекал истину длинноносый Петя. “Баптист”? — спросил он. Дима кивнул. “Бога станешь благодарить за чудесное спасение?”. Дима сознался, что да, Бога. Петя вынул из ящика бутылку “Русской”, погладил этикетку: “Как мужик, согласишься, что её, родимую, ты должен благодарить, а не Бога. Не рванули бы мы за водкой, лежал бы ты сейчас мёрзлым поленом у своей трашпанки. Весной бы нашли. Только кому ты весной был бы нужен? Подумай, парень!”! Думать? А чего было Диме думать? Тупую деревенскую жизнь он каждый день видел. У этих мужиков, его спасителей, в жизни две радости — баня да водка. Остальное — беспросветная нудятина. До самой смерти. У него цель в жизни есть, а у них? Правда, в своей округе его спасители целый год будут ходить героями и рассказывать, как в буран баптиста спасли, а он отказался водку пить за спасение, и пришлось надавать ему по шее. Может, по-другому врать будут, но смысл останется тот же. С другой стороны, по-человечески, негоже просто взять выпрыгнуть из кабины и уехать. Тогда такого про него наболтают, что на всех баптистов плевать начнут. Весёлое положение, нечего сказать! Упрямый тракторист Миша как поднёс Диме стакан, так и продолжал его держать у Диминого лица. Противно воняло сивухой. Дима глянул на одинокий ящик водки в ногах у мужиков и сообразил, что ему делать. Зарплата у механизаторов зимой копеечная, на этот несчастный ящик с отравой мужики собирали деньги всей бригадой, это точно. Сидят сейчас непохмелённые орёлики на крыше мастерской и трактор с гонцами в степи высматривают. Душа горит, хоть стакан водки ей залить! На большее грошей нету! А тут ещё Дима ерепенится, будто он спасал, а не его спасли. Кокетничает, как девчонка на сеновале. Чужое похмельное время тянет! Дима молча выскочил из высокой кабины и зашёл в магазин. К трактору он вернулся с двумя ящиками водки... Обнялся с ошарашенными мужиками и уехал по беспокойным своим делам.

Через полгода, в весеннюю страдную пору Дима специально заехал в колхоз “Красный партизан” повидать своих спасителей. Но прежде чем мужиков по полям искать, побывал у их родителей. Подарил старикам по Евангелию, из последней партии печатной продукции. Добротные получились книги в новой типографии!

Надо было видеть, как плакали старики, листая недоступные в миру книги. После этих слёз ехать в поля Дима передумал. Ему хватило благодарности...

Почему его на допросы не вызывают? Молодой ворюга, когда узнал, кто у Димы следователь, долго мялся, а перед сном не выдержал, сказал: "Твой следователь, Любимов — "колун", он свои приёмчики на тебе применяет". Дима молчал, вроде не слышал. "Он тебя выдерживает здесь, у параша, чтобы ты больше свободу ценил, чтобы потом за допросы цеплялся, лишь бы подольше в камеру не возвращаться. И ещё, он по нервам бьёт, чтобы тебя трясло день и ночь, чтобы ты переживал... А ты спишь как сурок, значит — не переживаешь! Но Любимову нос не утрёшь, он хитрый. Я тебя, баптист, не запугиваю, я правду говорю. Я на тебя, конечно, каждый день стучу, ты уж извини, но жить и в тюрьме надо. Опер меня вчера чуть табуреткой не пришиб: "Врёшь!" — орёт. А чего? Я каждый день ему правду докладываю: "Эннс ест, молится и спит. Не разговаривает. Записки не пишет". Разве не правду я докладываю? Правду! Но Любимова тебе не осилить. Ты лучше выкладывай ему всю правду сразу, быстрее на суд пойдёшь да в лагерь. В лагере хорошо, там воздух свежий, и передачи чаще разрешают. Да и своих баптистов там обязательно найдёшь". — "Я и здесь не один, — глухо ответил Дима, — нас тут четверо". "Тогда, конечно, пока всех расколют, осень придёт. До ноября тут просидите. А я скоро в лагерь. Обещали рядом с Павлодаром засунуть, в Экибастуз или в Караганду". — "Ладно, я сплю", — пробормотал Дима и повернулся к стенке. Но уснуть долго не мог. Почему до ноября терпеть? В этих условиях терпежа не хватит! А может, стукач нарочно запугивает, чтобы Диму перед допросами размягчить? Да, похоже на то. Бывалые братья о таких следовательских приёмчиках тоже рассказывали.

Засыпая уже, Дима вспомнил, что вместо него намечен за литературой ездить молодой Иван Нейфельд. Из его села парень, им, Димой Эннсом, натасканный. И за литературу можно не беспокоиться.

Стукач, видимо, знал больше, чем говорил. На следующее утро, после завтрака, Эннса вызвали на первый допрос. Однако в помещении для допросов Диму встретил не Любимов. Следователь представился: "Мешков", и Эннсу стало неприятно в желудке, вроде как изжога резанула.

Он сел за стол, напротив следователя. Хотел поближе придвинуть табурет, табурет и на миллиметр не подвинулся. Мешков улыбнулся:

— Здесь, Дима, всё неподвижно: столы, табуреты, жизнь. А наша общая с тобой задача — сдвинуть наше дело, оживить его. Справимся, тебе будет хорошо, и мне хорошо. Не справимся, тогда тебе будет очень худо, а мне — никак. Понял?

— Понял.

— Тогда начнём. Мы всё знаем про тебя, про твои делишки. Поэтому фокусы здесь не устраивай, быстренько рассказывай всё как есть. Много скажешь — меньше получишь, раньше сядешь — раньше выйдешь. Туфту погонишь, сядешь по делам своим надолго. Понял?

— Нет.

— А чего непонятного, Дима? Я тебя спрашиваю: печатница кто? Майя Кабыш? Ты отвечаешь: "Да". Я спрашиваю: Фриман — старший в общине? Ты отвечаешь: "Да". Я спрашиваю...

— Погодите, гражданин следователь...

— Ты меня не перебивай, баптистский выродок! Я тебя спрашиваю: печатный станок везли в Ташкент? Ты отвечаешь: "Печатный станок везли

в Павлодар”. И так далее. Будешь неправильно отвечать, гарантирую длительный и нездоровый образ жизни. Я тут на тебя время трачу, и трачу зря! У нас в КГБ на тебя полный сундук материалов! Копнём снизу — десять лет лагерей. Копнём с середины — пять лет. Возьмём два листочка сверху — получишь год условно и вместо Фримана станешь общиной заправлять. Под нашим мудрым руководством. Новую машину тебе разрешим купить, “Волгу”. Понял?

— Понял, что нет у вас ничего на меня.

— Да мы перешерстили все дома и сараи твоих родственников и твои сараи. Одной запрещённой литературы вывезли полтонны. Все свидетели утверждают, что ты лично нелегальную литературу в Казахстан ввозил и распространял по всей республике! Ты в колхозе зарабатываешь 90 рублей в месяц, а какой себе дом отгрохал? Жена не работает, а ты машину покупаешь. На какие шиши? Или тебе за нелегальщину платят, или ты в колхозе воруеться! Так и эдак статья тебе светит. Давай колись, откуда деньги! Воруеться в колхозе или тебе Фриман платит?

— Нет и нет!

— Ты не ври мне, не ври!

— Я отказываюсь с вами разговаривать в таком тоне, гражданин следователь!

— А-а! Ты протокол хочешь? Будет протокол! Только запомни, Эннс, составим бумагу, всё, накроется наш уговор!

Дело № 4915

Протокол

дополнительного допроса обвиняемого

15.06.82 г.

г. Павлодар

Следователь Мешков В.И. в помещении следственного изолятора СИ-14 допросил Эннса Д. П.

Допрос начал в 10.00

Окончен в 11.00

Вопрос: Где вы взяли деньги на покупку автомашины?

Ответ: Часть денег моя — от сдачи скота. Я сдавал быков, тёлочек в колхоз Энгельса все года, начиная с 1975 по 1980 г. От сдачи скота я имел в среднем по 400 рублей. После женитьбы в 1974 году моя жена ни дня не работала, так как у неё неважное здоровье, где я взял остальные деньги на покупку автомобиля, я не скажу, так как это связано с Церковью.

Вопрос: Каким образом Церковь участвовала в покупке этого автомобиля, кто конкретно из верующих дал вам деньги, на каких условиях?

Ответ: Я не могу ответить на этот вопрос, так как это церковная тайна и потому, что меня назовут Иудой.

Вопрос: В каком населённом пункте вы загрузили печатный станок, приспособления к нему, куда должны были везти?

Ответ: Где мы грузили сумки, сетки, я не скажу. Я знал, что буду перевозить печатный станок, но куда его надо везти — не знал. Кто должен был об этом знать — не скажу. Разумовского и Кабыш мы подбирали на дороге, в этот момент за рулём был я.

Вопрос: Были вы знакомы раньше с Кабыш и Разумовским?

Ответ: Я не могу отвечать на этот вопрос по церковным соображениям.

“Записано с моих слов верно, от подписи отказываюсь”.

Мешков небрежно засунул протокол в “дипломат”:

— Чего ты мне балду гоняешь? “Не знаю, не скажу!”. Мы как договаривались, а?

— Мы ни о чём не договаривались, гражданин следователь.

— Ну ты, Эннс, даёшь! Ладно! Хочешь, давай о другом договоримся? Чёрт с ним, с Фриманом, с новой машиной! Ты знаешь, из какой я конторы. Знаешь, как мы тебя раньше давили и как дальше можем давить. А вот если договоримся, контора поможет и тебе, и твоим близким.

— Как?

Мешков взял со стола перевёрнутый текстом вниз листок, протянул Диме:

— Читай!

Дело № 4915

Протокол допроса свидетеля

14 июня 82 г.

с. Борисовка

Следователь Мешков в помещении восьмилетней школы допросил свидетеля Кабдулова Кабдыкарима Аралбаевича, 1927 года рождения, казаха, члена КПСС, учётчика тракторной бригады, который показал:

— В 1975 году Эннс Дмитрий вместе с двумя другими семьями ходатайствовал о выезде в ФРГ. Я как раз присутствовал на заседании в Успенском райкоме партии, где решался вопрос о возможности его выезда в ФРГ. Основания у него были слабые — в ФРГ жила его тётка. Когда ему отказали, то он вёл себя нагло, спорил, доказывал. С худшей стороны характеризует Эннса и то, что он, как гражданин СССР, не выполнил свой долг, отказался в период службы в армии от принятия воинской присяги, поступил не по совести.

С моих слов записано правильно.

Подпись.

— Ну и что? — спросил Дима, возвращая бумагу, — разве в ФРГ нужны советские люди? Члены КПСС, может, позарез нужны?

— Ты, зараза, не юродствуй! Если бы ты был членом КПСС, ты бы и сам не поехал! Со стыда бы сгорел, если бы тебе выехать предложили! Как можно бросить родную страну!

— А чего меня держать, если я не хочу здесь жить?

— Скоро ты в другом месте поживёшь!

— Нет, правда, гражданин следователь, почему только сорок тысяч немецких семей выпустили на родину в 1975 году — и всё, ворота захлопнули? Уехать многие хотят, практически все немцы об этом мечтают! И вам бы меньше хлопот было.

— Люди воссоединились с семьями. Такова была благородная и гуманная цель Политбюро ЦК КПСС. А у тебя в ФРГ какая-то тётка! Может, липовая тётка! Да и не в тётке дело! Людей для переселения подбирали надёжных, верных. Таких, что не будут клеветать на наш строй, на нашу страну. А ты даже присягу в армии не принял. Они там тоже на это дело ласково не смотрят. Попробуй, не прими присягу в ФРГ!

— Там бы я служил с удовольствием.

— Я об этом хочу с тобой поговорить, а ты меня назло бесишь. Хочешь уехать к своей тёте?

— А что для этого надо сделать?

— Дать показания на Кабыш и на Разумовского, Обязательно в суде...
— Вот тогда вы обеспечите мою семью визой на выезд, а историческая родина не примет Иуду.

— Брось ты сопли на кулак мотать! Кабыш — хохлушка, Разумовский — русский. Разве два этих человечка интересуют немцев? Германии глубоко плевать на всех, кроме своих, немцев. Тем более, там, на суде, ты не соврёшь, там подсудимые на Библии клянутся говорить только правду. И у нас на суде ты скажешь правду о Кабыш и Разумовском, только без Библии. Какая разница? Правда — она везде правда, поэтому нигде, никто не назовёт тебя Иудой. Тем более в Германии. Ты выполнял священный долг гражданина, такое только приветствуется.

— Ну а ещё что?

— Нет, ты пока над этим предложением подумай, а остальное на следующий встрече скажу.

— Я догадываюсь. Не я первый, не я последний в такой ситуации — вы попросите меня бумагу подписать. О секретном сотрудничестве. Так?

— Ну и что? Ну подписал да уехал! Может, никогда ты нам и не понадобишься в своей Германии?

— И это жизнь? Каждый день ждать, вдруг кто из ваших придёт? Нет, так незачем и жить. Крыша съедет обязательно!

— Ты посмотри на него, какой он нежный! Прямо как балерина! А когда от нас по кочкам скакал, нелегальный груз прятал, крыша не ехала? Ты, Эннс, подумай, крепко подумай! Многого от тебя не просят...

— Ладно, подумаю.

— Вот молодец! Ты извини, если я на тебя наорал или обозвал матерно... Лето, жара... нервы ни к чёрту. Как надумаешь, вызывай меня, понял? Днём или ночью в камере по двери молоти и через дежурного вызывай. Я обязательно буду. Завтра я на выезде, послезавтра — в городе. Послезавтра и вызывай. Не стесняйся. Нам прежде чем работать вместе, сдружиться надо. До свидания, друг!

Через день Эннс действительно постучал в дверь камеры и передал дежурному, что просится на допрос к следователю Мешкову.

Мешков примчался через сорок минут.

Чтобы услышать, что от всех предложений гражданина следователя Эннс Дмитрий Петрович отказывается.

— Пять лет лагерей, — спокойно констатировал Мешков, — и к бабке не ходи. Кто же будет на божьей ниве за тебя трудиться?

— Найдутся, всегда найдутся, кто встанет вместо меня.

— Это кто же? Может, Ванька Нейфельд? — ехидно спросил Мешков.

Эннс ничего не ответил. Он только подумал, что другим с этого дня будет много тяжелее, чем ему. Хотя и ему беспокойства прибавилось: как своих предупредить, чтобы молодого Нейфельда в "поле" не выпускали?

Дело № 4915

Протокол допроса свидетеля

22.06.82 г.

с. Ольгино

Следователь следственной группы Мешков В. И. в помещении Ольгинской средней школы допросил Нейфельд Ивана Георгардовича, 1956

года рождения, беспартийного, немец, образование среднеспециальное, слесарь, который показал следующее:

— Верующим я стал 2 года назад, принял водное крещение, хотя до этого я также верил в Бога, но вместе с тем курил, употреблял спиртные напитки, ругался. С помощью моего брата по вере Эннс Дмитрия я сейчас от всего этого отошёл. Сейчас стою на новом пути. Я не являюсь членом профсоюза, так как профсоюзы — школа коммунизма, а религия и коммунизм это два разных мировоззрения. У меня дома нет телевизора, я не хожу в кино, так как это мне не разрешается, как верующему, противоречит моим религиозным убеждениям. Я не могу принимать участие в каких-либо общественных мероприятиях в колхозе в воскресные дни, так как воскресные дни посвящаю служению богу. Что касается детей и религии, то могу сказать, что я за то, чтобы дети верили в Бога с ранних лет. Я, например, так же не разрешу своим детям, чтобы они вступали в пионеры, в комсомол, так как это противоречит религии и я буду стараться воспитывать их по-религиозному, чтобы они шли по моему пути к Богу. Что касается этого, то могу сказать, что нас Бог отделил от мира, мы идём своим путём. Мне неоднократно приходилось читать религиозный журнал “Вестник истины”, разные номера за разные годы, читал “Бюллетень Совета родственников узников”, “Срочные сообщения”. Считаю, что эти религиозные издания очень нужны, они несут правду о положении верующих. Раз верующие пишут, значит клеветы там нет, значит так есть на самом деле. Кто мне давал эти религиозные издания, я сказать не могу, это дело Церкви. Из журналов “Вестник истины” я хорошо помню речи Крючкова, Винса и других Благовестников. Верующие, мне об этом известно, периодически отдают Церкви добровольные пожертвования, кто сколько денег даёт, кто деньги собирает, не скажу, деньги идут семьям узников. В отношении узников Эннса и Фримана и других, я считаю, что все они находятся в тюрьме под следствием за веру, а не за совершённые преступления.

Вопрос: Вам предъявляется заявление верующих в Президиум Верховного Совета СССР о якобы имеющихся притеснениях, гонениях верующих в СССР, под которым стоит ваша подпись. Что вы можете сказать по этому поводу?

Ответ: Под заявлением этим стоит подпись моя и жены. Я верю всему тому, что там написано. Если пишется, что против верующих осуществляются репрессии, то, значит, так оно и есть. О том, что в армии солдат избивают и убивают за веру, нам сообщили сами верующие. Что касается заявления о выезде верующих за границу, то я бы тоже выехал, если туда поехала вся Церковь. Мне известно, что за границей находится наш брат по вере Винс П. Г., его туда выбросили за крепкую веру в Бога. Кто исполнял это заявление — не скажу, считаю, что Церковь. Данное заявление верующих я подписал 8 апреля 1982 г.

От подписи протокола свидетель безмотивно отказался.

41. Особая следственная группа

Следственная группа, наконец, собралась в полном составе. Из Москвы прилетел Лужников, из Алма-Аты — Байтаков. Любимов с утра отсидел положенную планёрку у областного прокурора и присоединился к своей группе уже в одиннадцатом часу:

— Есть результаты?

— Есть, товарищ генерал! — ответил круглолицый Байтаков, — обязательно есть!

Лужников был более сдержан, только кивнул и протянул Любимову оформленные бумаги.

— Мало, — вздохнул Любимов.

— Мало, — согласился Лужников, — хотя я Московскую область всю окучил и Днепропетровскую область прочесал, и с крючка, конечно, Кабыш не сорвётся, но глубоко крючок загнать не сможем.

То, что привёз Байтаков на Разумовского, совсем не блистало обилием и явной доказательностью, поэтому он так хорохорился:

— Разумовский нигде не работает целый год и дома не был! А главное — обыски! Обыски дали результат! У его дяди дома нашли бумагу для печати, уже порезанную, целый маленький грузовик!

— Ну и что? — не удивился Любимов, — дядя на суде заявит, что в стране нет туалетной бумаги и пришлось на всю большую семью писчую бумагу покупать, чтобы задницы вытирать! Тем более, такая бумага во всех магазинах продаётся. Вон у Фримана дома нашли типографскую краску, ну и что? Я, говорит, взял её у Петкера, а Петкер, оказывается, давно погиб в автомобильной катастрофе. Я, говорит Фриман, думал забор покрасить и сарай. Это чёрной-то краской?

— А ты чего такой нервный с утра? — спросил Лужников, — прокурор пистон поставил?

— Наоборот, похвалил. Чуть ли не медаль на грудь повесил. За то, что мы роем на все четыре стороны. Только, говорит, сильно громко роем, как бы за границей не услышали.

— Пусть слышат, — разрешил Лужников, — скажут — у вас баптистов притесняют, а мы скажем — у вас баптистов убивают! Мартина Лютера Кинга убили? Убили! А он — негр, а ещё баптист! Нашему СССРу не привыкать огрызаться.

— Ладно-ладно! Вы скоро уедете домой, а мне здесь отдуваться.

— Нам отдуваться, — поправил его молчаливый до сих пор Мешков. — Я как в деревню на допросы да обыски съезжу, назад возвращаюсь, до Павлодара слышу, как перья по бумаге скрипят. Там уж целый мешок писем на имя Генерального секретаря ЦК КПСС собрали. Не деревни, а гнезда баптистские, ей-Богу! В любой дом заходи, обязательно на баптистараскольника наткнёшься. Я уже нервный стал: идёшь по деревне, а тебе, кажется, затылок прожигают взглядами.

— Водки выпей, — посоветовал Лужников, — подольше спи, пройдёт. Ещё хорошо в церковь сходить, свечку поставить. Говорят, помогает.

— Свечки нам самим поставят. В заднее место. Зажжённые, чтобы крутились шилом. А водки выпить успеем. По завершении дела, — Любимов прибавил в голосе официальности, всё же он старший. — Что ещё есть на Кабыш? Хоть маленькую зарубинку надо поставить.

— Отец простой шофёр, сидит третий раз. В 1979 году закатали его на три года в тувинские лагеря.

— За аварию?

— За нарушение закона о религиозных культах!

— Уже веселее! Ещё?

— Показания тех, кто с Кабыш работал. Она до 1979 года работала радиомонтажницей, в почтовом ящике³⁶. Две работницы характеризуют

³⁶ Почтовый ящик — режимное предприятие военно-промышленного комплекса СССР.

её только положительно — толковая, шустрая, работающая, а вот одна монтажница, — Лужников заглянул в протокол, — Усова Галина Григорьевна, дала показания, что Кабыш ей всегда говорила: у вас в государстве, ты понял — у вас, а не у нас в государстве — больше беспорядка, разврата, воровства, чем у верующих.

— Хорошую статью подведём, — подал голос Мешков, — “Клевета на советский общественный и государственный строй” — до двух лет лагерей! Хорошая бумага!

— Ну а как отца посадили, ей в секретном НИИ уже не стало работы. Уволили. И... она исчезла.

— Как исчезла?

— Исчезла. Что мог, всё перевернул. И только в Московской области нашёл любопытный протокол, в городе Щербинка. Майя Кабыш без паспорта, без прописки, проживала там у гражданки Хаминой П. Я., 1918 года рождения, и была из города выдворена работниками милиции за нарушение паспортного режима. Лопухи!

— Кто лопухи? — вскинулся Любимов.

— Менты подмосковные, — ответил Лужников. — Я так и сказал начальнику городского отдела милиции, что он давно бы в полковниках ходил, если бы не лопушил, а он до сих пор майор! Понимаешь, Сергеич, по протоколу Кабыш выперли 16 марта, а 17 марта, прямо возле её дома мальчишки нашли рулон, перевязанный верёвкой. Там обувная мастерская, вот за крылечком мастерской и нашли. Надпись имелась на рулоне: “Детские пелёнки”. А на самом деле, как они “грамотно” пишут в протоколе, “... 10-15 прозрачных синтетических мешочков, в каждом 30-50 листов белой бумаги с текстом, озаглавленным “Срочное сообщение”. В каждом мешочке — бирки из белой бумаги с надписями “Горький”, “Тула”, “Дон”, “Резерв”.

— И что милиция?

— Послали с этим рулоном участкового-дубаря. Тот зашёл в сапожную мастерскую, обошёл дома поблизости, никто, конечно, рулон своим не признал. Ну и сожгли бумажки в мусорном баке.

— Вот раззявы! Неужели там печатный станок стоял?

— А кто теперь знает? Заходил я к этой бабуле, Холиной. Чистенький домик, комнат на пять, живёт одна. Икон нет, но верующая. “Православная?” — спрашиваю. “Иди-ка ты, парень, отсюда! — отвечает мне бабка, — а то я ко чергой сейчас как оплету, у меня рука ещё крепкая, допросчик нашёлся!”.

— Пентюхи! Хоть бы отпечатки пальцев с бумаг сняли! — Любимов совсем расстроился.

— Вот и я всю свою душевную боль милицейскому начальнику высказал. А он мне знаешь что ответил?

— Что?

— У меня, говорит, своих дел по горло — два изнасилования за год было и три квартирные кражи. И две драки за неделю. Мне, говорит, некогда в шпионов играть.

— Да, действительно некогда. Целых две драки за неделю! Это надо же! Упустили Майю! А могли бы дырки на погонах вертеть.

— Вот и всё, она вынырнула только нынче, в Джетысу, — закончил рассказывать Лужников.

— Хорошо. Будем считать, кое-что есть, — сказал Любимов, — я ей тут ещё экспертизу одну придумал, может, повезёт? Ну а измышления,

порочащие наш строй, нарушение паспортного режима... ещё доказать надо, загадку разгадывать.

— Чего гадать? — усмехнулся Мешков, — судья нагадает, чего закажем. Тем более, живые свидетели есть. Так их пугнём, насочинят про Майю, что она с чёртом спала!

— Обожди фантазировать, Мешков! Мы ещё Разумовского не обсудили, — сказал Любимов, — кроме писчей бумаги что ещё ты там нашарил, Байтаков?

— Нашарил я в посёлке Джетысу обыск у Нейфельда Генриха Корнеевича по адресу улица Набережная, дом 44.

— Обвиняемые сначала к нему заезжали, — подсказал малахольному коллеге Лужников.

— Да... заезжали, и он считается главным баптистом в посёлке. Изъяли 75 предметов, то есть книг и тетрадных книг.

— Брошюр?

— Да, брошюр.

— Всё?

— Всё.

— А про Разумовского что-нибудь?

Лужников, стараясь не смотреть на Байтакова, мигнул Мешкову:

— Пойдём покурим.

Они вышли из кабинета.

Байтаков прищурил глаза и смотрел мимо Любимова.

— Ты две недели где болтался? — грозно спросил Любимов, — ты мне хоть что-нибудь толкового привёз?

Байтаков молчал.

Любимов достал из стола сигареты и пошёл в курилку.

— Ладно, Любимов, — успокоил его Лужников, — ты мне представление состряпай, мы в Алма-Ату вернёмся, я до посёлка Джетысу сгоняю, допросы проведу. Мы завтра улетим домой, потом сразу уйдём в отпуск, значит, к августу протоколы у тебя будут. Устраивает? Или раньше надо?

— Устраивает, — согласился Любимов, — что мне остаётся делать?

— Зато у Байтакова отец — секретарь райкома партии.

— Понимаю, — кивнул Любимов. — Учитываю.

Когда Любимов вернулся, Байтаков уже покинул кабинет, оставив после себя запах сапожной ваксы и тройного одеколона. Любимов распахнул настежь обе створки окна, приоткрыл дверь в коридор, обеспечив себе проветривание. Потом достал дырокол и начал аккуратно, вымеривая по краям каждый лист, подшивать накопившиеся бумаги. Эти бумаги дела не двигали, но закон их присутствия в деле требовал.

Дело № 4915

Протокол

об уничтожении порченных продуктов

10 мая 1982 г.

г. Джамбул

Прокурор-криминалист Джамбульской области Гершензон с участием Иванова В. Ф., Кныш А. К., Соловой Д. И. составили настоящий протокол в том, что сего года согласно акта санэпидемстанции о порче и непригодности к реализации была извлечена при изъятии 17.04.82 г. в автомашине Эннса Д. П. за № А1651 ПА колбаса и уничтожена путём

разлома на куски и выброшена в помойное место во дворе облпрокуратуры. В чём составлен настоящий протокол.

Подписи.

**Акт
(архив)**

От 01.06.1980 г.

с. Константиновка

Мы, нижеподписавшиеся, комиссия в составе: председателя Равнопольского сельского совета, народного депутата Нукешева У. К., председателя профсоюзного комитета колхоза Сандер И. А., члена партийного комитета колхоза Продан Г. С., завуча Константиновской средней школы Гизберхт Д. Ф., сего числа посетили собрание верующих с. Константиновка, проходящее в доме Фризен А. А. с 21 до 22 часов 30 минут.

Комиссия установила следующее: на собрании, посвящённом окончанию учебного года религиозной детской школы присутствовало 200 человек, из них свыше пятидесяти детей школьного возраста. Собрание открыли литературно-музыкальной композицией, исполняемой детьми. В тексте композиции такие слова: "Боже, ты меня храни, ты мой самый лучший друг. Может быть мы верим в человека больше, чем в Бога, юный друг, познай опасность этого". Когда композиция кончилась, все присутствующие запели: "Братья, вперёд на борьбу, с радостным пением мы одолеем врага".

Выступили:

1. Экк Я.И.: "Мы сегодня хорошо видим, как маленькие дети верят в Иисуса (говорил на немецком языке)".

2. Жена Фризен А. А.: "Господи, благослови детей наших! Хочу пожелать им продолжения учёбы в духовной школе (на русском языке)".

3. Панкрац Я. Ф.: (жестящик) "Благодарю, Господи, что ты помог нам и нашим детям. Научил их. Спасибо учителям, которые вразумили их".

Группа девушек-старшекласниц (в их числе Экк Оля) спели под звуки аккордеона, органа, гитары, песню со словами: "Я преклоняюсь перед Спасителем Христом". Ещё одна школьница рассказала стихотворение (дочь Петкера Я.) со словами: "Я люблю Иисуса, пусть враги надо мной смеются, бросая вслед презрительные взгляды". Все поют. После собрания мы попросили у хозяина дома Фризен А. А. разрешения поговорить с детьми, но он отказал нам в этом, не разрешил войти в дом. Когда мы спросили у Экк Я. И., зачем они собирают на религиозные собрания детей, они ответили, что каждый из родителей сам приводит детей. А Экк Л. И. сказал: "Я своих детей приводил и приводить буду, никто мне не укажет". Когда предложили на месте собрания составить акт, руководители собрания отказались его подписать: "не будем, хоть расстреляйте, лучше примите в своё сердце Христа".

Члены комиссии.

Четыре подписи.

42. Следственный изолятор № 14.

Кабыш М. Н.

Майя Кабыш так и не вышла замуж, хотя совсем дурнушкой её не назовёшь. В семье у них народилось семеро детей, она — первенец, старшая, а значит, матери помощница. Сестрёнки да братишки рождались

один за другим, надо было за ними присматривать, некогда по улицам шляться, парней завлекать. Когда уже работала, лепились к ней парни, да только это разве парни? На них, как на будущих мужей, рассчитывать ей не хотелось — пили, курили, ругались. Для Майи во всём примером был отец, которого Майя очень любила. Он работал водителем грузовика, часто на несколько дней уезжал с грузом в далёкие города, а вернувшись, всё обещал: “Ну, Майка, следующий раз тебя обязательно с собой возьму”! Она знала, что не возьмёт, но отчаянно верила: “А вдруг?”. Вдруг получится поехать с отцом, она увидит Киев и другие города. Повзрослев, она узнала, что её отец не просто ездит на грузовике, он ещё и помогает братьям по вере. В доме Майя видела иной раз пачки одинаковых книжек, которые исчезали наутро, с отъездом отца. Майя закончила 8 классов школы и продолжать учёбу пошла в профессионально-техническое училище. Там сквозь пальцы смотрели на успеваемость, а больше ценили ловкость молодых девичьих рук. Лёгкие, ловкие руки требовались для точной пайки хитроумных радиотехнических плат. Майя десять лет отработала в закрытом институте, куда проходить приходилось через кучу контролёров и переодевать на себе всё, вплоть до исподнего, потому что электронные платы паяли золотом и серебром. Её хвалили за мастерство и давали хорошие премии. Но когда отца арестовали в третий раз, на следующий же день у Майи на проходной отобрали пропуск. А в отделе кадров суровый начальник молча протянул ей трудовую книжку и сказал на прощанье непонятное: “Яблоко от яблони”.

Работа по специальности имела только там, откуда Майю выгнали. Ничему другому в училище её не научили, выходило одно — идти мыть полы в больнице. Она, было, собралась так и сделать, к уборке с детства была привычной, но тут приехал к ним домой близкий друг отца и передал ей отцовское письмо. Не письмо даже, а короткую записку из лагеря. Мол, Майка, не отчаивайся, всякое в жизни бывает, а что скажет тебе тот человек, то выполни.

Так она стала печатницей.

Технологическим тонкостям Майя училась в Сибири, у Любы. Поначалу её смешил самодельный печатный станок, потому что у себя, в закрытом институте, она видела такую импортную печатную технику, какой во веки веков нигде не сыскать!

Потом Майя привыкла. Привыкла к переездам на поездах, а чаще на машинах и на тряских автобусах. Паспорт и другие документы она отдала другу отца, и это сразу как-то отделило её от мира. Но Майе нравилось, что она не такая как все эти накрашенные, вынаряженные девахи, что встречались ей на улицах больших и малых городов. Ей нравилось, что она делает такое же серьёзное дело, как и её отец. Она работой своей мстила миру за судьбу тихого, скромного отца. Хотя поняла это только сейчас, в вонючей камере, на втором этаже трижды клятой Павлодарской тюрьмы. Одно обидно, что отец этим летом освободится из лагеря, а она его долго не увидит. Потому что теперь за веру посадили её.

Эту обиду Майя высказала Любимову, когда он вызвал её на первый допрос. Про отца Майи он как бы не понял, дуриком прикинулся, а для себя сделал крепкую зарубку, хороший крючок деваха для себя приготовила! Любимов решил вести допрос по ранее намеченному плану: сначала Майю попробовать разговорить, в разговоре поймать предлог, чтобы увезти её на задуманную в столовой экспертизу. Он перед допросом заскочил

к криминалистам и договорился, как разыграть весь ход экспертизы, чтобы Майя не заподозрила подвоха. “У человека под ногтями лучшее хранилище улики на самого себя. Сколько руки не мой, что-нибудь сохранится. Пальцы себе отрубишь, вот тогда мы без работы останемся!” — толковал Любимову пожилой эксперт.

Майя немного побаивалась первой встречи с Любимовым, наслышалась в тюрьме про него. Поэтому и кинулась говорить первой, про отца, про свою обиду. А когда разглядела человека, успокоилась, Перед ней сидел такой неприметный, долговязый однолесток в очках, с неприбранными усами. Он даже вызвал у неё симпатию. Однажды такой же очкарик на Ставрополье принялся за неё ухаживать и ухаживал деликатно. Ей тогда единственный раз не хотелось уезжать в Подмоскowie, но дела требовали. Майя уехала, исчезла внезапно, как всегда, но симпатия к очкарикам в душе осталась.

Вот и этот очкастый следователь, увидев её, симпатично улыбнулся, представился:

— Любимов Николай Сергеевич, ваш следователь. Надоело сидеть, Майя Николаевна?

— Надоело, конечно, гражданин следователь.

— Да зачем так официально? Зовите Николай Сергеевич, будет проще.

Майя напряглась, даже по лицу было заметно. Ей много рассказывали о добреньких следователях, которые оказывались волками.

— Я лучше буду называть — Любимов.

— Ну ладно, — легко согласился Любимов, — поговорим без протокола?

— А хоть как говорите, мне всё равно.

— Скажи, Майя, тебе разве нравится такая жизнь — без документов, без дома, без семьи? Тебя куда-то чужие люди бесконечно возят, сама себе не хозяйка?

— Нравится, Любимов, потому что я это делаю с верой в Господа.

Любимов не успел удивиться, как неожиданно перед ним появился другой человек. У женщины, сидящей перед ним, неувовимо, но отчётливо изменилось лицо — прорезались скулы, по-старушечьи поджались губы и выпятился подбородок.

— Ничего, если я на “ты” буду? — поинтересовался Николай Сергеевич, наскоро вычисляя, насколько силен в этой женщине фанатизм.

— Давай, Любимов.

— Расскажи, принимала ли ты участие в нелегальном издательстве религиозной литературы, какой литературы и где? Кто ещё вместе с тобой участвовал в данном деле?

— Любимов, а это уже протокол начался. Поэтому сразу скажу, что на этот вопрос я отвечать отказываюсь. Это дело моей Церкви, вернее, это внутрицерковный вопрос. И вообще, будешь задавать мне вопросы, касающиеся моей религиозной деятельности, ответа не жди, я на них отвечать категорически отказываюсь. Подписывать ничего не буду.

— А зря, Майя, зря. Мы бы полюбовно с тобой сошлись, тебе суд бы срок дал поменьше, быстрее бы отца увидела...

Напоминание об отце было первой из двух ошибок следователя Любимова, какие он допустил, общаясь с Майей Кабыш.

— Любимов, ты отца моего не трогай, ладно? Он за веру сидит, и я за веру посижу. Ничего не случится. Бог терпел и нам велел. И потом, как это

мы полюбовно с тобой сойдёмся? Ты что, ночью со мной в камере ночевать собираешься?

Любимова ошарашила такая житейская непосредственность Майи, её прямое понимание слов и выражений. Он надеялся, что Майя при упоминании об отце расплачется, помягчает, а получилось хуже — у неё глаза поблёкли, стали сухие, чёрствые. “Вот досталась фанатичка, ох и фанатичка! Тут, пожалуй, клинья кувалдой надо бить, а не крючочки вешать!” — изумился про себя Любимов. Перед ним, бывало, на этом стуле сидели здоровенные парни, убийцы. И только насчёт родителей им подкинешь — плачут в три ручья, только сопли летят. А тут...

— Ты же знаешь, Майя, что у нас на тебя материала хватает. Чего ты упираешься? Мы все точки знаем, где ты работала, знаем, с кем работала, что печатала...

— А вот это зря, Любимов. Не можешь ты всё знать. Грешно врать. Ты что, дома жене, детям тоже врешь?

“Ну и ведьма!” — совсем расстроился Любимов. Допрос никак не шёл в нужном направлении. Кабыш всё время сбивала его неожиданными поворотами. Николай Сергеевич даже на минуту пожалел, что таким героическим живчиком взял на себя допрос этой фанатички. Мешкова надо было на неё напустить. Ну ничего, время ещё есть напустить Мешкова. А если экспертиза даст положительный результат, он её не плакать, он её рыдать во всю глотку заставит. Ну и гадина!

— Насчёт чего жене могу врать, поясни, Майя?

— А когда пьяный домой приходишь, — простодушно ответила та.

Любимов расхохотался. Наивности в этой бабе было столько же, сколько фанатизма.

— Вру, — сказал он, уже ожидая необычной реакции.

— Мне тебя жаль, Любимов, — ты за это в ад попадёшь.

— За что?

— За то, что врешь, за то, что меня обижаешь и братьев моих по вере. Заблудился ты. Но я тебя прощаю — ты в ад попадаешь.

— А ты?

— А я — в рай, за служение Господу.

— Слушай, Майя, а ты, когда в раю будешь — форточку открой, чтобы я туда пролез.

— Нельзя, Любимов. Всё это по Книге Жизни. И не надо богохульствовать.

— Разве это богохульство? Вот мне просто интересно, ответь, как тебе жилось по нелегальным точкам? Из дома выходить нельзя, ни днём, ни ночью. Скучно же! А в доме помощники, молодые парни, то да сё...

— Ты на что, Любимов, намекаешь? Я, Любимов, дева и девай уму, понял? Назначай экспертизу!

— Да пошутил я...

— Я требую экспертизу. Я до твоего начальника дойду. Тебе же хуже будет!

Любимов посмотрел на часы. Заказанная им машина для перевозки заключённых должна была уже подойти.

— Ладно, Майя, поедем на экспертизу. Ты, надеюсь, утром не умывалась, руки не мыла? — он спросил так, на всякий случай, зная, что в тюрьме, стоявшей на берегу Иртыша, воды давали — кружку в день на человека. Но эти бабы ухитрялись в камере и волосы мыть!

— Это ещё зачем тебе, умывалась я или нет?

— Так эксперт просил, — ляпнул Любимов. Ляпнул и зашарил по карманам курево, пряча лицо. “Вряд ли поймёт”, — успокаивал он себя, а в голове село занозой: “Ошибка, вторая ошибка”!

— Давай, поедem на экспертизу. Только, Любимов, выпусти меня на пять минут, я в туалет хочу.

Любимов нажал кнопку звонка. Вошёл дежурный.

— До туалета девушку проводи и быстро води назад, машина ждёт.

Майя заторопилась в подвал тюрьмы. Там были душевые и туалет. Она разбиралась, где что есть, потому как женское население камер охранники постоянно дёргали мыть коридоры и лестницы тюрьмы, белить стены. В женском туалете стояла бочка с концентрированной известью. Майя прекрасно поняла, что значит “эксперт просил руки не мыть”. Уж она-то поработала с химикатами!

Раздумывать было некогда, а известь разводить нечем. Майя сдёрнула крышку с бака и сунула руки в концентрированную известь чуть не по локоть. Потом вытерла руки изнанкой юбки и вышла к дежурному.

Руки начало щипать через пять минут, ещё когда ехали в “воронке”.

В здании судебно-медицинской экспертизы поднялись на второй этаж, к нужному кабинету. Любимов вошёл туда сначала один. Майя остановилась как положено — лицом к стене, руки за спину. Руки уже жгло нестерпимо. Сопровождающий конвоир сел у противоположной стены.

— Заходи, Майя, — выглянул из кабинета Любимов.

Майя зашла.

Пожилой мужчина врачебной наружности мягко попросил:

— Майя, к столу подойди, положи на стекло руки.

Майя подошла, положила руки, как просили.

Врач ахнул, а Любимов матюгнулся в сердцах — у Майи руки покраснели и сильно распухли!

— Ты меня обманул, Любимов, — сказала, морщась от зуда, Майя, — здесь не проверяют — дева я или нет, здесь и кресла такого не видно.

Врач, пока злующий Любимов курил в коридоре, густо смазал Майе руки тёмной мазью и перебинтовал, не жалея марли.

Так нелепо закончилось первое свидание следователя Любимова с арестованной нелегальной печатницей Майей Кабыш.

Дело № 4915

Записки

подследственного Разумовского А. Е., пытавшегося передать их своей подельнице Кабыш М. Н.

*Бодрствуйте, стойте,
в вере будьте тверды непоколебимо.*

Мая приветствую тебя! Мая как жизнь, настроение, здоровье, как чувствуешь себя духовно. Да узнал, что ты руки сожгла известью ты давай там поскорей выздоравливай и невздумай больше болеть т. к. здесь нельзя. Мая приезжали ли твои родные сюда или нет. Мне прошлый месяц кто-то привёз передачу, а кто незнаю, посмотрим что будет в этом месяце. Мая как не надоело ли тебе уже сидеть в этой тюрьме?!

Короче не бери в голову ничего всё будет так, как Он определил. Мая как получишь эту ксиву посторайся ответить и тем же каналом передать жду ответа Саня.

7.07.82 г. X — 320

Записка

подследственного Разумовского А. Е. своей подельнице Кабыш М. Н.

Братьям за Истину

Божью вставшим

Но ни копыта греху Не отдавшим

Наш Христианский Привет!

На сегодняшний день не только братья, но и много сестёр отстаивают Истину и в их числоходишь и ты и тебе тоже мой Христианский привет. Мая я тебе уже отправил ксиву 7-го числа ответа чтото нет или у тебя нет возможности писать или передать а мне вообще хотелось бы получить ответ, хотелось бы знать как ты живёшь, как чувствуешь себя Духовно как здоровье получаешь ли передачи в чём нуждаешься и т. п. Короче говоря думаю: вот вреднющая не отвечает ну это я шутя ты за такие “нежности” необижайся на меня. Ну о себе писать нечего жив здоров получил передачу не знаю даже кто передал, и вот денег почему-то не положили на лицевой счёт ну ничего следующий месяц может положат и тогда всё будет в норме на этом кончаю, желаю обильных благословлений от Него и твоей верности Ему. Ответ можешь передать через того же через кого и я засылаю если у тебя есть такая возможность ответить.

Жду ответа Саня X — 320

12.07.82 г.

Следователь Мешков спровоцировал эти записки после того, как у Любимова провалилась операция “руки Майи Кабыш”. В тюрьме всегда есть оперативный отдел, а у отдела — негласные помощники из числа сидящих. Их устраивают электриками, разносчиками пищи, и те старательно отрабатывают благорасположение оперативника. С надеждой, что и суд проявит гуманность, и срок дадут поменьше. Во всяком случае, им это обещают. Возможность целый день болтаться по тюремным коридорам, а не маяться в душной камере, да миска похлёбки погуще и пожирней — весомая приманка для стукачей.

Молодой Разумовский “купился” и две записки Майе Кабыш написал. Мешков очень надеялся, что завяжется между ними переписка, а из неё можно выудить информацию. Или состряпать какую-нибудь гадость для давления на подследственных. Но Майя Кабыш в ответ записок не писала, хотя её предусмотрительно снабдили химическим карандашом и бумагой.

Не то чтобы она обиделась на Разумовского или ему не доверяла. Нет. Просто ей крепко вбили в голову мудрые наставники — чего нельзя делать в тюрьме. Например, записки нельзя писать. Она и стояла на этом крепко.

В конце июня прокурор области вызвал Любимова и попросил принести дело.

Николай Сергеевич почувствовал в сухом тоне прокурорского голоса некие для себя неприятности. “Да и чёрт с ним — отстранят от этого дела, легче жить будет!”. Думая так, он проскочил приёмную и выложил на прокурорский стол пять пухлых папок. Тот молча полистал их, ни на чём, впрочем, не задерживаясь.

— Дело побудет у меня, — сказал, наконец, прокурор, — а ты пиши заявление.

— Писать: “Прошу передать ведение дела другому следователю”?

Прокурор удивился:

— Зачем? Заявление на отпуск! Пока в Алма-Ате экспертизу проводят, чем тебе заниматься? Лето на дворе, забыл? Отдыхай до августа. Так надо!

Любимов быстренько, не сходя с места, написал заявление на отпуск.

Тщательно выписывая под заявлением свою подпись, прокурор слегка испортил Любимову настроение:

— Но ты, Николай Сергеевич, будь в городе, никуда не выезжай. Мало ли чего...

Прокурор области слегка покривил душой, обещая Любимову, что дело будет у него. Тем же вечером фельдъегерской почтой пять папок дела № 4915 ушли в Москву, в Генеральную прокуратуру. Оттуда курьер незамедлительно доставил дело на Лубянку, в КГБ при Совете Министров СССР. Все ведомства страны готовились к Мадридскому совещанию в верхах по проверке Хельсинкских соглашений. Страна должна быть умытой, чистой и довольной. Об этом специальные ведомства и заботились. Кого надо, умывали и чистили, а кому и руки за спиной вязали и верёвку на плотке затягивали, чтобы не дёргался и не орал.

43. Следственный изолятор № 14.

Разумовский А.

Саша Разумовский совсем извёлся в камере. На допросы его не вызывали, и он целыми днями шагал по узкому пространству между привинченными табуретками и стеной. В камере менялись заключённые, их постоянно тормозили следователи, они обсуждали вслух свои дела, а Разумовский с ними о своём деле говорить не имел права. “Сижу за веру”, — вот и весь сказ. От него быстро отставали, когда по тюремным каналам узнавали, что “да, парень сидит за веру, балбес”. Хотя статьи, по которым он предварительно обвинялся, про веру не говорили. Статьи Уголовного кодекса обвиняли его в хищении социалистической собственности и занятии незаконным нелегальным промыслом. Саша сначала пытался объяснить сокамерникам, что прямых статей за его поступок нет в уголовном законодательстве, ему подбирают статьи по смыслу. Потом отступился. Так по тюрьме и гуляло — не Сашка Разумовский, а “вор-верующий”. Эта кличка его обижала. Он всегда всё делал на совесть и работал честно, хотя возможностей вольтанить было предостаточно. Что в армии, в железнодорожных войсках, что в Ферганской ПМК-5, где он после демобилизации работал электросварщиком. Недаром из всего полка, а это четыре тысячи человек, только двадцать солдат наградили медалью “За строительство БАМа”. И среди этих двадцати — наградили его, Разумовского. Правду сказать, если бы там, в армии, узнали, что он верующий, медали бы не видеть как своих ушей. Но отец его, большой человек в Церкви, сказал: “Иди и служи, как все. Быстрей поймёшь, где правда, у нас или у них”.

Сашка как-то эти слова пропустил, не заметил. Ему обидно было свои лучшие годы отдавать чужому дяде, но отца он слушался всегда, и служить пошёл.

После армии он по обычаю три месяца гулял, пил водку и вино, курил, бегал на танцы. Пошла о нём слава как о пьяном обалдуе и греховоднике. Отрезвило Сашку семейное горе. Судьба родной сестры спасла его и семью от мирского бесчестья. Когда его сестрёнке, студентке медицинского института, отличнице, не выдали диплом, а дали только справку, что она прослушала курс лекций, Разумовский начал в этой жизни кое-что соображать. А не дали сестре диплом потому, что она наотрез отказалась сдавать экзамен по научному атеизму. Открылось тогда, что Разумовская верующая, да ещё баптистка. По большому благу семье удалось пристроить её медсестрой в районную больницу — порошки раздавать да уколы ставить. А как она мечтала быть врачом! Настоящим врачом! Всё бросил Сашка Разумовский: гулянки и танцульки, и пошёл с отцом в Дом молитвы. Прошёл обряд крещения. И стал выполнять поручения своего отца. С работы пришлось уволиться, потому что поручения были связаны с долгими поездками и внезапными заданиями: кого-то встретить, кого-то проводить... Довстречался... года не прошло, как он уже в тюрьме. Жалеет ли он, что всё так случилось? Отец говорил: "Всё что не случается, всё определено по воле Божьей". Сашку сейчас грызёт изнутри отчаяние, днём и ночью, что он отвечал за эту переброску и провалил её. Это большая потеря для Церкви. Чего стоит одна Майя! Да и печатная машина — тоже огромная потеря! Сколько книг можно было напечатать!

Ну что ж, братья по вере его не обвинят, не оттолкнут от себя. Поймут: он сделал всё что мог, но те, гонители Церкви, смогли сделать больше. Вот такая школа жизни, жестокая школа. "Получил я урок, как не надо делать". Он, Сашка Разумовский, — как декабрист. Он читал про них в школе. Декабристы, не убоявшиеся царя — самого царя! — его идеал. Они пошли в узы, в страшную Сибирь, и он, Разумовский, пойдёт в Сибирь! Хотя куда ещё идти, он уже в Сибири!

Как он чётко срезал тогда наглого следователя Мешкова, на первом допросе в Павлодаре: "Это запрещено, поэтому мы это делаем!". Тот, правда, сказал: "Дурак ты ещё неотёсанный" и больше на допросы не вызывал. А Сашка всё у него добивался: "Скажите, есть такая уголовная статья за перевозку книг и оборудования? Ведь я только перевозил! И за это сидеть в тюрьме? Меня спросили — "сможешь"? Я ответил: "смогу" и поехал". — "Кто спросил "сможешь", как его фамилия"? — тут же накинулся следователь. "Не скажу, это тайна Церкви". — "Вот за этикие тайны в нашем государстве и садят", — сказал следователь Мешков.

"Хорошо, а Вы мне тайны своей работы можете рассказать?" — невинно поинтересовался Разумовский". — "Могу, — легко согласился Мешков, — если ты мне сейчас подпишешь протокол, где всё расскажешь и дашь правильные показания — где взял, куда вёз? Не будешь? И я тогда не буду свои тайны раскрывать. И вообще, ты знаешь, как тебе повезло, парень? Сидишь в тепле, три раза кормят. Я тебе одну историю расскажу, как с вашими поступали в войну". И следователь Мешков рассказал, как в 1943 году, накануне Курской битвы, его отца и сотни других новобранцев пригнали в пункт переформирования. Там начали выдавать оружие, а трое мужиков — верующих баптистов — отказались взять в руки оружие. Уперлись, что вера не позволяет. Их тут же перед строем расстреляли. "Понял?" — "Понял, — дерзко ответил Разумовский, — что и меня и всех баптистов

надо расстрелять?” — “Сначала выпороть”, — без улыбки сказал следователь, собрал бумаги и ушёл. И не успел Сашка у него спросить — а какой ему дадут срок? Сокамерники сходились на том, что раз воровство, то пять лет впаяют точно. И Сашка решил, как выйдет через пять лет из лагеря, обязательно женится. Надо отцу написать — пусть невесту подбирает. Парень он симпатичный, голубоглазый, не курит, не пьёт. Работающий. Женильба всем хороша, а главное, как отец говорил: “Женишься, будет чего жалеть и чего терять и зря рисковать в нашем деле не станешь”. Прав был батя. Но пять лет лагерей! Ему тогда будет почти тридцать лет! Тридцать лет! Почти старик! Кто за такого старого замуж пойдёт?

Часть V

“Судилище”

У Любимова отпуск прошёл впустую. Каждое утро он просыпался с боязнью, что уж сегодня точно позвонят и вызовут на работу. Поэтому до обеда бесцельно слонялся по квартире, то включал, то выключал телевизор. В обед загонял сыновей с улицы — кормить, а точнее, чтобы кто-то был у телефона, а сам бежал с трёхлитровым бидончиком в пивную. Благо пивная располагалась в его же доме. А рядом с пивной был гастроном и, махнув на всё рукой, Николай Сергеевич, так уж получалось, брал бутылку водки. Пиво он пил сразу, а водку открывал строго после восьми часов вечера. На всякий случай. Вдруг зазвонит проклятый телефон. Телефон, конечно, звонил: то жена давала распоряжения по дому, то знакомые добивались заступничества в уголовных делах.

Знакомые сразу нарывались на грубый отказ. Один раз, в конце отпуска, позвонил следователь Мешков, пригласил в гости. Любимов, конечно, не отказался. Мешков отдыхал в одноместном “люксе” ведомственного санатория, скрытого в речной пойме. Поездка кончилась хорошей выпивкой и тупоумными разговорами. Только один раз Мешков проговорился, когда провожал Любимова к нарочно вызванной дежурной машине госбезопасности:

— А дело наше сейчас в Москве загружают... пусть потопают граждане-москвичики... Так что не переживай, Сергеич, и Кабыш притопим... и Разумовского притопим. Вот увидишь... я сказал!

Любимов и не понял даже, чего “загружают” москвичи и как “загружают”. Ему не терпелось выйти на работу и быстрее мутное это дело передать в суд. Но впереди маячила ещё неделя тоскливой маеты возле телефона, рядом с бидончиком разбавленного тёплого пива.

Слова Мешкова Любимов вспомнил, когда пятнадцатого августа отпуск его закончился и он спозаранку начал рабочий день визитом к прокурору области. Ровно в половине восьмого прокурор вошёл в кабинет, а следом за ним Любимов.

— Садись, Николай Сергеевич, что, невтерпёж?

— Да уж быстрее бы.

Прокурор открыл сейф и вынул оттуда шесть папок дела № 4915. Любимов же точно помнил, что отдавал прокурору пять папок!

— На, продолжай резвиться, — сказал прокурор, протягивая папки. Шестую чуть подзадержал в руках:

— А эти материалы передашь подследственным за день до суда. Пусть ознакомятся, если успеют! Адвокаты не взвоют, не бойся. После суда мне, лично, папку вернёшь³⁷!

— Хорошо, сделаем, — ответил Любимов.

Ещё прокурор достал чёрную пластмассовую коробку:

— Это видеокассета³⁸. Здесь показания отбывающего срок гражданина Хоменко³⁹. Большой человек у баптистов-раскольников был. Теперь наш большой человек. Действуй. Да, распишись здесь за персональную уголовную ответственность в случае утери секретных материалов.

Он пододвинул уже заполненный листок Любимову. Тот вопросительно посмотрел на прокурора.

— Обычная подписка о нераспространении сведений, — пояснил тот. Любимов, не читая, расписался.

У себя в кабинете Любимов просмотрел пять томов “своего” дела. Всё осталось, как он шил. А шестой том он прочитал весь и очень внимательно.

Хорошо покопали москвичи! Там на десятках листов были распечатаны перехваты телефонных переговоров неизвестных Любимову граждан. Эти граждане вели разговоры с Германией, Данией, США, Канадой. Вели телефонные переговоры с посольствами этих стран в Москве. Подолгу болтали с другими городами СССР. Обязательно встречались фамилии обвиняемых по делу № 4915 или намёки на нелегальные типографские точки издательства “Христианин”. Много чего вредного и неожиданного для подсудимых имелось в этом томе.

Дело № 4915

Перехват телефонного разговора

Копий не снимать! Аннотаций не составлять!

Запись 9/2 — 048 объекта “33 — 35-82”.

“... Что здесь в этой машине? В этом железе? Оно сделано руками христиан-умельцев. Простые детали. Если посмотреть мотор — мотор от стиральной машины, если посмотреть на некоторые передаточные звенья, то они от велосипеда и мотоцикла. Но такая машина напечатала 500 тысяч Евангелий и другой духовной литературы за последние 12 лет”...

Через час Любимову позвонили из канцелярии, велели забрать почту. Он вернулся в кабинет, нагруженный двумя десятками пакетов с актами экспертиз и прочей бумажной продукцией.

В это время появился и Мешков. Он сразу заметил шестой том дела и принялся его листать, довольно похмыкивая.

На одной странице он задержался:

— Ай да Разумовский — ловок врать! Давай-ка я его ещё раз пощупаю! Любимов, занятый рассортировкой бумаги, только кивнул.

³⁷ После суда в томе № 6 остались только две записные книжки со стихами, пять листов “Срочных сообщений”, отпечатанных на пишущей машинке, и один листок с записью перехвата телефонного разговора.

³⁸ После суда видеокассета была сразу размагничена. В тот день, когда рассматривался том № 6 дела, заседание суда было закрытым.

³⁹ Хоменко В. И. — “сдал” властям импортное оборудование, адреса и фамилии высших руководителей СЦЕХБ, громадные суммы денег, принадлежащих Церкви.

Мешков тут же набрал телефон тюрьмы и попросил подготовить к допросу Разумовского. Ему обещали проверить это через час, поэтому он не торопился.

— Смотри, Сергеич, не подвёл нас Лужников, добежал до посёлка Джетысу и состряпал нам допросик, — удивился Мешков, вытаскивая из кучи бумаг серый конверт с грифом КГБ Казахской ССР.

Мешков угадал, в конверте был протокол допроса свидетеля.

Дело № 4915

Протокол допроса свидетеля

13 августа 1982 г.

пос. Джетысу

Следователь Лужников допросил Нейфельд Вильму Генриховну, 1960 года рождения, беспартийная, немка, швея.

Допрос начал: 16.15

Окончен: 17.50

Вопрос: Известно ли вам, где работает Разумовский Александр?

Ответ: Мне известно, что Разумовский Александр является тружеником на Божьей ниве, а такие люди, как правило, не работают. Чем он конкретно занимается на Божьей ниве, мне неизвестно, но он мог быть печатником, курьером по перевозке религиозной литературы или же заниматься приобретением бумаги, краски и других принадлежностей для изготовления литературы...

Мешков прочитал протокол, сверил дату, все ссылки на УПК и упрятал в свою папку.

— Однако поскакал я на тюрьму, начальник.

— Скажи, однако, — разрешил Любимов, — но не пришибёшь ты этим Разумовского, вот тебе крест. У меня другое предложение наклёвывается...

— Я, конечно, не председатель КГБ, чтобы решать, — Мешков снова уселся на стул против Любимова, — однако выслушать тебя обязан.

— У Разумовского это будет первая отсидка, так?

— Так.

— Судья будет — Филинков Василий Петрович, так?

— Только он и никто кроме. У него опыт: порнография, спекуляция... двадцать пять лет на посадочном конвейере. Заметь, ни одного возврата дел на следствие. Но понимаешь, Сергеич, не наш он человек. Самовольный, строптивый. С ним сейчас наша контора работает. Не беспокойся, доведут Филинкова до ума. Он потому нам всем подходит, что ему на пенсию выходить аккурат сразу после суда.

— Не о том я, — нетерпеливо перебил Любимов, — я хочу сказать, что Разумовскому надо минимальный срок дать.

— Это почему? — удивился Мешков. Он пролистал шестой том, нашёл листы с перехватом телефонных переговоров, где шла беседа об отце Разумовского — Евгении Петровиче и о будущей карьере его сына Саши.

— Ты усеки, Сергеич, что старший Разумовский может пойти аж заместителем председателя всей этой нелегальной братии. А он ещё ни разу не засветился и не сидел. Зато теперь — сынишку в лагерь, и отца — в лагерь! Хороший слой снимем.

— Вот. Где-то твоя голова соображает! Так слушай, если вкатать всем по пять лет, а Разумовскому Сашке дать год или два, то его не то что баптисты,

его родной отец уважать перестанет и из дома выгонит. Мы маленьким сроком Разумовского как бы намекнём им, кто материалы давал на шестой том дела, кто на них стучал, усёк?

Мешков упёрся в Любимова ошалелым взглядом, машинально вытащил сигарету и закурил. Через две затяжки спросил:

— Тебе опять, Любимов, предложили табун лошадей и отару овец?

В свою очередь удивился Любимов:

— Кто?

Они ещё потаращились друг на друга. Любимов не вытерпел:

— Я их психологию изучил как собственную жену за пятнадцать лет беспорочной жизни. У них заведено: чем больше срок заключения, тем больше уважения. Тем больше к баптисту доверия. Лагерный срок — как награда. Первый раз в тюрьму за веру попал — как медаль получил. Второй раз попал — как орденом наградили. Ну и так далее. И соответственно, растёт карьера. А Разумовский Сашка далеко пойдёт, он башковитый. Это тебе не Фриман, который прошёл пять классов и коридор. Этот парень очень далеко пойдёт, если не остановим.

— Чудно ты предлагаешь, Сергеич. Раньше, при Иосифе Виссарионовиче, чтобы таких остановить, совали 25 лет лагерей и останавливали намертво. А ты наоборот, два года просишь. Вместо пяти. Думаешь, раньше в НКВД дураки работали?

— Слушай, Мешков, чего спорить? Ты топай в тюрьму и спроси Разумовского сам. Скажи, что суд отмерит ему два года, а остальным — по пять. И посмотришь на его реакцию. Вернись и доложи...

— Доложу, доложу...

— Начальству своему доложи, не мне. Я-то знаю, чем твой поход закончится.

Разумовского выдернули на допрос как раз в тот момент, когда он прикидывал — чего купить в тюремном ларьке. На его лицевой счёт “упали” деньги уже второй раз, в то же число. Эта регулярность подсказывала, что заботу проявляет педантичный отец. Денег, правда, всего 30 рублей в месяц разрешали посылать заключённым, но и то — хлеб.

Спускаясь с конвоиром на первый этаж, он ещё рассчитывал, сколько печенья взять и взять ли сигарет сокамерникам, как вспомнил, что очень хотел узнать у следователя срок будущего заключения в лагерь. Только бы не Мешков его допрашивал, а то всё настроение испортит от ларёчного предвкушения.

А в комнате для допросов оказался как раз Мешков, и Разумовский разом поскуучнел.

Мешков же, наоборот, был очень любезен и даже немного заискивал перед подсудимым:

— Александр Евгеньевич, присаживайтесь, окажите честь.

Разумовский сел, недоумевая, почему этот волчара вдруг стал ягнёнком?

— Александр Евгеньевич, у меня тут образовалась к вам пара вопросов. Обсудим их и всё! Тревожить вас до суда не будем. Ответить соблаговолите?

— Ну... спрашивайте, соблаговолю...

— Вы в Алма-Ате раньше бывали?

— Ну... был один раз. В 1976 или 1977 году.

— На молодёжном общении?

— Да. Где-то в горах, я местности не помню. Нас на второй день общения разогнали работники милиции и представители властей.

— Не разогнали, что вы, Александр Евгеньевич, Бога гневите, просто попросили перейти в другое место. О ваших молодых жизнях заботились. В горах опасно, знаете, лавины, камнепад, подвижка льда. То да сё...

— Разогнали.

— Ну, оставим это. Я боялся, что вы не признаетесь... А вот скажите, как вы узнали в посёлке Джетысу нужных вам Фримана и Эннса?

Разумовский слегка помешкал:

— Я вообще-то не знал, что это будут именно Фриман и Эннс. Мне сказали, что я должен встретиться с людьми, которые мне помогут перевезти груз. Что это был за груз, я так же не знал! Мне достаточно было знать только номер машины и цвет, а кто за рулём — мне было безразлично.

— Хорошо. Пусть так будет, и так запишем. А вот при допросе дядя ваш, Разумовский В. П., рассказал, что вы с мая 1981 года нигде не работали, что ему неизвестно, где вы были в это время и чем занимались.

— Я считаю, что дядя говорит неправду. Я действительно с мая 1981 года уволился с работы, но всё время был дома и даже помогал дяде перевозить пчёл в горы.

— Да, не густо, — пробормотал как бы про себя Мешков, — не густо. Тунеядство — больше вам ничего не пришьёшь. Протокольчик, конечно, не подпишете?

— Конечно, нет. А можно вопрос, гражданин следователь?

— Безусловно, Александр Евгеньевич, Вам можно хоть десять вопросов мне задать. Мы, следователи КГБ, всегда очень внимательны к нашим клиентам!

— А сколько лет дают за тунеядство?

Мешков закурил, собирая в папку бумаги и давая понять, что официальная часть закончилась:

— Один год исправительных работ в лагерях общего режима, — наконец ответил он. — Полгода вы уже в тюрьме провели, потом суд учтёт, что вы впервые совершили правонарушение. Вполне возможно, что освободят вас прямо в зале суда. Дадут год условного заключения.

Разумовский прикусил губу. Глаза его впились в следователя, но тот, занавесившись сигаретным дымом, бестолково перекладывал бумаги в папке.

— А это... подельникам, то есть нет, я хотел сказать — братьям моим по вере, — сколько им может дать суд, какой срок заключения им грозит?

— Ну, Александр Евгеньевич! Нашли с кем себя сравнивать! Фриман, Эннс, та же Кабыш Майя! Это же серьёзные люди в вашей нелегальной среде! У нас в деле за каждым по пять статей записано! Чего, например, одна статья стоит — «хищение социалистической собственности»! Это — пять лет лагерей, и к бабке не ходи!

— Как же так? — у Разумовского скривились в обиду губы и он мелко-мелко затряс правой ногой, — как же так? Им по пять лет, а мне — год условно? Да меня же, меня же... Иудой назовут! Я всю жизнь буду на задней скамейке молиться! Отец проклянёт!

Мешков вынул чистый бланк протокола допроса:

— Тогда, Сашка, поехали!

— Что? Что?

— Кайся, говорю тебе. Давай, Сашка! Сейчас наберём тебе срок до пяти лет строгого режима! Кто велел тебе сопровождать груз? Знал ли ты,

что это будет типографская машина? Где она стояла до Джетысу — в Фергане? Сколько лет нелегально работает печатницей Майя Кабыш?

— Я... я... не буду, не знаю, я не скажу!

— Вот так-то, парень! Кишка у тебя тонка на большую отсидку. Можешь домой писать, чтобы встречать тебя готовились через пять месяцев, к Новому году!

Мешков кивнул вошедшему по звонку здоровенному конвойному. Тот, переваливаясь десятипудовым телом, подошёл к Разумовскому и локтём двинул его по затылку.

Сашкина голова с треском ударилась об стол. Конвойный с тупым азартом заломил Разумовскому руки за спину и ещё раз треснул об стол лицом.

Мешков молча курил в дверях.

Из носа Разумовского пошла кровь. Он зашмыгал, захлебнулся, замычал, пуская красные пузыри изо рта. На столе, в кровавой луже остались пять Сашкиных зубов.

— До свидания, Александр Евгеньевич, — попрощался Мешков, — если что, зовите. Я всегда с готовностью к вам приду.

Поздним вечером Мешков снова появился в кабинете Любимова. Николай Сергеевич всё ещё возился с присланными бумагами. Мешков подошёл и взвесил на руках новенькие тома № 7 и № 8:

— Надеюсь, том № 9 будет с обвинительным заключением, и на этом покончим?

— Выходит, так. Что Разумовский?

— Сергеич, ты был прав. Завтра же доложу твою идею своему начальству, а ты доложи своему. Будет работёнка оперчасти в лагере, будет! А то зажирели там! Жаль, мне приказано сворачиваться, а то бы я с Разумовским ещё поработал. Он бы заплакал у меня на груди про свою грешную жизнь.

— Ты его что, отлупил? — подозрительно спросил Любимов.

— Ни в коем разе. Может, охранник ему чуть по роже смазал, чтобы двигался быстрее.

— Смотри, Мешков, попадёшь в их баптистские книжки как следователь-изверг, не отмоешься, карьеру спортишь.

— Наша контора, Николай Сергеевич, от вашей отличается тем, что мы работаем вежливо и обязательно в галстуках! — значительным тоном произнёс Мешков и вышел, вытаскивая на ходу сигарету.

Оставшись один, прежде чем снова заняться разбором экспертных заключений, Любимов покурил в окно. Ну до чего же нервное оказалось следствие! Идёт оно всё в баню! На той неделе надо передать дело судье, пусть пишет обвинительное заключение. А ему пусть навалят хоть пять дел об убийствах, он только отдохнёт...

Дело № 4915

Заключение

экспертизы по содержанию магнитофонных записей, изъятых у Эннс Д. П., Фримана Э. Р., Разумовского А. Е., Кабыш М. Н. — членов незарегистрированных общин евангельских христиан-баптистов.

04.08.1982 г.

г. Павлодар

На экспертизу представлены магнитофонные записи (кассеты) в количестве 16 штук.

Проведение экспертизы поручено доценту кафедры философии и политэкономии Павлодарского педагогического института Роговой Я. И., заведующему кафедрой научного коммунизма Павлодарского индустриального института Невмержицкому С. В., старшему преподавателю кафедры философии индустриального института Сейфуллиной В. М., преподавателю вечернего университета марксизма-ленинизма Тарееву С. Н.

... Эти записи, принадлежащие зарубежному представительству СЦ ЕХБ, носят не столько религиозный, сколько политический характер, так как в них явно видно стремление опорочить, обогатить, фальсифицировать нашу советскую действительность, извратить жизнь и деятельность религиозных организаций и религиозных центров в СССР, разжечь антисоветские настроения на Западе призывами к поддержке “гонимых и преследуемых в СССР христиан”.

... “Подлинный мир, — заявляют демагогически баптисты-экстремисты из СССР, — это мир с Богом. Мир между людьми начинается с мира с Богом, с примирением, с принятием в своё сердце Иисуса Христа, через которого мы и получаем доступ к благодати. Без Христа не может быть полного доверия и мира между людьми”.

Пытаясь скомпрометировать миротворческую деятельность руководства ВС ЕХБ, баптисты-инициативники безапелляционно заявляют, что “эти люди давным-давно оторвались от Господа, они стали орудием мирового атеизма и органов КГБ”.

Злобно клевета на Советскую власть, Винс в одной из своих речей утверждает, что в нашей стране можно не страдать, можно не идти в тюрьму, но это — ценою компромисса. Это значит, — о Христе нельзя говорить громко. Детям нельзя говорить о Христе, молодёжь нельзя допускать ко Христу. И вообще, вести себя очень тихо для того, чтобы было личное благополучие. А вот они, богослужители СЦ ЕХБ, не хотят тихо жить. “Мы не можем молчать, — заявляет Винс, — если мы видим, что миллионы людей в Советском Союзе погибают без “Христа”. Для того, чтобы, якобы, “спасти Церковь”, которая, по его словам, “должна быть независима от атеизма”, Винс и ему подобные чернят наш советский и государственный строй, сознательно извращают действующее у нас законодательство о религиозных культах, призывая к его несоблюдению. Эти “религиозные” деятели, фактически прикрываясь религиозной оболочкой, занимаются политической, антисоветской деятельностью, как у нас, в СССР, так и за рубежом.

Подписи.

44. Министерство юстиции Казахской ССР

**Казахский научно-исследовательский институт
судебных экспертиз.**

Акт № 1720

криминалистической экспертизы

Заключение

03.08.82 г.

г. Алма-Ата

1. Печатные формы, изъятые у Фримана Э. Р., Эннс Д. П., Разумовского А. Е., Кабыш М. Н., изготовлены на алюминиевой фольге методом

позитивного копирования с диапозитивов, представленных на исследование и предназначенных для получения отпечатков способом офсетной печати. Средняя тиражеустойчивость печатной формы для офсетной печати 20-50 тысяч экземпляров.

2. Алюминиевая фольга, на которой изготовлены представленные на исследования формы, и фольга, находившаяся во вскрытом и запечатанном пакетах с ярлыком, на котором имеется текст "Kalle. Made in Germany", является фольгой одного типа.

3. Две печатные формы, с красящим веществом чёрного цвета, были использованы для нанесения текстов на страницах 7, 8, 25, 26 книги "Почему я верю?", изъятной у Фримана Э. Р., остальные печатные формы не были использованы при печатании литературы, изъятной у обвиняемых.

Эксперт Джакишева Н. Ш.

Акт № 1514

Заключение

20.07.82 г.

г. Алма-Ата

Вещества, изъятые у граждан Эннс Д. П., Фримана Э. Р., Разумовского Е. А., Кабыш М. Н., по химическому составу представляют собой специально подобранный набор химикатов, используемых сугубо для производства офсетной печати.

Старший научный сотрудник: Поле Г. П.

Акт № 1537

Заключение

03.08.82 г.

г. Алма-Ата

1. Поступившее на исследование полиграфическое оборудование, изъятное у Эннс Д. П., Фримана Э. Р., Разумовского Е. А., Кабыш М. Н., представляет собой множительную печатную машину, относящуюся к типу малоформатных, офсетных и предназначенную для двусторонней печати (за один прогон) вертикального исполнения.

Эксперты: Джакишева Н. Ш.

Бунько Б. И.

2. Печатные машины такого типа согласно "Сводной заявке на полиграфическое оборудование, выпускаемое в СССР", отечественная промышленность не выпускает. Аналогичное устройство и принцип работы используются в печатных машинах "Циркон 66" и "Ультрасет 72", выпускаемых промышленностью ГДР.

3. Печатание на исследуемой печатной машине производится с плоских печатных форм, изображение с которых передаётся непосредственно на бумагу.

4. В целом печатная машина находится в исправном состоянии и позволяет получить до 50 копий в минуту.

Эксперт: Бунько Б. И.

5. Исследуемая печатная машина ранее находилась в эксплуатации значительное время.

6. Данная печатная машина изготовлена кустарным способом с использованием деталей и механизмов, изготовленных заводским способом.

7. Шариковые подшипники и роликовая цепь, используемые в данной машине, изготовлены на предприятиях СССР, электродвигатель изготовлен не в СССР, остальные детали и механизмы не имеют заводской марки и изготовлены либо вручную, с использованием простейших инструментов, либо с применением заводского оборудования.

8. Шариковые подшипники и роликовые цепи имеются в перечне товаров в "Фондовых извещениях на поставку товаров на базу "Спорт-товары", откуда они поступают в розничную торговлю.

Эксперт: Джакишева Н. Ш.

Акт № 1540

Заключение

26.08.82 г.

г. Алма-Ата

...10. На представленном на исследование типографском станке обнаружены частицы печатных красок чёрного цвета. Данные краски одинаковы по цвету и типу связующего пигмента и составу минеральной части с краской в банке, изъятой у Эннс Д. П. Указанные краски имеют общую родовую принадлежность.

12. Печатные краски других цветов, изъятые у обвиняемых, и печатные краски аналогичных цветов нелегальной литературы, отличаются по составу минеральной части.

13. Печатные краски в розничной торговле не имеются.

Эксперт: Умарова К. Р.

Хотя следователь Любимов хорохорился, что дело исполнено и пора передать его в суд, большие начальники не торопились праздновать завершение. Они крепко сторожились и закручивали лихие интриги, чтобы перепихнуть от себя ответственность другому ведомству.

Поэтому в конце августа-начале сентября папки с делом № 4915 фельдъегерь возил то в УКГБ, то в прокуратуру. Каждый листок дела был трижды прочитан и изучен. В начале сентября в служебную командировку прилетел из Москвы крупный специалист по баптистам-нелегалам. Он представился Любимову как начальник отдела Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР Михаилом Михайловичем Храповым.

Суровый москвич три дня почти не выходил из кабинета Любимова, сверяя дело со своими привезёнными наметками. Много говорил по междугородному телефону, требуя, чтобы во время разговора Любимов покидал кабинет. На четвёртый день Храпов забрал с собой Мешкова и проехал по сёлам, где разворачивались события. Только вечером в пятницу, когда Мешков посадил Храпова в самолёт до Москвы и примчался в прокуратуру, Любимову стало понятно, что это был за визитёр.

— Нормальный мужик, — сказал Мешков, — выпивает. — От Мешкова пахло коньяком. — Он не чиновник по делам религий, он из нашей епархии. Нас с тобой проверял, Сергеич.

У Любимова ослабли колени и осип голос:

— И что теперь?

— Ничего. В деле — полный порядок, у свидетелей жалоб нет, ну... почти нет. Премии, благодарности нам сохраняют, я надеюсь... В худшем случае, оставят одни премии, а благодарностей лишат, но мы не всплачем, правда? Прокурор уехал домой?

Любимов взглянул в окно. Белой прокурорской “Волги” во дворе и гараже не было.

— Уехал, — всё ещё осипшим голосом ответил он.

— Тогда — и мы поехали!

Мешков достал из своей пухлой папки плоскую фляжку, нашёл в шкафу стакан и чайную кружку. Плеснул в эту разнородную посуду коньяк. Из кармана достал две карамельки — на закуску.

Когда выпили и похрустели карамельками, Мешков неожиданно сказал:

— Ладно. В понедельник дело попробуем передать в суд и займёмся своими делами.

— Почему только попробуем?

— Потому что наш визитёр Храпов мне по секрету сказал — срочно ещё одного баптиста арестовать надо. Да не первого попавшегося, с улицы, а тяжеловеса, вроде Эннса. И всё из-за того, что не нарыли мы матерьяльца на Разумовского и Кабыш. Надобно их утяжелить. Для значимости дела. Считай, что нам ещё месяц работы.

Любимов взопреп, от выпитого коньяка, от переживаний, от предстоящего продолжения бестолковщины.

— Кого ещё? — спросил он.

— Ваньку Рейтенбаха. Есть данные, что этот паразит вместо Димы Эннса начал литературу возить... Но я тебе ничего не говорил, Сергеич... Пойдём, ещё добавим. Вижу, тебе требуется, да и я не против.

45. Один труженик в поле

Ездить вместо Димы Эннса намечалось Ивану Нейфельду. Он давно готовился исполнять благое дело, да случилась промашка в его судьбе. Старшие получили негласное предупреждение, что Ивана блокировали органы, и блокировали так плотно, что щелей нет для просвета. А он единственный оставался, кто опыт переброски имел и нужных людей знал в лицо. Очевидно, завёлся в общине длинный язык. А времени его вычислять нет. Надобно срочно надёжного труженика выставлять на ниву, ибо поле не ждёт и время жатвы пришло. Круглым путём, через десяток городов и людей решили, что пусть в “поле” выйдет Иван Рейтенбах. Тот все инструкции получил от своего отца, Георгарда. Где и от кого их получил отец, он не спрашивал. Так заведено жестокой жизнью: сын за отца или отец за сына в их деле отвечать не должен. Вечером, седьмого сентября, Иван выехал из Ольгино на Успенскую трассу и через два с небольшим часа пересёк условную границу между Казахстаном и Россией. Он ехал на отцовских “Жигулях” пятой модели, с нарочно снятым задним сидением, чтобы имелось побольше места под заявленный груз.

Его требовалось забрать среди дня в одном из сёл под Барнаулом, и Рейтенбах не сильно спешил. По асфальту ехать благодать, а вот назад придётся потратиться просёлками. И хоть ему вбили в память все просёлки, и двое суток, без продыху, он гонял по ним пустой, Иван решил назад возвращаться не по утверждённой схеме. Он решил пробить свою дорогу. Мало ли, что крюк получится в сто километров, если не больше. Главное — доставить груз.

И ещё одно: он хотел на деле проверить помощников. Но помощники понадобятся на последнем этапе, самом тяжёлом, поэтому Иван старался о них не думать. Он старался не думать и о том, что запросто может сгинуть без следа в тех чёрных местах, через которые намерен был возвращаться.

Самохин и Пашин, выдернутые дежурным из постелей в четыре часа утра, получили в управлении краткий инструктаж, а вместо своих “Жигулей” — белую “Волгу”. Обе оперативные машины отдела уже почти сутки как выдвинулись в сторону Славгорода и “пасли” Рейтенбаха на границе.

Пасли, как оказалось, пустоту.

Они уже знали, что он загрузился и возвращается вроде по известным просёлочным дорогам.

А ещё через три часа узнали, что Рейтенбах пропал. Поэтому в такую рань подняли с постелей и начальника отдела, и Самохина с Пашиным. Начальнику отдела было жаль отдавать свою “Волгу”, он как раз собирался съездить на лебяжинские бахчи за арбузами, давно там договорился взять три центнера. Но делать нечего — приказ есть приказ.

— Бензина мало, парни, — крикнул он вдогон, когда группа тронулась из гаража, — заправьтесь где-нибудь!

— Где в такую рань заправишься, — пробурчал Самохин, — я сам не заправился.

— И я не успел перекусить, — отозвался Пашин, — одна надежда на успешную столовую.

В успешной столовой спозаранку готовили для механизаторов полдник, и оперативникам перепало по две котлеты с макаронами. А вот заправить машину оказалось сложнее. Заправщик на районной бензоколонке упёрся насмерть: “Везите записку из райкома партии”. И был заправщик железно прав — в горячее время уборки урожая чужие машины заправляли только по особым талонам или по запискам.

— Какой райком в семь утра? — рассвирепел Самохин, — мы ждать не можем!

Интеллигентный Пашин попытался всучить деньги, но заправщик, пожилой, но жилистый ещё мужик, только плюнул себе под ноги и закрылся в своей будке. Самохин дошёл до последней крайности:

— Ладно, я с ним сейчас побеседую!

Володька Пашин побежал на трассу, ловить какую-нибудь машину да за деньги сговориться хоть на два ведра бензина. Самохин замолотил кулаком в дверь будки. Хмурое лицо заправщика показалось в зарешеченном окошке.

— Открой, я тебе чего-то покажу! — крикнул Самохин.

Из-за мутного стекла будки показался здоровый гаечный ключ: “Сам посмотри и проваливай”!

Матеря заправщика прямо в харю, Самохин достал удостоверение сотрудника КГБ, прилепил его грозной надписью к жирному от масла стеклу.

— Открывай, сволочь, а то на хрен, работать здесь не будешь!

Заправщик ещё минуту побурчал за дверью, но потом всё же открыл. Сам отвинтил пробку на бензобаке, сам вставил шланг.

Пока они манипулировали с бензоколонкой, Самохин пошёл звать Пашину, который ушагал чуть ли не за километр по трассе. Когда они вернулись к заправке, датчик показывал, что бензобак полон.

— Воды в радиатор долей, — сказал Самохин, — на всякий случай. Тут же рядом болтался шланг от водопровода. Пашин открутил вентиль и сунул шланг в горловину радиатора. Через секунду вода брызнула наружу.

— Порядок!

И они помчались по трассе к селу Ольгино.

Пока ехали, по радию связались с двумя машинами, что стерегли Рейтенбаха у границы. Эти машины сейчас тоже неслись к Ольгино:

— Получена инструкция брать его прямо в селе! Приём.

— Пятый, тебя понял, приём.

— Третий, третий, а если он в село не пойдёт? Уйдёт на Успенку или Константиновку?

— Парни, тогда пишите заявления, что сапоги жмут, а погоны натёрли плечи!

Иван Рейтенбах перехитрил сам себя. Загрузив багажник и задний салон двойным грузом литературы, тщательно прикрыв книги одеялами, чтобы не запылились, ну и не так заметно было, он к вечеру рванул назад. Рванул нагло: от Барнаула прямо по шоссе на Казахстан. А по шоссе, да с грузом, ездить категорически запрещалось. Иван же надеялся, что на шоссе его ждать не будут. Но что за ним следят, он даже не сомневался. Как не сомневался, что брать его будут в Казахстане, а не в России. Поэтому перед Кулундой он резко свернул вправо и просёлками выбрался на омскую трассу. Время было — ночь с субботы на воскресенье, огни каждой машины — хоть спереди, хоть сзади, вызывали подозрение. Но Иван так и рассчитал, что машин будет мало, а если какие будут, то это уже не к добру. Правда, можно смело исключить свет фар автобусов, грузовиков и мотоциклов. Только легковые автомобили должны его тревожить.

Сзади показались огни легковушки. Километрах в трёх-пяти. Иван быстро высмотрел впереди съезд с трассы, специальным тумблером отключил все фонари своей машины, кроме подфарников, и скатился с трассы. Одиноким автомобилем промчался, не снижая скорости.

Молод ещё был Иван Рейтенбах, не клевал его жареный петух. И хоть в жилах его текла стопроцентная немецкая кровь, напитанная исполнительностью, погнался он за разухабистым геройством. Не соображал, что инструкции и схемы, которые вдавливали ему в голову, вырабатывались не месяцами даже, — годами. Тяжёлый, солёный опыт других братьев по вере, похватавших раньше времени инфаркты или лагерные сроки, родил эти инструкции.

Иван не знал, какие волкодавы его пасут. Да откуда он бы их знал в свои двадцать лет, если ещё ни разу не встречался с ними глаза в глаза, бампер в бампер?

Оперативники госбезопасности, наматывающие за день тысячу километров, по двести дней в году ночующие где угодно, только не дома, продублированными шкурами своими чувствовали любой неуклюжий рывок загонаемой добычи.

Когда Рейтенбах не «отметился» в Кулунде и Карасуке, оперативники сразу смикитили, что этому лаптю кроме омской трассы выходить некуда. По границе тянется железная дорога, а через неё легковушки летать не научены. Если через Кулунду не прошёл, то нет тебе в Казахстан иной дороги, кроме омской.

Иван снова поднялся на трассу и надавил педаль газа. Ещё два часа езды, и он скроется в путанице полевых дорог, среди берёзовых околков Качирского района. И останется ему пройти чёрное гиблое место — Аш-Булат, и тогда он выполнит просьбу отца.

Во всех трёх оперативных машинах раздался голос дежурного:

— Ребята, не спать! Российские бригады наблюдают объект на омской трассе! Маскируется при обнаружении... Объект ушёл с омской трассы влево, на Качиры!

— Не спим! — отозвался Самохин и растолкал дремлющего Пашина. Их “Волга” пряталась в лесопосадке, под густыми сосновыми лапами. Сборку машину стеной прикрывала высокая трава. Рядом шла вполне укатанная грунтовая дорога.

Через десяток километров дорога упиралась в густую солёную жижу озера Аш-Булат и рассыпалась на отдельные колеи. Вокруг озера на многие и многие километры почва состояла из губительного солончака. Самый пьяный тракторист на самом мощном тракторе не рисковал туда соваться, солончак по крышу засосёт, не хуже болота. Родне и хоронить бедолагу не придётся, уже исполнено!

Одна-единственная накатанная дорога шла через сёла Качирского района, через берёзовые околки, далеко огибала Аш-Булат и выходила на чистые почвы уже в Успенском районе. Вот здесь, на границе солончака, на бугре, и ждали оперативники Ивана Рейтенбаха. Две другие машины стерегли его на просёлочных перекрёстках много дальше от коварного Аш-Булата, на “живых” дорогах.

Далеко-далеко, на той стороне гиблого озера в сером мареве рассвета что-то блеснуло и исчезло.

Пашин схватил бинокль и нервно подкрутил окуляры. Долго шарил по плоской равнине, покрытой до горизонта красной травой, — верным признаком солончака. Наконец среди высохших берёз, километрах в двадцати от засады, успел заметить синий цвет на миг показавшейся машины.

— Он! Синие “Жигули”. Идёт сюда!

— Будем надеяться, — пробурчал Самохин и повернул ключ зажигания — прогреть двигатель. Стартёр исправно поурчал, двигатель схватился, пофыркал полминуты и замолк.

— Ещё чего? — изумился Пашин.

— Пятый и третий, пятый и третий, — начал вызывать Самохин, игнорируя Пашина, — я первый, я первый! Объект обнаружен. Идёт по просёлку от Аш-Булата. Встречайте у совхоза “Трофимовский”. У меня “вариант 12”, “вариант 12”⁴⁰. Как поняли?

— Пятый — понял! Третий — понял, — донеслось из динамика.

Немедленно включился и дежурный:

— Самохин, чего у тебя стряслось?

— Сейчас выясню. Пашин, подмогни.

Самохин вышел из машины, поднял капот, из коробки распределителя вынул центральный провод, поднёс к корпусу двигателя. Стартёр уркнул и проскочила искра. Зажигание живое.

Самохин тогда стал вручную подкачивать бензонасос.

⁴⁰ Вариант 12 или просто “12” — специфическое, кодовое обозначение поломки транспортного средства.

В отстойник собралась не жёлтая жидкость, а почти прозрачная. Чтобы проверить себя, Самохин отсоединил шланг от бензобака к карбюратору и ещё поработал рычагом бензонасоса. Попробовал жидкость на запах и вкус:

— Вода!

— Он застрял, застрял! — заорал в это время Пашин, глядя в бинокль.

Действительно, синяя точка у края озера не двигалась. Самохин взял бинокль и убедился, что синие “Жигули” беспомощно качаются взад-вперёд.

— Мы тоже застряли, — пояснил Самохин, — полный бензобак воды.

— Этот раздолбай — заправщик в Успенке, нам подгадил, — догадался Пашин, — наши действия?

— За ночь отстоялось — вода снизу, бензин сверху, — пояснил Самохин, — если бензин остался, ещё покатаемся.

Самохин нашёл в багажнике специальный ключ и полез под машину. Бензобак “Волги” расположен горизонтально, пробка слива горючего оказалась сантиметрах в десяти над землёй. Практически к ней не подлезть. Дикая обида, что снова не повезло, обожгла Самохина. Он живо поддомкратил правое заднее колесо, чтобы хоть чуть-чуть увеличить зазор между землёй и машиной.

Вроде получилось. Плунув на собственную безопасность, Самохин кое-как добрался ключом до пробки на бензобаке, но ключ сорвался и сильно, до обильной крови, ссадил кожу на костяшках пальцев.

Самохин выругался, не обращая внимания на кровь, снова стал орудовать ключом на проклятой пробке.

“С солончаком не балуй, — закон шофёров, — попал, так жми на всю железку”. А Рейтенбах, прости, Господи, душу грешную, наоборот, чуть притормозил, выглядывая горизонт, — нет ли там чего опасного, в виде чужих машин. Притормозил и сразу влип. Он газанул, но поздно. Машина, не двинувшись, начала выбрасывать грязь, задние колёса заметно осели, стали скользкими. Солончак забил все рубчики на колёсах, и резина заблестела как лысина.

“Не выбраться одному! — с ужасом сообразил Иван, — никак не выбраться”. Ещё груз на полтонны тянет. Иван понимал, что крадётся и вторая беда: его не дождались оперативники на славгородском направлении и могут блокировать всю качирскую дорожную сеть.

Выход был — запрятать литературу среди рощицы мёртвых, высоканных солончаком берёз, что росли поблизости, а потом вернуться. Вернуться за чем, за раскисшими и негодными книгами? Или вернуться в засаду возле спрятанных книг? И как он не догадался сунуть в багажник пару досок? А если берёзу сунуть под колёса? Иван вылез из машины и, глубоко проваливаясь в солончак, подошёл к берёзам. Взялся за толстую ветку, и она тут же отломилась. Труха трухой.

Не пойдут под колёса ветки берёзы. Не вырваться ему одному из трясины. Хоть с грузом, хоть без груза.

Самохин, наконец, открутил гайку сливного отверстия. На землю полилась пахнущая бензином вода.

— Как ты не проследил, балда, что он тебе в бак заливает? — с досадой сказал Пашин, — пять минут не мог постоять рядом.

— А ты какого чёрта побежал на дорогу червонцами размахивать? Тоже бы мог покараулить!

— Быстрее же надо было.

— Быстрее вши плодятся да кролики.

В нос Самохина едко ударил запах бензина. Вода сошла. Он большим пальцем левой руки зажал отверстие и теперь соображал, как вслепую завернуть пробку, не теряя бензина.

Иван Рейтенбах как последнее средство решил использовать верблюжьи одеяла, прикрывающие литературу.

Он провозился больше часа в грязи. Уже совсем рассвело, когда машина всеми колёсами стояла на одеялах.

Надо было бы помолиться, но некогда. Нekoгда! Он на секунду сложил руки на груди и повернул ключ зажигания.

Самохин, наконец, закрутил проклятую гайку. Датчик показывал, что бензина осталось литров пять, если не меньше.

Пашин всё это время следил в бинокль за действиями объекта и комментировал:

— ... Подложил одеяла под колёса... Сейчас попробует тронуться.

Самохин прыгнул за руль, стартёром прогнал остатки воды из бензопровода. Потом кинулся соединять отключенные шланги.

— Поехал! Мать твою в перекись марганца, поехал! — заорал Пашин. — Поднялся на бугор... Остановился... Виталик, ты посмотри, что значит немецкий характер — пошёл назад, за одеялами!.. Не соображает, что его сейчас брать будут! И эти одеяла ему в тюрьме не пригодятся...

Рейтенбах действительно вернулся за одеялами, и прикрыл литературу в салоне. По его расчётам, до завершения операции оставалось шестьдесят минут.

Если не подведут друзья...

Закрывая груз одеялами, он уже действовал по инструкции. И по инструкции подключился к специальному устройству, фиксирующему чужую оперативную связь. Только Иван закрепил на теле датчик, как под ним закололо, часто-часто.

Ивану стало жарко, зазвенело в ушах. Замаскированный под радиоприёмник прибор показывал, что его машину окружили со всех сторон. Три оперативных машины КГБ находились спереди, две приближались сзади. Самохин прогрел двигатель, метров десять проехал, проверяя, где удобней совершить рывок на перехват. По инструкции двигатель уже нельзя было глушить, но пять литров бензина отшивали все инструкции. Для "Волги", с прожорливым движком, горючки хватит всего на десять километров. Пришлось глушить двигатель.

— Догоню и сзади врежу... или поперёк встану, — решительно сказал Пашину Самохин, — он, гад, надоел мне своей простотой!

— Двадцать часов не жавши — это нам не годится, — согласился Пашин, — можешь врезаться и за меня. Разрешаю.

Иван Рейтенбах выдернул проводок датчика и вышел из машины.

Огляделся.

Утро уж больно хорошее стояло. Далеко-далеко, во все стороны лежала умытая росой степь, и ветерок, лёгкий такой ветерок, будто умывал Ивана.

Жаворонок натренькивал вверх.

Чудная, нежная, грязная, сволочная жизнь! Эх, жизнь!

"Идти на прорыв? Бесполезно. Всё равно возьмут. Впереди — тюрьма. Ванька-Ванька! Как теперь отцу покажешься? Как братьям по вере объяснишь, что лучше хотел... Как лучше хотел, а сделал что? Сделал не то, как объясняли, а будто нарочно дело сорвал... Погеройствовал..."

Отсюда, с пригорка, Иван разглядел на дальних сенокосах красные кабины тяжёлых грузовиков. Обрадовался: “Не подвели помощники! Эх, доехать бы до них! Доехать бы, а? Уже не доехать. Вон, впереди, за озером пылят легковые машины. К нему пылят. А сзади? Не видно пока ничего сзади. Скоро увидишь, Ванечка. Скоро”. Он глянул на озеро. Солнце отражалось от белоснежной соляной корки так, что заболели глаза. От бугорка, где стояла машина Ивана, в километре примерно от бугорка, вытянулась в озеро старая, военных времён, эстакада. Она ещё крепка была, эта эстакада, отца его помнила и тысячи других несчастных, что стогнали сюда в войну, да и после войны, черпать соляной раствор. Отец рассказывал, как грязь черпали вёдрами, сливали в железные тачки и вывозили к солеварницам. И солеварниц уже нет, и тех тысяч трудармейцев нет, а эстакада стоит. По-немецки, добротню сделана.

Ещё вспомнил Иван, оглянувшись и заметив далеко сзади пыль от машин, как мальчишками сюда ездили на велосипедах. И зачем? Затем, чтобы смотреть, как коровы на краю озера тонут. Долго, мучительно тонули животные. Дня по три. Медленно засасывает солончак. Но верно. Навсегда. Это на краю. А само озеро жертву хватает быстро. За пять минут всасывает. Старик говорил, что метров сто глубина озера, бездонное значит..

Большой грех совершил он, Иван Рейтенбах. Перед отцом грешен, перед Богом грешен. А перед этими, что летят сейчас к нему со злой радостью, — грешен? И большой ли будет грех — натянуть им напоследок нос и уйти?..

“Волга” Самохина неслась к синему “Жигулёнку” первой.

— Застрял он снова, что ли? Не пойму? — бесился Пашин, — чего стоит?

— Подлянку нам готовит, — сквозь зубы огрызнулся Самохин, едва успевая вписываться в повороты степной дороги, — не могут они жить без подлянок для родной госбезопасности!

Служебная связь надрывалась:

— Окружить! Задержать любой ценой... Понятых приготовили? Задержать его!

— Назад поехал! — заорал Пашин.

— Он нас больше любит и к нам бежит! — отозвались российские оперативники, что “пасли” Ивана сзади, — нам давно премию не давали! Нынче дадут. За ваш счёт!

— Он офонарел, Самохин! — в ужасе заорал Пашин, — чего он собрался делать? Жми быстрее, Виталька! Жми-и-и-и!

Синие “Жигули” рванули назад, затем свернули круто влево. Пронеслись сотню метров по хлипкой эстакаде и, ломая на конце гнилые доски, плюхнулись в густой грязный рассол.

И тут не повезло Ивану. Только наполовину погрузилась в гибельную жижу машина. Остеклённая часть кузова торчала над грязью. Иван оцепенел. Чего дальше-то делать, а?

Самохину оставался километр, чуть меньше даже, до эстакады, когда “Волга” споткнулась и встала. Всё. Кончилось горючее. На 30 секунд не хватило бензина, чтобы поспеть к берегу, перехватить гибельный прыжок Рейтенбаха.

Пашин орал по радио другим машинам, что произошло.

А Самохин, вытащив из багажника длинный буксирный трос, уже бежал к эстакаде, потеряв в грязи башмаки.

Скользя по брёвнам, он добрался до края эстакады и очутился почти над машиной Рейтенбаха.

— Лови трос, дурак, лови быстрее! — заорал он Ивану.

Лицо Рейтенбаха виднелось через заляпанное стекло машины.

Тот глядел на Самохина и быстро шевелил губами. Молился, что ли?

— Выбей переднее стекло ногами! Слышишь, Ванька, переднее стекло выбей! — орал Самохин.

Он знал — боковое стекло опускать нельзя — грязь хлынет в салон, и каюк Рейтенбаха.

К эстакаде прорвались остальные машины. Скользя и падая в грязь, сбегались парни. Женька Синьков, молодой российский опер, торопливо обвязывался верёвкой. Он задумал прыгнуть в озеро рядом с машиной Рейтенбаха, передать Ивану верёвку.

Прыгнул, торопыга.

Прыгнул Синьков удачно — рядом с машиной, и сразу, столбиком, ушёл в глубь. Не крикнул даже.

Второй русак, Славка, кто верёвку держал наверху, только ойкнул. Выдернуло у него из рук верёвку, и она быстрой змейкой утянулась в бездну, куда прыгнул человек...

«Не получилось сразу, как же это? — билось в голове Ивана, — что делать? Что делать?»

Серая жижа медленно поднималась по стёклам. «Этот враг верёвку готовит. Спасти хочет... Спасти его, Ивана? Господи, да он сам прыгает!.. Не надо! Пропадёшь!»

Ивану отчаянно захотелось вверх, на воздух, к людям. К людям! Какие бы они ни были! Жить захотелось. Ведь Бог наказывает самоубийство как великий грех. Но что перевесит: его, Ивана, смерть? Или его, Ивана, позорная жизнь? И не только его позор. Позор его семьи и всей общины! А так люди решат — случайность подвела, не виноват...

Под «Жигулями», в глубине озера, будто нечто живое тягостно и печально вздохнуло. Люди на эстакаде враз замерли и даже кричать про утопшего забыли.

А синюю машину, оттуда, снизу дёрнуло за багажник. И она рывком ушла в грязь. На поверхности остались только радиатор да фары...

И фары вдруг зажглись! Это Иван прощался и всех прощал.

Секунды три горели фары. А потом жижа утянула машину окончательно, а поверхность ровненько зализала мелкими волнами.

— Боже мой, Боже ты мой! — хрипло проговорил старший российский оперативник. Он медленно, спотыкаясь, поплёлся по эстакаде на берег.

Другие потянулись за ним.

Володька Пашин длинно выматерился за спиной Самохина и заорал:

— Мне до пенсии ещё пять лет такой работы, Виталик! Разве доживу? Скажи же что-нибудь, гад!

— Вместе ляжем. Без пенсии, — успокоил его Самохин. Виталий бессмысленно уставился на серую проплешину, проглотившую за пять минут двоих людей. А он, Самохин, офицер могучего ведомства с неограниченными возможностями, ничегошеньки не может сделать. Эта солёная грязь, бездушная, сволочная болотина была сильнее всех: сильнее человека, сильнее его машин, сильнее его государства и всех его приказов...

Через час на берегу озера, на сухом бугре у эстакады, скопилось большое полусотни машин и тракторов.

Из Павлодара ждали водолазную команду.

Георгарда Рейтенбаха, отца Ивана, привёз на личной “Ниве” колхозный парторг. Старый Рейтенбах прошёл до конца эстакады, оглянулся на стоявших тут людей. В глазах его... в глазах его застыло такое, что люди быстренько вскарабкались на берег, оставив старика одного перед грязным пятном на краю озера, отметившим гибель его сына.

Старик начал молиться.

Российские оперативники сгоняли к себе, “за границу”, и привезли ящик водки и три сумки всякой жратвы.

Так уж получилось, что местные оперативников откровенно сторонились. Пять заляпанных грязью оперативных автомобилей оказались в сотне метров от наехавшего машинного скопища сельчан.

В машину Самохина сел с разбухшим полиэтиленовым пакетом российский “володав” — Славка. Это он не удержал верёвку, когда его напарник, Женька Синьков, прыгнул в жидкую топь и сгинул.

— Машина оборудована? — хрипло спросил он.

Самохин молча кивнул и вытащил из-под сиденья три завёрнутых в грязную тряпку гранёных стакана.

Услышав характерный стеклянный звук, с заднего сиденья “Волги” приподнялся Володька Пашин.

— И мне... плесните стакан, — тихо попросил он. Глаза у него опухли, лицо посинело. Он высосал уже три таблетки валидола.

Славка налил три полных стакана водки. Выпили их молча, зажевали перьевым луком. И глядели все трое на одинокую фигуру Рейтенбаха там, на конце эстакады.

У Славки вдруг брызнули слёзы, он заплакал, громко всхлипывая. В машине молчали.

— Парни! Верите мне, нет? Женька Синьков... Женька даже не дал мне верёвку привязать... крикнул: “держи!” и прыгнул! А она, падла, короткая оказалась, верёвка... Так рвануло, руки разрезало...

Он показал — обе ладони будто ножом соскоблили до мяса.

— Ещё налей, — попросил Самохин.

Он увидел, как старый Рейтенбах взбирается по берегу и идёт в их сторону.

За ним было пошли понаехавшие механизаторы. У некоторых в руках были здоровенные ключи или монтировки.

Старик, заметив сзади это движение, только рукой махнул, и толпа послушно повернула назад.

Самохин вылез из машины. Рейтенбах шёл, нащупав взгляд Самохина, и Самохин глаза не отводил. Так глаза в глаза и встретились у белой “Волги”.

— Ты, говорят люди, всё видел? — сухим, шершавым голосом спросил старик.

— Да, я видел.

— Он что, с испугу... туда кинулся?

Самохин правильно понял этот важный для старика вопрос и, медленно подбирая слова, ответил:

— Нет. Не с испугу. Он сознательно пошёл... рванул на эту эстакаду. Сам решил...

Язык не поворачивался дальше, не находил слов: “угробиться”? “самоубийством покончить”? Самохин замолчал.

— Сам, значит, — повторил старик.

— У меня бензина не хватило грамм триста, я бы его перехватил, — вдруг стал оправдываться Самохин, — в Успенке нам заправщик напакостил — воды почти полный бак влил вместо бензина. Успел бы я вашего Ваньку перехватить... Я уже на таран готовился... Если бы не подлый успенский заправщик, сумел бы я сына вашего спасти...

Старик, видимо, не понял про Успенку, про бензин, про воду в бензобаке. Он понял только, что можно было сына спасти.

— Значит, спас бы? — медленно выговорил старик.

Самохин кивнул. Старый Рейтенбах уточнил:

— Спас, чтобы в тюрьму его завтра упрятать?

В салоне "Волги" пьяно шмыгал носом Славка и окровавленными руками вытирал слёзы. Всё лицо его было в кровавых разводах.

Пашин снова улёгся на заднее сиденье и, судя по синим губам, загибался всерьёз.

Самохин, про тюрьму услышав, ответил жёстко:

— Слушай, отец. Твой Ванька знал, на что шёл? Знал. И мы знаем, на что идём. Видишь, Славка плачет? Его друг за твоим сыном в это болото прыгнул, спасти хотел. И всё! Нету его. Сгинул! Двое маленьких детей сиротами остались, за пять секунд! А сзади, смотри, Вовка погибает. Ему всего тридцать лет, а у него уже инфаркт был. И сегодня, точно, он второй инфаркт заработает!.. Мы что, вместе с твоим сыном в догонялки поиграть выехали? На свежем воздухе? Нет, это жизнь такая, отец, жизнь! И не мне, сопляку, тебя этой жизни учить!

Водка ударила Самохину в голову, он даже не ждал, что ответит старик. Внутри всё опустело, организм орал, требовал — заполни, залей эту пустоту!

Он поставил на капот два стакана. Один наполнил водкой до краёв, а второй — наполовину:

— Хочешь, выпей со мной, отец, хочешь — плюнь мне в лицо. Но виноватых не ищи. Мы, наверное, все грешные, все виноватые. Один больше, другой меньше. Какая разница?

Старый Рейтенбах мрачно покивал головой, твёрдой рукой взял полный стакан и выпил его в три глотка. Самохин едва успел проглотить свои полстакана, хотя думал, что половину возьмёт Рейтенбах.

— Выпил я с тобой, парень, не от того, что уважаю тебя. За твою работу уважать тебя не могу. А жизнь ты правильно понимаешь, и про грехи мыслишь правильно. Выпил я, чтобы грех снять с твоей души. Ты и правда мог моего сына спасти, если бы не Роман... Роман — успенский заправщик, что тебе воды вместо бензина налил. Он сына моего — родной дядька. По матери. Вот так-то... На Романе будет грех. Родную кровь загубил. В Святом Писании сказано: "Не возжелай зла ближнему своему...". Роман возжелал тебе зла и ему отместилось. И мне, и всему роду нашему. А ты сыну моему зла не желал, верю. Волк, когда зайца догоняет, о зле не помышляет. Он брюхо набить должен. Кто его за это винит? Никто... Природа такая, такая жизнь...

Старик повернулся уходить.

— Слышишь, отец, — сказал ему в спину Самохин, — ты меня прости, если можешь. Не поминай лихом...

— И ты меня прости, брат, — не оборачиваясь, ответил старик.

Прибывшие после обеда из города водолазы наотрез отказались лезть в жижу озера Аш-Булат.

— Я туда прыгну, не испугаюсь, — пояснил старший, — только назад трактором придётся тащить. Пополам меня разорвёте. И вся история.

Местные умельцы привезли тяжеленные “кошки”. Их привязали к толстым тросам и бросали в озеро. А назад тянули тракторами. Два мощных “Кировца” отчаянно буксовали, еле-еле вытягивая на берег “кошку” всего полцентнера весом.

— Понятен вопрос? — спросил на это старший водолазной команды, и водолазы уехали.

Ещё три дня возились у озера и люди, и машины, но всё без толку.

Тогда старики в округе собрались, посоветовались и велели прекратить поиски.

46. Гэбэшные притчи

Мешков ввалился к Любимову раздражённый. Мрачно поздоровался и засуетился возле окна. Кое-как выдернул шпингалеты, распахнул створку и закурил.

— Клизму на планёрке получил? — любопытствовал Николай Сергеевич.

Мешков дёрнулся, но ничего не ответил.

— Упустили, значит, Рейтенбаха? — упрямо доставал Любимов.

— А ты откуда знаешь?

— Да весь город об этом шепчется, даже тюрьма знает.

Мешков щелчком отправил окурок в окно:

— Не упустили... сам ушёл. Навсегда.

— Знаю-знаю. И что двоих своих потеряли, знаю. Будем заканчивать дело? Или Москва чего-нибудь ещё подошьёт?

Мешков вытащил из папки три листа и бросил на стол:

— Всё. Больше ничего Москва не подошьёт. Заканчиваем дело.

Любимов пробежал глазами брошенные Мешковым листки, достал дырокол и неторопливо подшил их в девятый том дела № 4915.

Дело № 4915

Заявление

Москва
Прокуратура СССР
17.05.1982 г.

Генеральному секретарю
ЦК КПСС

Л. И. Брежневу

копия: Генеральному
прокурору СССР

Рекунькову

копия: Совету родственников
Узников СЦ ЕХБ

Мы, дети и жена сообщаем Вам, что 18 апреля 1982 года в Джамбульской области был задержан наш отец и муж Фриман Э. Р.

Вследствие чего был произведён обыск в нашей квартире следователем областной прокуратуры Любимовым Н. С. Изъяли всю духовную литературу, личные письма, записные книжки, блокноты, словари, справочники. В гараже выломали окно и влезли через окно в гараж. Всё тщательно обыскали и забрали магнитофонные кассеты.

Мы требуем немедленно освободить нашего отца, или дать нам вместе с ним выезд в любую страну, где мы можем свободно исповедовать свою веру.

Фриман Мария П.

Ходаатайство

Генеральному секретарю

ЦК КПСС

Л. И. Брежневу

копии: прокурорам

Джамбульской,

Павлодарской

областей

Совету родственников

узников СЦ ЕХБ

... Сотрудники издательства "Христианин" это не самозванцы, которые ради своей личной наживы печатают Библии и другую духовную литературу, а посланники от поместных Церквей. Вы уже не раз сталкивались с арестами издательских точек и неужели не убедились, что кроме уз, наши дорогие друзья-труженики, никакой выгоды не имеют.

В нашей литературе, изданной Издательством "Христианин" не содержатся ничего порицательного и задевающего Советскую действительность. У нас единственная цель — благовестие Евангелия, а если встречается о преследованиях нашего братства, так это Вы и поместные власти вынуждают нас. Что же нам остаётся делать, если Вы нас сжимаете в тиски? Дайте свободу — и мы не будем ничего другого печатать, кроме честной евангельской вести. Мы пишем "мы", потому что издательство "Христианин" это всё христиане-баптисты, а не те, которых вы арестовали теперь и раньше.

17.06.82 г.

От Ферганской церкви

Евангельских христиан-баптистов подписали 118 человек.

Любимов взял постановление прокурора о передаче дела в суд, бритвенным лезвием подчистил в нём последнюю цифру в числе, утверждающем количество листов. Аккуратно заправил лист постановления в пишущую машинку и сильно пробил цифру "9". Получилось: "количество листов "2049".

— Всё!

Затем набрал телефон судьи Филинкова:

— Василий Петрович! Добрый день. Любимов беспокоит. Мы минут через пятнадцать к вам подойдём. На месте будете? Добренько!

Мешков взял на себя обузу нести четыре тома, пять томов подхватил Любимов. Благо идти было совсем недалеко, каких-нибудь триста метров.

Филинков их ждал на пороге своего маленького кабинета.

Он сначала внимательно просмотрел постановление прокурора, потом пересчитал тома дела и брякнул:

— Что же вы, братцы, со мной перед пенсией делаете, а?

— Обеспечиваем почёт и уважение граждан, — ответил Мешков.

Любимов промолчал. Он уважал Филинкова за корректность и необычную для судьи вежливость и дотошность. Филинков ещё отличался тем, что наизусть знал законы и нередко сажал в лужу самых прохиндейских адвокатов.

— Как же — почёт и уважение, — проворчал Филинков, — меня же верующие после суда в Иртыше утопят!

— А ты что, Василий Петрович, собираешься на пенсии в церковь ходить, грехи замаливать? — невинно поинтересовался Мешков.

— А хотя бы и так! — повысил голос Филинков, — може, я в душе верующий, и в детстве крещённый!

Любимов закурил и сел на стул возле окна. За окном было сумрачно — свет затеняли высаженные в три ряда сосны. Любимов не одобрял внезапной разговорчивости судьи, тем более незачем ему было цепляться с Мешковым. А с другой стороны, судье действительно перед Новым годом выходить на пенсию, и заседание суда по баптистам вполне может быть последним. Терять ему нечего. Так, видимо, задумало начальство.

— А ты, Любимов, чего молчишь? — накинулся на следователя Филинков, — не веришь, что я крещённый? Может быть, мне вера запрещает религиозных людей судить? Может такое быть?

— Не пойму я, чего вы разошлись, — пробормотал Любимов, — что, убийц легче судить? Насильников, грабителей — легче судить?

— Легче, — неожиданно сознался Филинков.

— Это отчего же? — встрял Мешков.

— А оттого, милый мой, что они тело уродуют, а душу не трогают.

— Ну а эти — душу уродуют, а тело не трогают, — всерьёз вступил в спор Мешков, — детей калечат... духовно.

— Скажи ещё — кровь пьют у детей!

Мешков открыл рот, чтобы сказать “конечно, пьют”, но тут же рот захлопнул. Он знал, что перед процессом такие слухи будут запущены специальной службой.

Любимов выбросил окурок в форточку и направился к двери — спор принимал опасное направление, что совершенно не желательно для дела. И для его служебного роста тоже. Мало ли что подумает Мешков и что предпримет. Это действительно, не убийцу судить, это дело скользкое.

— Ты куда, Любимов? — спохватился судья Филинков, — я же тут для вас, парни, чай заварил, такого нигде не попьёте.

Он открыл шкаф, где за двадцать лет службы Фемиде судья приспособил невиданные наборы для вдумчивого чаепития.

Любимов нехотя вернулся, уселся за стол, куда судья уже выставил чашки, конфеты и печенье. Мешков между тем осматривал “чайную”, известную всем судебным органам Казахстана. Приспособлено действительно было с толком и удобством. Электроплитку смастерили с регулятором напряжения, поэтому чайник был постоянно горячий и в любой момент готов к употреблению. В старинных вазочках хранились старинные серебряные ложечки, щипчики и ножички. На специальной полке в красивых жестяных банках хранились десятки сортов чая.

Через три минуты они уже пили терпкий горячий напиток.

— Я вспоминаю, — сказал Мешков, прерывая общее молчание, — дело одно, на тракторном заводе. Это к тому, как тут у тебя, Василий Петрович, чайная лавка оборудована.

— Нелегально, хочешь сказать, — ухмыльнулся судья.

— Вот-вот, нелегально. Ещё ведь никто не отменял циркуляра, запрещающего в учреждениях пользоваться бытовыми электроприборами. Во избежание возгорания. Но мы ничего не видели, не бойся, Василий Петрович.

— Ты о деле давай, меня жить не учи.

— Да, о деле. Короче, на тракторном заводе, в электроцехе ночью происходит взрыв. Как раз в кабинете начальника участка. Ну, это не кабинет, конечно, а отгороженная в цехе кабина. Там у него имелся стол и личный верстак. Металлический верстак, ясное дело. Большой, четыре на два метра. Вот этот верстак и разворотило. В цехе, конечно, люди в ночную смену горбатились, они вызвали пожарных, охрану. Охрана вызвала нас — диверсия! Я как раз дежурил ночью. Приезжаем, начинаем разбираться. Но, собственно, чего разбираться — по всему цеху прёт запах самогона — хоть закусывай. Ну а в верстаке виднеются трубочки, реле всякие, бак из нержавейки. И змеевик, понятно, имеется. Вода холодная хлещет. В общем, не верстак, а мощный самогонный аппарат. Да сделан как — полная герметичность, реле времени, замыкатели-перемыкатели. Привезли из дома начальника участка, ему деваться некуда, всё нам объяснил. Там, на участке, все работы с высшим образованием. Им незачем в инженеры идти, зарплата у рабочего в два раза выше. Восемь человек таких грамотеев пахало. Вот и сочинили этакий агрегат. На ночь заправят бражкой, а утром приходят, уже готовы пять литров самогона. В агрегат напихали фильтры всякие, и угольный, и механический, получался не самогон, а спирт медицинский. Сами каждый день пьют и других угощают. И ещё меняют на всякие детали. Короче, диверсия полная.

— Подрыв экономики промышленного производства организованной группой, — сказал судья.

— Точно. Но с другой стороны, участок план перевыполняет, нареканий нет, два года держат переходящее Красное знамя победителей социалистического соревнования...

— Конечно, — не выдержал Любимов, — с такой жидкой валютой, как самогон, им всё в первую очередь доставляли.

— Правильно, Сергеич. Всё имели, что нужно в производстве, самое дефицитное. Так можно работать...

— И чем кончилось? — спросил Филинков.

— Чем кончилось? Начальника участка на три месяца перевели в рабочее, товарищеский суд ему нервы потрепал. Остальным выговора влепили. Правда, хотели мы настоящее дело о диверсии замутить, чтобы другим пример был, да и самим, так сказать, подняться. Но за них сам директор завода заступился, Калинин. А против Калинина не попрёшь, он на дочери Косыгина женат. Верстак этот самогонный изъяли, в металлолом пошёл.

— А взорвался почему? — спросил Любимов.

— Мне начальник участка на допросе объяснил, что не сработало реле, контролирующее температуру. Реле сгорело, давление в баке с брагой поднялось — и громыхнуло.

Мешков замолчал и особым, чекистским взглядом упёрся в Филинкова. Долго смотрел. Потом продолжил:

— А на самом деле наша служба про их аппарат давно знала. Долго ли было нашему человеку проводок перебросить да вместо 220 вольт загнать туда 380. Чтобы переходящее Красное знамя долго не задерживали. Это я к тому рассказал, что у тебя, Василий Петрович, тоже может гроыхнуть твой чайный аппарат. И пойдёшь ты на пенсию в 60 рублей в месяц, как простая уборщица.

— Ясно всё, — сказал Филинков, — хорошую ты притчу мне рассказал, поучительную... Будет вам показательный процесс, будет. Не волнуйтесь.

— А мы не волнуемся, — сказал Мешков, — мы своё отволновались. Теперь твоя очередь, Василий Петрович. С тобой уже беседу проводили московские товарищи? Проводили. И ещё проведут. И мы поможем освоиться в обстановке. Так что потерпи два месяца, а потом можешь хоть на площади кричать, что ты верующий с детства. Спасибо за чай. До свидания...

Мешков вышел. Любимов, пряча глаза, пожал Филинкову руку и чуть не бегом бросился из кабинета.

Он, Любимов, считался старшим следственной группы по делу № 4915; но только считался. Его именем и вывеской прокуратуры прикрывалась куда более серьёзная и безжалостная контора. Эта контора только что щёлкнула по лбу судью Филинкова и, походя, Любимову треснула в зубы. Мол, знай своё место, долбак, и не вякай.

47. Суд скорый и правый

Дело № 4915

Прокурору Павлодарской
области Ефимову А. Н.
от обвиняемого Фримана Э. Р.

Заявление

Довожу до вашего сведения, что по окончании предварительного следствия с материалами уголовного дела желаю ознакомиться без участия Адвоката так как не хочу.

*К сему Фриман (подпись)
10 октября 1982 г.*

Заключённые ознакомились с делом быстро, им было куда спешить из невыносимо вонючей и промозглой тюрьмы. В лагерях их ждала определённости. Главное, не терпелось узнать свою судьбу на ближайшие годы: где сидеть и сколько лет. Отчаянно, до бессонницы, хотелось походить по земле и пощупать эту землю руками.

За неделю все четверо прочитали дело, а точнее перелистали все девять томов, как по конвейеру. Их поодиночке выдёргивали из камер и втапливали в комнату свиданий. Иногда там был адвокат, но чаще адвокат не присутствовал. Они листали пухлые тома, останавливаясь и вчитываясь лишь в показания подельников. Кроме них, четверых главных действующих лиц, по делу № 4915 проходило 60 свидетелей. Их доставили из Джетысу, из Ферганы, из Москвы. Местных свидетелей, из павлодарских

колхозов, вызывать и привозить не требовалось. Сами рвались на судилище. На каждое судебное заседание приезжали вместе с сельскими свидетелями человек пятьдесят родственников и сочувствующих. Да ещё собирались у суда до сотни городских верующих.

Зал заседаний областного суда был рассчитан на сто человек, не больше. Но эти сто мест оказались постоянно занятыми представителями общественности. Попадали на заседание суда только по специальным пропускам, так что простые верующие, не свидетели, проникнуть туда никак не могли. Они целый день ждали на улице ради того, чтобы поприветствовать заключённых, когда их утром привозили на суд, а вечером отвозили в тюрьму. Десять дней шёл процесс, десять дней зал суда заполняли люди, рекомендованные партийными и комсомольскими органами: студенты и преподаватели высших учебных заведений. Представителям соответствующих органов полагалось присутствовать по жёсткому графику.

Мешков ходил на процесс каждый день. Он пристроился в качестве адъютанта к прилетевшему из Москвы Храпову. Любимов решил на процесс не ходить и побывал только на заключительном судебном заседании.

Сочувствующие, что дежурили возле суда с утра до вечера, в основном были молодыми верующими. Милиция ежедневно и очень методично проверяла у них документы и большинство развозили по домам — якобы для проверки личности. Садить беспаспортных в КПЗ на трое суток установки сверху не имелось.

Считалось, что лучше погонять автобусы по городу, чем у народа вызывать нездоровые настроения массовыми арестами. Хотя под шумок и по наводке КГБ уголовный розыск для острастки на сутки закрыл в КПЗ пятерых городских баптистов, а специально вызванные работники ГАИ на второй день судебного заседания поголовно отобрали водительские права у всех владельцев автомашин, приехавших из деревень.

К удивлению Храпова и местных гэбистов, дежурить у суда приходило много верующих из зарегистрированной, легальной общины баптистов. Проверка документов показала, что дежурила в подавляющем большинстве молодёжь немецкой национальности. Этого сюрприза не ожидали, ведь считалось, что легальные баптисты сторонятся нелегалов и предпочитают во избежание неприятностей от властей с нелегальными братьями не связываться. Но факт имелся, и Храпов в рапорте для Москвы особо отметил демонстративное поведение верующих немецкой национальности.

И, наконец, прозвучало обвинительное заключение. Судья Филинков читал его два часа ясным, хорошо поставленным голосом.

Дело № 4915

Протокол

распорядительного заседания судебной коллегии по уголовным делам Павлодарского областного суда

Судебная коллегия по уголовным делам Павлодарского областного суда в составе:

Председателя: Филинкова В. П.

Народных заседателей: Барабаш М. Н.

Дубяга Н. И.

Прокурор: Исаков О. С.

Секретарь: Ведель Т. В.

рассмотрела в открытом судебном заседании 29 октября 1982 г. дело по обвинению Фримана Э. Р., Эннса Д. П., Кабыш М. Н., Разумовского А. Е. в совершении преступлений, изложенных в обвинительном заключении.

Подсудимым предоставляется последнее слово.

Фриман Э. Р.: “Я считаю, что вина моя не доказана по предъявленному обвинению и прошу все статьи отменить”.

Эннс Д. П.: “У нас есть Библия, чудесная история. И я знаю — у нас есть Бог — Иисус Христос, которому мы служим, и он нам поможет”.

Разумовский А. Е.: “Слов раскаяния вы не услышите. Я желаю служить Богу, что и буду делать до конца своей жизни”.

Кабыш М. Н.: “Я благодарна Богу, что сейчас могу предстать перед Вами. Нам дано не только верить, но и страдать”.

Суд удаляется на совещание.

Коллегия по уголовным делам Павлодарского областного суда приговорила:

Признать виновным в совершении преступлений и назначить наказание:

Фриману Э. Р. — 5 лет исправительно-трудовых лагерей общего режима по статьям 170-I, 200-1-1, 130 часть 1 УК Казахской ССР.

Эннсу Д. П. — 5 лет исправительно-трудовых лагерей общего режима по статьям 170-1, 200-1-1, 130 часть 1 УК Казахской ССР.

Кабыш М. Н. — 3 года исправительно-трудовых лагерей общего режима по статьям 190 прим 1 УК РСФСР и 200-1,2 УК Казахской ССР.

Разумовского А. Е. — 2 года исправительно-трудовых лагерей общего режима по статье 200, часть 1,2 УК Казахской ССР.

Меру пресечения оставить прежней — содержание под стражей.

Деньги, изъятые у заключённых, в сумме 4110 рублей, хранящиеся в финансовом отделе Павлодарского управления внутренних дел, обратить в доход государства.

Автомашину марки “ВАЗ-2102”, государственный номер А1651ПА, принадлежащую Эннс Д. П. и хранящуюся в Павлодарской областной прокуратуре, обратить в доход государства.

Изъятую в ходе следствия религиозную литературу, типографскую краску — уничтожить.

Магнитофонные ленты — уничтожить.

Множительную печатную машину уничтожить.

Расшифровка статей УК Казахской ССР и УК РСФСР по справочнику издания 1980 г:

Статья 130 — нарушение закона об отделении церкви от государства и школы от церкви.

Статья 170 — распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

Статья 200 — посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов.

Статья 190, примечание 1 — за приготовление к распространению в печатной форме произведений, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский и государственный строй.

Часть VI

“День жатвы”

По классическим бывшим советским законам отбывание гражданном наказания происходит в зоне, максимально удалённой от места жительства. Так, Фриман Э. Р. свои 5 лет отбывал в городе Гурьеве, в ИТК-66, за три тысячи километров от Павлодара. Эннс Д. П. — в ИТК-13, в посёлке Джанатан, за полторы тысячи километров от родного села. Кабыш М. Н. — в ИТК-9 станции Чемолган Алма-Атинской области — за две тысячи километров от Днепропетровска, а Сащу Разумовского оставили отбывать наказание в ИТК-67, под Павлодаром. От Ферганы сюда ехать около 2000 километров.

Официально считалось, что чем дальше заключённый от родных мест, тем меньше у него условий для побега. На самом деле этикие громадные расстояния служили дополнительным моральным наказанием, поскольку контакты с родными были максимально затруднены. Кроме того, играл роль и экономический фактор. Чтобы попасть на свидание к заключённому, требовались большие деньги на дорогу, на пропитание и проживание, которых зачастую у близких просто не было.

Любопытны дальнейшие судьбы реальных людей, героев этого романа, любопытны факты дальнейшей борьбы государства со своими верующими гражданами. После прихода к власти Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва — первого и одновременно последнего президента СССР, в судьбах приверженцев Совета Церквей евангельских христиан-баптистов ничего не изменилось. Притеснения и гонения, обыски и аресты продолжались с прежней размеренностью и размахом. Назначенный Горбачёвым на пост первого секретаря ЦК Коммунистической партии Казахстана Г. В. Колбин, прославившийся разгоном в Алма-Ате мирной демонстрации молодёжи в декабре 1986 года, в марте 1987 года провёл специальное совещание “Атеистической работе — конкретность и наступательность”.

По материалам этого совещания, опубликованным в сжатом изложении, отчётливо прослеживается попытка ещё туже закрутить гайки в отношении верующих. А по сути, загнать ещё больше людей в духовное подполье. С другой стороны, явно заметна беспомощность власти, пытающейся контролировать каждый шаг, каждый миг жизни своих граждан накануне краха.

Архив

В ЦК Компартии Казахстана Совещание 5 марта 1987 года (выдержки из сообщений КазТАГ)

“За последнее время принято немало документов, разработано мероприятий, направленных на улучшение атеистической работы. Однако действенность их остаётся низкой”. Дело в том, указывалось на совещании, что многие постановления остаются лишь на бумаге, не воплощаются в конкретной воспитательной деятельности.

“Утрачена боевитость и наступательность в работе комиссий содействия контролю за соблюдением советского законодательства о культах”...

“... Пассивную позицию наблюдателей занимают Советы по делам религий. Как правило, они лишь фиксируют факты нарушения законодательства... они слабо привлекают к контролирующим функциям правоохранительные и финансовые органы”.

“... В республике нет ни одного Дома траура, мемориального зала, отсутствует ритуально-обрядовая служба, которая могла бы полностью принять на себя организацию и проведение безрелигиозного гражданского ритуала похорон”.

“... В этой связи признано целесообразным создание на базе института философии и права Академии наук Казахской ССР отдела научного атеизма, в обязанности которого, наряду с организацией и координацией научных исследований по проблемам теории и практики атеизма, должны войти: изучение конкретных причин и степени религиозности населения, разработка соответствующих рекомендаций, подготовка кадров атеистов высшей квалификации и т. д.”.

“... Особая роль в этом деле принадлежит партийным, советским, комсомольским организациям, правоохранительным органам, идеологическим учреждениям”.

К тому времени уже вышли на волю (в 1984 г.), “освободились из уз” и Разумовский, и Кабыш. Их следы затерялись на просторах огромной страны, в условиях жёсткой конспирации.

А вот как раз в 1987 году, чуть позже упомянутого совещания в ЦК КП Казахстана, вернулись из лагерей в свои многострадальные семьи Эвальд Фриман и Дмитрий Эннс. Им ещё довелось прочитать в центральной прессе официальное сообщение о том, как ценит власть послушных, легитимных и зарегистрированных верующих.

Архив

Указ Президиума Верховного Совета СССР

“За миротворческую деятельность и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить генерального секретаря Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов Бычкова Алексея Михайловича орденом Дружбы народов.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР

А. Громыко.

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР

Т. Ментешавили.

Москва, Кремль.

14 июля 1988 года.

Председатель же Совета Церквей евангельских христиан-баптистов Геннадий Константинович Крючков к тому времени почти 20 лет числил-ся во всесоюзном розыске и находился на нелегальном положении.

Ему наградой были редкие встречи с семьёй и повзрослевшие дети.

После 1988 года началось массовое переселение немцев на историческую родину. В числе первых выехали в Германию семьи Фримана и Эннса. Властям уже было ни до них лично, ни до судеб остальных верующих.

К 1995 году только из Казахстана выехало в Германию на постоянное место жительства более одного миллиона граждан немецкой национальности. Целые сёла снимались с обустроенных мест и уезжали, бросив скот, дома и нажитое имущество. С собой увозили только ценные вещи, семейные реликвии и разрешённые к вывозу документы.

Пришёл “День жатвы” и для супротивной стороны.

Старший следователь следственного отдела УКГБ В. И. Мешков тоже покинул Казахстан и обосновался в России, в городе Омске. Вышел на пенсию в 45 лет в звании майора. До полковника, как он мечтал, не дослужился. Работает Мешков в очень солидной фирме и часто бывает в Германии по служебным надобностям.

Старший следователь следственного отдела УКГБ Казахской ССР А. Г. Лужников остался жить в Алма-Ате. После преобразования Казахского КГБ в КНБ ушёл из органов в таможенную службу. Выучил казахский язык. После выхода на пенсию в 1995 году купил большой загородный особняк и новый автомобиль “Вольво-940”. Откуда нашлись у пенсионера такие деньги, никто не спрашивал. И не спросит. Следователь Г. А. Байтаков до сих пор работает в КНБ Республики Казахстан.

Старший следователь Павлодарской областной прокуратуры Н. С. Любимов в 1983 году попал в автомобильную катастрофу. Вечером, в праздничный день, седьмого ноября, в автомобиль следственной группы, возвращавшейся из Экибастуза в Павлодар, лоб в лоб врезался тяжёлый тягач “КамАЗ”. Из четырёх членов следственной группы в живых остался только Любимов. Ныне инвалид второй группы, живёт с семьёй на мизерную пенсию. Выпивает.

Оперативный уполномоченный В. И. Пашин к 1990 году перенёс три инфаркта. Вышел на пенсию по инвалидности. Устроился в службу безопасности коммерческого банка, но банк лопнул, и Пашин остался без работы. Начал много пить. В 1995 году жена увезла его к родственникам на Украину.

Оперативный уполномоченный В. Н. Самохин в 1989 году вышел на пенсию по выслуге лет. Работал простым водителем в коммерческих фирмах. В 1994 году, управляя тяжёлым мотоциклом “Урал” в нетрезвом состоянии, врезался в бетонный столб. Через год вышел инвалидом третьей группы. На паях с братом приобрёл пассажирский автобус “Икарус”, совершал коммерческие рейсы в Китай и в Россию. В 1998 году, после августовского обвала рубля, коммерческие рейсы перестали пользоваться популярностью. В. Н. Самохин ликвидировал дело и выехал с семьёй на родину, в Россию, в Кировскую область. Не работает. Пьёт.

Старший оперативный уполномоченный Тохтар Ахметов в 1983 году умер на операционном столе во время операции на предстательной железе.

“Бастык” Хасан погиб при взрыве самодельной бомбы на ферганском базаре во время националистических беспорядков в 1989 году.

Я писал эту книгу в летние жаркие дни 1999 года, в Новосибирске. Писал и вспоминал тех людей из далёкого уже 1982 года, с которыми свела

судьба. И вспомнил вдруг, что свою Библию я при переезде в Россию оставил в Казахстане. Оставил старикам-родителям. Эту маленькую, карманного формата Библию, с очень чётким текстом на тончайшей бумаге, мне тайком сунул Любимов во дворе областной прокуратуры. Там сотрудники прокуратуры загружали кузов грузовика изъятой при обысках по делу № 4915 нелегальной литературой издательства “Христианин”.

В кузов летели книги, которых тогда нигде нельзя было достать ни за какие деньги. Вскоре гружёная машина ушла на Павлодарский картонно-рубероидный завод. Там под присмотром оперативников КГБ литература тотчас была пущена под мощные ножи измельчителей.

Ну а наутро из неё уже образовались длинные ленты рубероида.

Так вот, мне для работы понадобилась Библия.

Я спустился на Красный проспект, к станции метро “Гагаринская”, где расположилась книжная ярмарка. Там в специальном отделе я за пять минут купил себе отлично изданную в Москве Библию с параллельным текстом на старославянском языке.

Продавщица — женщина примерно моих лет — поинтересовалась:

— Для себя берёте?

— Для себя, — ответил я.

— Пора уже, пора, — согласилась продавщица, — в нашем возрасте пора уже и Бога почаще вспоминать...

Я поблагодарил милую женщину и вернулся домой, к письменному столу.

Я писал, как ошибся в расчётах молодой Рейтенбах и залетел в непролазную грязь, и его успели окружить оперативники... Он вёз тяжёлый груз — такие вот книги, подобно лежащей передо мной, и тяжела была душевная ноша его, когда он понял, что груз не спасти... не довести, отберут.

Почему бы ему, Рейтенбаху, не родиться на 18 лет позже и не пойти и не купить спокойно, с улыбкой любую богодуховную книгу, как это сделал сегодня я и делают сегодня все мои сограждане?

А может, он родился в своё время, и гибель его возродилась нашим беспокойным, тяжёлым, но таким прекрасным временем?

Я открываю в Библии свои самые любимые страницы: “Книгу Притчей Соломоновых”:

“Время разбрасывать камни

и время собирать их...”.

“Время любить и время

ненавидеть...”.

Время обнимать и время

уклоняться от объятий...”.

И я, умиротворённый, ставлю последнюю точку, не оглядываясь на своих героев, ибо мною всё сказано, а что не сказано, так это уж было и ещё будет во веки веков.

Аминь!

Рафхат МЕНСЕИТОВ

**“Но всего
прекраснее –
вершины...”**

Перспектива

Уже сейчас я не воспринимаю
поп-музыку сегодняшнего дня.
Что будет завтра? Я пока не знаю.
Но думаю, ручьи непониманья,
разлившись, станут больше, чем моря...

Детство

О, детство, ковш душевной глуби!

Б. Пастернак

В детстве — цельная душа.
В детстве — цельная натура.
Зачерпнуть бы из ковша
чистоты. Не смотрит хмуро

В детстве юная душа
(может, иногда со сна лишь).
Ведь она насквозь весна лишь.
Подрастает не спеша.

Вот бы эту чистоту
сохранить, поймать, в ладонях
продержать, как птицу, долго.
Прежде чем ей в высоту

Взмыть. О, детство, мы тебя
лишь с годами в полной мере
понимаем. Дай нам веры,
чтоб мы вновь нашли себя.

Из рыцарских времён

А может быть, я жил в те времена?
И там жила красавица одна.
Она была прекрасна и умна.
Она была, как лебеди, вольна.
Она ещё наездницей была.

Она ещё актрисою была.
Да мало ль кем она ещё была!?
Но для него она была всем сразу, всем...

Сны

Слава снам! Мы в них провести
можем тех, кого уж нет...

***

Надо-то всего-то, чтоб была
рядом первозданная природа:
горы-исполины, меж которых
речка чтобы бурная текла.

Надо-то всего-то, чтобы вы
вдоль реки катили на машине:
справа — горы, слева — плеск воды...
Но всего прекраснее — вершины.

Минорное

Я сегодня не хочу шумихи.
Барабанов и литавров бой
я хотел бы заменить на тихий
флейты переливчатый настрой.

Я сейчас не вымотан нисколько,
не валюсь в изнеможеньи сил —
просто у души сегодня стойкий
интерес к минору (полный штиль).

Просто жизнь волшебна в те мгновенья,
когда утром в парке видишь ты,
как дрозды гуляют чуть надменно
и слегка колышутся цветы...

Зацепка

Когда есть хоть одна зацепка
Надежду с Верой сохранить,
я к ней привязываю нить
и так держу — едва, не цепко.

Её тянуть опасно: тонко,
и всё висит на волоске.
Чуть перетянешь — и в руке
останется обрывок только.

Вот так, наверное, рыбак
за леску держится с надеждой:
она за выступы коряг
чуть зацепившись, лодку держит.

А волны бьют уже в борта
и ветра нарастает сила...
Держись, рыбак, чтобы вода
от берега не уносила.

Дочка

Мне выпасться дочурка не даёт.
Она кричит, волнуется и плачет.
Но что же беспокойство это значит?
Она нам разъяснений не даёт.

Она пока совсем ещё малышка
и знает только пару-тройку слов.
Но рада, когда близких видит, слышит
и чувствует любовь и нелюбовь.

Она уже почти всё понимает.
Тончайший аппарат её души
работает, фиксирует, вникает,
всё разложив по полочкам в тиши.

Когда она на мне сидит “эмиром”
и указывает пальчиком маршрут,
я самый лучший исполнитель в мире:
иду туда, куда меня ведут.

Взаимосвязи

Когда я вижу женщину, несущую так бережно
дитя своё на улице с улыбкой на губах,
я представляю дикую природу, степь безбрежную,
пантеру иль тигрицу там с детёнышем в зубах.

И точно так же бережно несут они в укрытие
детей своих, ласкаются, играют от души.
Как схожи у зверей с людьми главнейшие события,
повадки, отношения и стимулы, чтоб жить.

Всё в этом мире связано узлами насмерть крепкими
и нитками суровыми прошито — не порвать.
Как хорошо частицею быть целого и крепкою
чего-то очень важного, что сразу не понять...

Неожиданное сравнение

Мои дети меня удивляют.
Еду с ними впотьмах поутру.
Дождь осенний асфальт поливает
и полощет листву на ветру.

Дети смотрят в окно: от дороги
и от луж воздымается пар.
Вдруг старшей говорит: “Знаешь, пап,
когда писаешь на природе,
тоже так поднимается пар”.

Сергей БУДАРАГИН

От автора

Прежде всего, я хочу пожелать всем мирного неба.

Идея о повести появилась спонтанно, сначала я хотел её писать в жанре сюрреализма и импрессионизма, в виде отдельных маленьких зарисовок. Лишь позже я объединил философские эссе вместе, выдумал лирического героя и поставил главы по хронологии событий, встречающихся в жизни главного действующего лица.

Главы повести объединяются идеей мира без войн, без насилия и идеей мира, в котором царствуют Любовь и Добро. Достаточно прочитать эпиграфы к повести.

Я буду очень рад, если моё творение поможет кому-нибудь улыбнуться, расправить плечи и вдохнуть полной грудью эту замечательную жизнь и зажить так, чтобы в сердце были лишь Радость и Любовь. Если хоть у одного человека останется светлое чувство после прочтения моей повести, я буду считать свою задачу выполненной.

Прелюдии любви

Повесть

*То, что мы испытываем, когда бываем влюблены,
быть может, есть нормальное состояние.
Влюблённость указывает человеку,
каким он должен быть.*

А. Чехов

*Представь себе, нет никаких стран,
нет никаких религий, нет никаких
границ — не за что убивать и воевать.
Джон Леннон, песня "Imagine"*

Глава I

Артём не знал и не надеялся, что в кромешной ночи этой брэнной жизни ему откроются неведомые дали, полные солнца и тепла, дали, где растут столетние деревья и над изумрудной травой летают неземные небесные птицы, и что Бог откроет ему Свет и скажет: "Ты поэт!".

Вдруг из этого света появятся строчки, и Артём будет их записывать и знать, что он уже не пристыженный ребёнок, над которым издеваются

**Сергей
БУДАРАГИН**

родился в 1967 году в Караганде. С 1980 по 1984 г. вместе с родителями проживал в Народной Республике Болгария, где и окончил среднюю школу при посольстве СССР в НРБ в 1984 году. Служил в Советской Армии в частях ВВС. Окончил филологический факультет Карагандинского государственного университета. Член Союза писателей Карагандинской области. В журналистике с 1997 года. Публиковался в областных и республиканских изданиях. Выпустил три самиздатовских сборника стихов: "Восхождение", "Ветер перемен", "Пятое измерение". В "Ниве" выступает впервые.

свои же товарищи, а он уже отличен от них, что он уже поэт. Поэзия — его предназначение и всегда, когда он писал стихи, тогда уходил от глупой обыденности школы-интерната в этот свет. Артём тянулся к этому свету во всё время своей странной жизни. Это было какое-то чудо. Свет и успокоение, следом за ними писалось стихотворение!

Артём не боится смерти. Смерть — это восхождение к Богу, и когда Ему будет угодно, он возьмёт его в этот мир, где теплота, радость и успокоение. Этот свет неопалимый можно увидеть и в жизни, когда идёшь к Богу. За смертью — тоже жизнь.

Необходимо жить и не думать о смерти. Смерть от Бога, какой она будет и когда, знает только Он. В этой жизни необходимо стремиться к Нему, к видению его лучезарного света, в нём Артём найдёт успокоение и пророчества. Он выбирает жизнь и благословение Божие! Его предназначение — писать песни, рассказы, статьи, стихи и повести, и в них направлять людей к добру, к понятиям нравственности и справедливости. Быть проводником Божественных энергий!

Глава 2

Хоро и радость

Он так горел от сердечного тепла, от нежности, царящей в сердце, что с умилением вспоминал свою жизнь в Болгарии, семейства Михайловых, Младеновых, Гневых, свою школу-интернат, группу “Скифы” и своих друзей. В Болгарию Артём поехал на четыре года в связи с командировкой отца в Государственный комитет экономического содействия по направлению Министерства угольной промышленности.

В Болгарии — имен день (именины) — празднуется лучше и дольше, чем День рождения. В этот день и ещё целую неделю спустя можно даже без приглашения ходить к имениннику в гости.

Артём вспоминал, как они с отцом и мамой были на шахтёрском празднике, где всех угощали за длинными столами на природе. Сначала был концерт, а потом угощение. Болгары и приглашённые ели молодых барашков и запивали добрым красным домашним вином. Он вспомнил, что отец предложил ему бутылку швепса, что было в 80-е годы в новинку для людей, приехавших из СССР.

Не было на этом празднике милиции, хотя на праздник собралось около трёх тысяч человек. И всё проходило замечательно, так как люди в Болгарии добрые, радостные и весёлые.

Танцевали всем миром хоро — народный болгарский танец, да так весело и задорно, что и молодым и старикам становилось радостно на душе от участия в этом танце.

Глава 3

О “Скифах”

Приехав в Софию, Артём познакомился с ребятами из школы-интерната при посольстве СССР в НРБ. Он в это время учился в 7 классе. Однажды он разговаривал с ребятами, стоя среди деревьев и цветов. Артём сказал им: “Давайте создадим рок-группу” — ребята не возражали и охотно согласились. Долго думали, как назвать группу. После длительного

размышления Артём и его друзья решили оставить прежнее название группы “Скифы” десятиклассников, которые уже уезжали из Болгарии в связи с окончанием школы. Кто уехал, а кто и остался из-за продления срока командировки родителей.

Получили они инструменты с Димой Трубниковым через год после решения создать свою группу. Артём с Димой шли из Советского культурного центра по Софии с гитарами наперевес по булыжным мостовым и пели разные песни, то свои, то “Машины времени”: “Я пью до дна — за тех, кто в море, за тех, кого любит волна, за тех, кому повезёт, и если цель одна и в радости и в горе, то тот, кто не струсит и вёсел не бросит, тот землю свою найдёт!”.

Они жили полной жизнью, упоённые юностью и радовались ей.

Глава 4

Это было недавно, это было давно

С Эмилом они подружились, когда он приехал в их школу из Союза, они сидели вместе за одной партой и писали с Эмилом стихи на уроках физики и биологии, из лучших стихов составлялся новый текст для новой песни. Если у Эмила чего-то не доставало в стихах, и если у Артёма чего-то не доставало, то они вместе оформляли стихи в стройный текст.

Эмил привёз с собой записи групп “Машина времени” и “Воскресенье”. Он был в болгарском комитете комсомола, Артём же был в советском, — на совместных комсомольских чаепитиях Эмил ставил песни “Воскресенья”.

Эмил также проводил одно время дискотеки в их интернате — это были настоящие праздники музыки, так много у него в фонотеке было хороших записей. Звучали “Воскресенье” и “Квин”, “Крузиз” и другие советские и зарубежные группы.

Как-то раз Артём с Эмилом решили сделать мюзикл или маленькую рок-оперу. Эмил предложил для основы мюзикла один фантастический рассказ, прочитанный им в сборнике научной фантастики. Этот рассказ назывался “Киберомахия”. Они быстро сочинили песни, написали сценарий по ходу рассказа и пригласили городских и интернатских ребят на роли для участия в мюзикле.

Репетировали они рок-оперу ко дню 8-го Марта. В рассказе описывалось, как одна семья купила робота для домашнего хозяйства, и по ходу действия рассказа оказалось, что хозяйка этого дома тоже робот. Они сочинили, отрепетировали и пели песни “Женщины”, “Робот-друг, робот-брат, робот-нянька детей и собак”, и ещё какую-то песню о дисках, о том, что человек зашёл в магазин, а там повсюду диски-пластинки знаменитых рок-групп.

Во время выступления Артём и другие музыканты стояли возле экрана для демонстрации фильмов, стояли с гитарами наперевес, как роботы. Исполняли песни и по ходу импровизировали.

И в конце их маленькой пьесы включили песню группы “Воскресенье” — “Кто виноват?”, и она звучала в то время, когда оказалось, что покупатель робота тоже робот. И под эту песню их группа сходила со сцены. Это выступление прошло замечательно, им долго аплодировали.

Потом в 9-м классе, весной они дали концерт “Старый сад”, по однойимённой песне Эмила. Репетировали неделю, потом сыграли его “на ура” и на следующий день записали на кассету весь концерт в пустом актовом зале без зрителей, со своими маленькими вставками и шуточными сценками.

Кассета тех времён сохранилась у Артёма в архиве, и когда он хочет вспомнить свою молодость, он ставит её себе и друзьям.

Глава 5

Первая любовь

Лейла — первая любовь Артёма. Он до сих пор помнит, как на 2-м курсе КарГУ, уже после армии, он хотел в подвале университета создать литературное кафе, объявил о необходимости сделать там ремонт силами студентов, и желающие поработать после занятий приходили в подвал. Они соскабливали стены в помещении этого будущего кафе, и Артём разговаривал с Лейлой. Она была мила, остроумна и очаровательна. Артём разговаривал с ней и испытывал настоящее наслаждение. С этого дня у них началась настоящая дружба, которая плавно переросла в любовь. Лейла стала его подругой, и он был безумно рад этому. Потом были частые встречи, и он всё никак не мог насладиться ею, её телом, её талией, её длинными ногами и огромными миндалевидными глазами.

Как-то раз, в январе, ранним заснеженным утром, они вдвоём пошли пешком к остановке возле ЦУМа, и Артёму было так хорошо, — он ощущал себя сильным, благородным, мужественным и ощущал её — её хрупкость, всю её тоненькую фигурку. Она была в синем тёплом плаще, Артём обожал её, свою Лейлу. Он пел от счастья первой любви. Они шли к университету — с бутылкой шампанского. Артём с Лейлой зашли в недостроенное литературное кафе, пили шампанское и целовались. Это было время счастья!

Затем они пошли к нему домой, допивали шампанское и смотрели, как в полном искрящемся бокале крутится кусочек шоколада.

Он помнит звонок из телефона-автомата возле кинотеатра “Юбилейный” к их подруге Вике, после чего они с Лейлой и Сашей Огневцом — их другом, пошли в гости к Вике, и Артём пел там свои песни.

Потом была музыка “Наутилуса” и поцелуи с Лейлой, это были самые настоящие, самые упоительные, самые радостные поцелуи в его жизни!

Уже весной он шёл из университета, посмотрел на просвет неба между деревьями и сказал себе: “Боже, как я счастлив!” — и душа пела и радовалась от любви. Сейчас Артёму кажется, что он вновь недалеко от счастья, что он ещё будет счастлив с другой женщиной, он будет любить и, разумеется, будет любимым!

Глава 6

Свет погас, зажгите свечи,
Будет бал, настанет вечер.
Будем вместе с Вами танцевать.
Играет виолончель и два кларнета.
Вы со мной и ни до чего мне дела нету,
Я хочу Вам сказку рассказать,

Сказку о волшебном лесе,
Где всё поёт и всё чудесно,
Мы отправимся туда на полчаса.
К Вам плечами прикасаюсь,
Как Вы мила — я удивляюсь,
И хранят нас, хранят нас небеса.
Может, это шанс, не знаю,
Я себя не понимаю,
Что мне нужно, а сейчас
Я, наверное, влюбляюсь,
В Ваших зрачках отражаясь,
Я хочу поведать Вам рассказ.
Рассказ о том, что так внезапно,
Вразброд и так опрятно
Амуры выбирают нас.
Окончен бал, погасли свечи,
Я запомню этот вечер,
Я накину плащ и пойду Вас провожать.
Ах, как сердцу вольно,
Я сказал себе: “Довольно,
Разрешите Вас мне целовать!”
И в экстатическом полёте,
Когда Вы и я на взлёте,
Будем сказку, сказку нашей встречи продолжать!

Глава 7

Баллада о Новом Сердце

“Новое Сердце взорвётся над нами,
Новая Жизнь позовёт за собой.
И, освящённый седыми Богами,
Я как на Праздник пойду за Тобой”.

Юрий Шевчук, песня “Новое Сердце”

Он шёл, торопясь успеть на встречу друзей. Это была необычная встреча. Там должны были встретиться семь мудрецов всего мира, чтобы дать ему напутствие с благословением на служение человечеству. Сейчас он служил Единому Богу, Всемогущей, Необоримой, Всепобеждающей Силе, которая у всех народов называется по-разному, у разных наций свой Бог — придуманный людьми. Он создал новую объединённую религию по велению своего сердца, по велению своего разума и по велению своего времени.

Он хотел, чтобы человечество объединилось под знаменем Единого Бога, чтобы не было больше разъединения на мусульман, христиан, буддистов и иудаистов, не было больше войн на религиозной почве, чтобы не было религиозного экстремизма в новой его форме — терроризма.

Трудный Путь был позади, Путь очищения себя и развития своих способностей. Ему было откровение от Всевышнего: “Ты будешь Моим Пророком”. И это откровение давало ему силы дальше жить, проповедовать свою религию, что заключалась в идеях Справедливости, Добра, Мира, Культуры,

Красоты и Гуманизма. Он любил человечество, нашу маленькую Землю, где есть это чудо, называемое Жизнью.

Он шёл, и звезда освещала ему путь. Он торопился, в семь часов вечера должна была состояться встреча. Он помнил, как раньше, до служения Богу, он пел свои песни, обходя деревни России. Он пел свои песни из истории родного края.

И вот, наконец, ворота замка открылись, он пришёл вовремя, семь мудрецов Вселенной уже ждали его. Он зашёл в гостиную, где за длинным столом сидело семь человек, одетых в белые одежды. Перед ними лежали фрукты и стояли соки. Гостиная была освещена светом факелов. “Приветствуем тебя!” — воскликнули мудрецы и встали в знак приветствия, когда он вошёл. “Здравия вам и мира, мудрецы Земли!” — отвечивал он. Они сели, предложили ему присесть рядом с самым главным местом, где сидел мудрец, возраст которого был за сто лет. Белые волосы и борода окаймляли его благородное лицо. Ум и проницательность светились в его глазах.

“Ну что, начнём?” — спросил он, и все воскликнули: “Ом, Аминь!”.

Гулкое эхо разнеслось под стенами замка. Главный мудрец — тот, который был седой, как лунь, сказал: “Новое Сердце, мы рады приветствовать тебя на нашем Совете. С каждым из нас ты встречался в своё время в его стране, и мы научили тебя, прежде всего, Любви. Любовь творит чудеса. Твоя любовь не знает границ. Ты уже умеешь, как Христос, творить чудеса, превращать воду в вино, исцелять болящих, воскрешать мёртвых. Пора тебе выходить на просторы мира, чтобы учить людей Доброте, Любви, Миру, Красоте и Гуманности. Твои стихи, рассказы и романы войдут в сокровищницу мировой литературы. Не оставляя занятий творчеством, оно помогает людям приобщаться к прекрасному. Прекрасное врачует, открывает.

Настало время действовать. Веди людей за собой к новым вершинам Сердца, Духа и Разума! Ты уже умеешь управлять стихиями, можешь разогнать дождь, можешь приказывать воде, чтобы она изменила течение, можешь повелеть шторму, чтобы он утих. Этому всему тебя научил Иисус Христос — величайший Учитель человечества. Но сейчас новое время, время эпохи Водолея, ты должен согласовываться с ним. Теперь уже про тебя люди будут говорить, что ты — новый Учитель. Ты вполне заслужил это высокое и почётное звание.

Через год мы встретимся снова, чтобы спросить тебя о твоих достижениях и наметить новые цели, скорректировать твои усилия. Держи с нами связь по нашим каналам. И снова благословляем тебя, Новое Сердце! И как пел Метеор, борец Виктор Цой: “А Он придёт и принесёт за собой весну, и рассеет серых туч войска, и когда мы посмотрим в глаза Ему, то из глаз на нас посмотрит тоска. И откроются двери Домой, да ты садись, а то в ногах правды нет, и когда мы все посмотрим в глаза Его, то увидим в тех глазах Солнца Свет”.

Желаем тебе, чтобы ты разогнал тучи нечисти над Россией, и позже над всем миром. Благословляем тебя на высокое служение людям!”.

И Новое Сердце подходил к каждому из семерых мудрецов, и они клали правую руку на его голову, читали молитвы и благословляли его. Один из мудрецов сказал: “А сейчас можешь подкрепиться с дороги”, — ему принесли бобы, рис, фрукты и соки.

“Сегодня тебе приснится твоя звезда — она всё тебе объяснит: как дальше тебе жить и действовать”, — сказали мудрецы. Ему отвели спальню с видом на сад и озеро. Наутро он встал, полный сил и энергии. Он позавтракал с мудрецами, они шутили, разговор шёл в непринуждённой, доброжелательной атмосфере. Они напутствовали Новое Сердце на подвиг служения людям.

Кто знает, может быть, тёмные тучи зла, ненависти уйдут навсегда из нашей жизни? Кто знает, может, Новое Сердце уже среди нас, и готово помочь людям, и уже помогает!

Мир всем, доброго неба!

Глава 8

Он и она

Артём позвонил сегодня своей бывшей жене. Она хорошо отнеслась к его звонку, и разговор был ненатужным, как это случалось раньше. Чувствовалось, что ей приятно беседовать с ним. Их сын где-то гулял, его не было дома. Жена сказала, что он курит, пьёт пиво. Для Артёма это было новостью — в сыновьи-то 15 лет!

После телефонного разговора он присел, обняв голову руками, и долго сидел так, в голове роились мрачные мысли о неудавшейся семейной жизни. О том, что жизнь без сына и без жены уже почти прошла, и ничего нельзя вернуть обратно. Молодость свою уже не возвратить, необходимо всё начинать с нуля, с какого-то счастливого шанса или случая.

Артём вспоминал, как он приехал однажды к своей бывшей жене, тогда ещё просто подруге. Как-то вечером он позвонил ей, они мило поболтали. Потом он предложил ей встретиться, с подсознательной надеждой быть с нею рядом, пить аромат её губ. Она разрешила приехать, это поставило все точки над “i”. В автобусе Артём настраивался на встречу и мечтал, что у них будет долгая совместная жизнь, в которой они будут любить друг друга.

Он приехал к ней, она была в халате с вышитыми жёлтыми цветами и драконами, они очень шли к её глазам и ко всей её фигуре. Артём достал из сумки бутылку красного вина, фрукты были на столе у подруги. “Проходи”, — сказала она, и они прошли в зал. Уже за накрытым столом они разговорились. Артём и она вдвоём в уютной квартире, затерявшейся в огромном городе, потом было Дао любви.

Их разбудило ласковое солнце августа. Он и она одни в этом огромном городе. Впереди их ждал новый, ещё более счастливый День.

Глава 9

Искусство

Она пришла к Артёму на полчаса в день святого Валентина. Они мило беседовали, пили чай, и она спросила, есть ли у него дома пианино, она хотела спеть песню.

Когда они вошли в зал и она начала играть и петь, то время перестало существовать. Ему казалось, что в мире есть только аккорды пианино и её голос, возвышающийся до небес. И Артём сидел и слушал эту песню об ангеле. Между ними установилось нечто большее, чем общение до этого,

между ними возникла прочная духовная, дружеская связь, разбить которую никто не в силах. И он будет помнить накал этой песни и слова об ангеле. Может быть, это — любовь, кто знает..

Музыка — это алтарь любви, а песня — бескровная жертва Богу.

И они воспарили своим духом в горние выси. Их единение было так явно, что Артём захотел, чтобы так было всегда. Но она сказала после песни немного резковато: “Извините, мне надо идти”, — и волшебство тут же исчезло, осталась лишь проза будней, в которую так неохотно верят поэты.

Но он будет помнить эту музыку и это прекрасное единение с творщим человеком, единение, которое может подарить только настоящее искусство.

Глава 10

О художнике

В юности Артём был рок-музыкантом, играл в рок-группе, повзрослев, выбрал службу в спецназе, чтобы воевать со злом, нести людям добро. При этом он не оставлял занятий творчеством, писал стихи и живописные картины и вёл дальше свою “Умную тетрадь”, куда записывал философские размышления, мысли об искусстве и о художниках. Вот некоторые его рассуждения об этом.

“Каждый художник выражает через свои творения то, что является его внутренним миром. Он создаёт картины своим духом, своей волей и своей мыслью. Иногда художнику помогают высшие силы, которые на небесах, и тогда он поднимается до высот Божественного Духа.

Искусство — целое вспаханное и неспаханное поле для деятельности талантливых художников, для творцов. “Творец” — это слово связано с Всевышним, первым Творцом Неба и Земли, который возжигает искры божественного духа в душах творцов-людей, и они творят. Своим творчеством мы уничтожаем свою смерть.

Через творчество мы приобщаемся к благу, которое дарует нам Всевышний, когда мы наслаждаемся и находим удовольствие в самом процессе творчества. Искусство знаменитых художников передаётся другим талантам, и они на основе предыдущих достижений своих товарищей по кисти и перу поднимаются до новых высот творения красоты.

Так, например, Пикассо, посмотрев картины Врубеля, понял его талант, восхитился им и нашёл что-то новое для себя, проникся духом его работ и работ других мастеров и переработал, выкристаллизовал всё это в себе, и после этого начал писать свои картины в жанре модернизма, кубизма, в общем, создавать свои неординарные творения.

Дух таланта передаётся другому таланту, и они, переплетаясь и взаимодействуя, начинают творить в своём индивидуальном духе, но продолжая эстафету достижений красоты.

И так вся культура человечества строится на основании предыдущего опыта, предыдущих поколений, и новые силы возводят стены достижений для будущих поколений. И это всё называется движением культуры, мировым культурологическим процессом.

Литература — проза и поэзия, в лучших своих произведениях писатели создавали прозу как поэзию, а поэзию как прозу, где всё сливалось воедино, как в русских былинах и русских сказках.

Искусство и литература разнообразны, многообразны ещё и потому, что в мире множество государств, множество народов и национальностей, со своей сложившейся культурой, со своим литературным языком. Но во времени культура изменяется и видоизменяется, представьте, например, культурного, образованного человека эпохи Возрождения и культурного, образованного, интеллигентного человека нашей эпохи — эпохи XXI века, эпохи Водолея. Кажется, есть разница.

Когда смотришь на чью-либо картину, творение великого мастера живописи, графики или гравюры, особенно живописи, то хочется самому творить, и краски этой картины, её тона переходят в твоё воображение и хочется нарисовать что-нибудь подобное, но своё, уже переработанное на основе увиденного и на основе своего собственного мировосприятия и своего таланта. Так появляются вещи, достойные выставок, так появляются картины, достойные подражания.

И радость от творчества, ни с чем не сравнимая радость, даёт уверенность в себе, уверенность в завтрашнем дне и уверенность в жизни. Радость и свобода — это удивительное чувство раскрепощения, отрешённости от житейских проблем и всяческих комплексов.

Целительная сила искусства известна людям с древнейших времён. И когда творишь, становишься Личностью, осознаешь своё “Я”, находишь опору для себя в своём же творчестве и творчестве других. И если твои творения принимаются другими людьми, то чувствуешь себя полезным человеком, полезным людям, коллективу и обществу. Появляется “стойкое, светлое мироощущение”.

Так что творить, творить и творить — вот девиз человека, и я думаю, для каждого должно быть так. Творчество даёт полёт мыслям, чувствам и свободу, раскрепощение. Да здравствует творчество!

Все наши страдания, печали и радости, страсти и восторги ложатся на чашу весов, и когда-нибудь чаша радости перевесит, и это будет праздник на нашей улице. Праздник у каждого свой. Всё не зря и не просто так — всё в руке Божьей и всё по промыслу Божьему, и каждая написанная нами строчка или спетая песня вознесутся в Бытие, к престолу Всевышнего, в Радость, в Праздник, и отзвучат эхом в дальних, неведомых пока нам мирах, и каждый вносит свои строки в мир Бытия”.

Глава 11

Рок-н-ролл, и не только

Он сидел и думал о дожде, который орошал землю. Дождь омыл всю землю, влага оросила цветы и деревья.

Артём сидел возле окна и думал о концерте памяти Виктора Цоя, который они вместе с группой сыграли сегодня во Дворце культуры. Потом Артём позвонил Оле, своей подруге, и договорился о встрече на завтра.

Артём подумал, что телефонные разговоры похожи на английскую речь — такие же точные и почти деловые. Как будто техника, с помощью которой люди общаются, откладывает отпечаток на их разговоры, а может, и отношения. После он пил чай и думал об Оле.

У него было так хорошо на душе, что он вспомнил слова из песни “Наутилуса”: “Я засмеялся от счастья, что этот мир у меня не отнять”. И он внутренне смеялся от того, что этот мир и временное одиночество сейчас,

за чашкой чая, о котором он забудет завтра, его мир у него не отнять. Всё плохое осталось позади, и он думал о том, что он счастлив и радовался при мысли об Оле, что сберегла ему крылья. Думал о мире, которым правят Любовь, Добро и Покой, и тихо улыбался про себя.

Он прослушал погоду на завтра, на воскресенье. Синоптики обещали солнечный день. Артём просмотрел свою почту и лёг спать, ночью ему снилась она, Оля.

“Оля, Оля, Оля”, — пел Артём и шёл по дороге между высоких холмов и деревьев.

Он шёл, и дорога была ещё длинной, но в конце её он надеялся встретить благодарных слушателей и приют. Холщовый мешок за плечами, гитара на ремне, ему шагалось весело, в такт с именем Оля, которое он пел.

Он расстался с ней на рассвете и пошёл дальше своей дорогой барда-менестреля, рассказывать через песни жителям этого края истории войны, мира, жизни, дружбы и любви. В этих песнях, в сущности, как в мозаичной картине, отражалась жизнь людей, порою сказочная, порою до того реальная. Но во всех этих песнях было ощущение таинства, радости и праздника, которые бывают под Новый год.

Люди тепло его встречали, в комнате собиралось много человек за большим столом. Пили вино и слушали его песни. Потом долго хлопали в ладоши, хлопали его по плечу и радовались его песням, и просили спеть ещё.

Перед взорами слушателей проносилась история их родного края — Уэльса, жизнь его людей, радость, боль, смех и слёзы, победы и достижения человека. Во всех песнях присутствовал гордый, благородный, независимый, свободный дух этого края, этих людей.

Потом Артём выпивал бокал доброго вина и шёл дальше — через холмы и деревья — в другую деревню, где всегда радушно принимают бардов-менестрелей.

Это была его жизнь — жизнь творца, поэта, музыканта и странника. Он не мог жить без общения, без игры на гитаре, без песен. Он нёс какой-то наказ предков будущим поколениям. В его простых и доходчивых песнях звенело серебро человеческих жизней, шумела листва деревьев этого края, угадывались тайны холмов и лесов и волшебство самой жизни. Вот он начал удаляться от деревни, в которой пел, и направился в другую местность, туда, где его ждали. Но чем дальше он отходил от деревни, ему становилось неуютно от сознания того, что очень что-то дорогое ему он забыл, оставил где-то.

И вот он вышел на холм, перед ним расстилалась равнина, над которой светило солнце, а лес вдалеке был красив и прекрасна была местность.

Он посмотрел на солнце, и какое-то слово стало вспоминаться ему. Слово, связанное со светом, и он пошёл дальше, отыскивая, находя в себе это слово. И как солнечные зайчики перед глазами, сначала прыгало, потом стало понятно это слово, без которого было беспокойно. “Оля, Оля”, — пронеслось отчётливо в голове, и он начал радоваться жизни, спустился с холма, направился к реке, но в глаза начал бить солнечный свет, и он проснулся в своей комнате с мыслью об Оле.

Артём встал, умылся, побрился, потом позвонил Оле и с неизъяснимой радостью услышал её голос. Она ждала его. “Встретимся в десять.

Целую”, — сказал он ей, потом вышел на улицу. Погода была солнечной, дул небольшой ветерок, но он только помогал думать о светлом и хорошем. Автобус довёз его до Олиной остановки.

И вот он позвонил в дверь Оле. Она открыла, он вошёл, и они застыли в долгом и жарком поцелуе. После они направились из дома навстречу солнцу, воде и деревьям, навстречу простору. Проехав до пляжа, растянулись на покрывале, подставляя солнцу молодые тела. Потом купались, играя друг с другом, резвясь как маленькие дети. Солнце над водой, голубое небо и вода, жёлтый песок, деревья вдалеке, здания на том берегу, — всё это создавало пространство, в котором легко дышалось, любилось и пелось. Обнявшись после купания, они сидели так долго, ощущая друг друга своими телами. После пошли на дачу.

Подойдя к даче, Артём открыл калитку, и они вошли в тенистый, раскинувшийся под небом зелёный уголок. В доме было прохладно, свет пробивался сквозь окна, было полутемно, но уютно. Открыв балконную дверь, они смотрели на дачи и озеро, блестящее невдалеке.

Позже, когда спустилась ночь, они, обнявшись, смотрели на звёзды и тихо разговаривали. Им было хорошо вдвоём среди природы. Артём сказал: “Благодарю тебя, Господи, что ты подарил нам день и ночь нашей любви”. И они с Олей слились в долгом поцелуе, жарко лаская друг друга в мансарде под ночными звёздами и вечным небом...

Под утро они заснули, их разбудило уже взошедшее солнце. Новый день нёс в себе осмысленность и радость бытия.

Артём чувствовал руку Оли в своей и думал о том, что на свете есть жизнь — такая необъяснимая и простая, полная тайн и радости, что есть на свете Любовь — к одной-единственной женщине, любовь к этому миру, к этому небу, деревьям, воде и земле, любовь к Всевышнему, который создал всё это, любовь к людям, любовь к отчужденному дому, любовь, которой нет границ и которая заполняет сердце тёплой волной, от которой хочется петь и взвиться в небо, и летать там, летать.

И, полные любви, Артём и Оля пошли навстречу новому дню и новому познанию мира, мира, который всегда с нами.

Глава 12

Калейдоскоп и чашка

У них дома была чашка — семейная реликвия, её очень любил муж Людмилы Артём. Эта чашка была ярко-жёлтая, большая, как пивной бокал. Это была чашка его отца.

Артём служил в спецназе командиром взвода по обезвреживанию самолётных террористов. Он был мужественным и смелым, красивым человеком. Он пил дома из любимой чашки и чай, и кофе, и соки, и коктейли. Любил пить из неё крепкий чай и размышлять о своём, о работе, жене и детях. Людмила была второй женой Артёма.

Как-то раз они вспомнили свою молодость. Это был день десятилетия их свадьбы. У Артёма как раз случился выходной. Решили провести этот день с семьёй на природе. Выехали на машине из города, нашли уютный лесок, разложили на солнечной поляне покрывало, на него поставили еду и коньяк по такому случаю. Дети резвились, радуясь солнцу, траве и деревьям. Отметили праздничный день на славу. А когда появился месяц и

зажглись первые звёзды, Артём и Людмила лежали в объятиях друг друга и смотрели на ночное небо. Артёму вспомнился калейдоскоп из детства, множество комбинаций — и все красивые и различные.

Так и весь этот день и годы их совместной жизни, и звёздное небо над ними были чем-то похожи на картинки калейдоскопа: цветные, но не повторяющиеся. Артём и Людмила не признавали рутины, каждый день их совместной жизни был ярким, неповторимым и солнечным из-за большого уважения и любви друг к другу.

Артём сказал Людмиле: “Ты знаешь, это звёздное небо похоже на калейдоскоп. Да и вся наша жизнь состоит из картинок, из разных ситуаций. Только жаль, что иногда картинки бывают чёрно-белыми, это я о своей работе. А вообще, жизнь непредсказуема, как калейдоскоп”.

Наутро они всей семьёй, отдохнувшие и посвежевшие, возвратились домой.

Однажды взвод Артёма обезвреживал террористов, засевших в самолёте, и требовавших деньги и топливо для угона его за рубеж. В противном случае они угрожали уничтожить всех пассажиров. Взвод Артёма принялся за дело. Но в этой операции Артём получил огнестрельное ранение в живот, его увезли в реанимацию.

Двадцать дней боролся за жизнь молодой организм. Двадцать дней Артём был без сознания. На двадцать первый день появились первые признаки выздоровления, он пришёл в себя. Целых полгода провёл Артём в больнице. Людмила и дети навещали его.

Людмила смотрела дома на любимую чашку Артёма, от которой исходила энергия её любимого мужа, и она вспоминала, какие у него красивые и мужественные руки, кисти и пальцы.

Он выписался из больницы, и они с Людмилой и детьми снова зажили, как в калейдоскопе, такой же радостной, яркой и непредсказуемой жизнью от того, что это — всё-таки Жизнь!

Глава 13

Размышление о XXI веке

Артём часто задумывался о философских основах Бытия, о своём времени, о будущем и о жизни вообще. Он записывал свои размышления в толстую тетрадь, которую назвал “Умной”.

Вот некоторые выдержки из его записей:

“XX век — век технического прогресса. XXI век — век духовного прогресса. Конечно, и в XXI веке будут новые технические достижения, наука должна развиваться во благо человека, а не во вред ему. У каждого человека должна быть правильная нравственная позиция, которая регулируется духовностью культуры. Наука должна быть направлена на созидание, а не на разрушение. Возникнет синтез науки и религии, их общение, взаимообогащение. Синтез искусств, наук и религий. И людям необходимо объединяться в наш век разъединения. Людям доброй воли лучше всего сплотиться вокруг культуры и духовности. А пена попхалтуры, чистогана, терроризма, мафии, криминала уйдёт. Только здесь необходимы усилия правительства и силовых структур государства, а также усилия человека оставаться человеком.

Когда пена сойдёт, несчастные люди почувствуют себя обделёнными культурно и духовно, и душа будет просить хлеба с небес, и тогда люди потянутся в храмы, на выставки, в музеи, театры, в институты и университеты. XXI век — поворот к духовности и культуре.

Такие организации, как ООН и ЮНЕСКО, будут играть в будущем очень большую роль. Сейчас идёт момент, как в древнем Риме — хлеба и зрелищ! Но мир должен быть спасён, спасён через красоту, истину, мир, свободу, равенство, братство и духовность!

Какое-то новое искусство должно появиться на месте старого, учитывая все достижения предыдущих эпох. Грядёт пора энциклопедических знаний и навыков. Это будет второе Возрождение через много веков после Ренессанса.

Духовная сторона нового искусства будет достаточно сильной для него поддержкой. Идеи Христа, Будды, Мухаммеда, воплотившиеся в писаниях, останутся.

Но придёт им на смену новая духовная культура, новая, если её можно так назвать, религия, которая тоже в свою очередь будет взаимообогащаться культурой и искусством, настоящими духовными ценностями.

Идея единой объединённой религии не нова. Ещё в глубокой древности люди верили в Единого Бога. “Бог — един”, — говорят мусульмане. Да, Всевышний един, только разные народы верят в него по-своему. Единение религий легко выведено и подчёркнуто в единой религии Бахаи. Три постулата Единого Бога: Любовь, Красота и Мощь — должны присутствовать в каждом сердце.

Ещё Николай и Елена Рерихи описали значение сердца в учении Агни-йога. Новая единая религия будет расцветать в России, на стыке двух культур — Востока и Запада, но привнося свой исконно русский элемент и менталитет, и синтезирующий три великих культуры — России, Востока и Запада, обогащённые духовными исканиями всех народов.

Новая весть не за горами. Будем прислушиваться к шагам жизни.

Появится синтез духовности и религии, мир без войн, без насилия, с новыми мощными духовными и культурными критериями, определяющими нашу цивилизацию в целом, опирающимися на весь мировой духовный и культурный опыт, опыт предшествующих поколений. Творцы, философы, поэты будут мыслить по-новому и станут объединяться в одно течение под знаком равенства и братства при стабильной мировой экономике.

Мир без войн, без насилия — это задача всех правительств и каждого человека в отдельности, и мира в целом.

Мир начинает выпускать пары, как старый паровоз, мир уже выдохся, хочется чего-то ещё, это и приведёт к постепенному духовному, культурному объединению людей. Вот новый скачок, который должно сделать мировое сообщество”.

Размышления о религиях

“Все пророчества и правила суть едины — все Пути ведут к Всевышнему. Всемогущий — един, и все народы так или иначе идут к Нему, но каждый своим Путём. И в итоге оказывается, что пришедший к Необорному христианин, буддист, мусульманин или иудей постигают грани одного и того же Божества, имя Ему — Любовь.

И если представить развитие человечества в виде конуса или треугольника, то основание — это людская масса, у подножия конуса собрались люди. А подъём к вершине конуса — к развитию, совершенствованию и познанию Бога — может быть разный, но само тело конуса — это Путь людей, вставших на Путь эволюции и освоения Божественного. Вершина конуса — это Всевышний, — Управитель Вселенной и нашей великолепной Землёй. Как Он может спускаться до людей, ниспосылая им откровения Своего Божественного Духа, так и люди могут подниматься до высот Божества.

Люди придумали разные религии — христианство, буддизм, ислам, иудаизм и т. д. Но религия — это всегда догмы, запреты, обряды, с которыми очень трудно прийти к Живому, Единому Богу. Путь к Всевышнему — это уже не религия, а Путь восхождения человека от законов Природы к Богу, в котором нет никаких законов, есть только качества Всемогущего — Свет, Огонь, Красота и ЛЮБОВЬ!

БОГ — есть Личность. Природа — Его создание, по ней мы можем узреть дела Творца. Все религии — суть одно и то же, так как ведут к одному и тому же — к познанию Божественного Начала, Первопричины всего БЫТИЯ”!

Глава 14

Любовь

Почувствовать себя красивым и любящим, и любимым, и богатырём, и полным сил и уверенным в себе, покоящимся в светлых думах и вознесённым от любви на небеса и увидевшим Дао, что управляет сутью вещей, имя Ему — ЛЮБОВЬ.

Бог есть Любовь, и мы все стремимся к любви и счастью. Когда Покой в сердце, где милые токи любви, где светлые мечты твои, мир, свет и радость от того, что ты любим и любишь и что любимая женщина посылает тебе токи любви, тогда Артём говорит: “Спасибо, Господь, за эти светлые чувства!”.

Уверенность в том, что он ей и детям необходим, и забота о них и светлая убеждённость в том, что всё будет хорошо, — ведь впереди Рождество и Новый год! Новый год в сердце каждый день, — как это здорово и замечательно! Любовь — это праздник, который всегда в твоей душе, сердце и Разуме. Спасибо Тебе, Господь!

г. Караганда.

Светлана ЗЕЛИКОВА

“Хочу я жизни долгой и весёлой...”

***

На чужбину с собою возьму я
Голос (в записи) старой домбры
И под звуки любимого кюя,
Что извечно мудры и добры,
Вспомню снова родимые степи,
Золотые шелка ковылей,
И стрекоз многокрасочных трепет,
И полуденный крик журавлей.
Я увижу, как будто воочью,
Под звучание дивной струны
Стаю вечно голодную волчью,
И табунщиков, и табуны...

Зазвучат во мне, будто живые,
Голос всадника, топот коня...
... И сойдутся полки боевые,
Дорогими мечами звеня.
А потом под победные звуки
Молодого бойца умирать
Привезут в материнские руки.
И заплачет несчастная мать.
Я с ней плачу, а степь зеленеет,
И ничто не испортит красоты
Разнотравья, и неба, и веет
Ветром с родины.
Курмангазы...

Буран

Ветер навстречу мчится, как буйвол,
Дышит в лицо и сопит обозлённо.
Этот буран и весёлый, и буйный
Крутит и крутит свои веретёна.

Мир будто корчится в танцах шаманских,
Будто себя до экстаза доводит.
В эту погоду в степях казахстанских
Кто-то до цели своей не доходит.

***

Я по городу буду бродить,
Снегопаду лицо подставляя,
Или бредить, стихи сочиняя,
И, стихи сочиняя, грустить.

День тихонько простится с толпой.
Мягко сумерки лягут на плечи.
Я живу в ожидании встречи,
В ожидании встречи с тобой.

Как весну ждут поля и сады,
Буду ждать и надеяться буду
На случайную встречу — на чудо,
На случайную милость судьбы.

На могиле отца

На могиле отца я почти не бывала.
Даже память о нём я старалась стереть,
Потому что не просто отца осуждала —
Я считала предательством папкину смерть.

Разрешил все проблемы — жестоко и глупо,
От себя (и от нас!) убегая навек.
Он покончил с собой — эгоиста поступок.
Малодушный и подлый побег.

Я умней и терпимее стала с годами,
Отыскала на кладбище тот уголок,
Где когда-то землёй гроб отца закидали,
Где навечно он лёг.

На отцовской могиле — полынь и репейник,
И на камнях растёт зеленеющий мох.
На отцовской могиле — большой муравейник.
Знать, простил его Бог.

Это значит, грехи его были нетяжки.
Это значит, он право имел на побег.
Суетятся, снуют под ногами мурашки.
Папа, папка, весёлый ты был человек.

***

Я всегда восхищалась бескрайностью наших степей,
Когда много часов можно ехать, стремясь к горизонту
По равнине нетронутой, как по газону,
Разгоняя с дороги непуганых сытых грачей.

Здесь так много простора, что туче огромной не тесно,
Не спеша наползает и брюхом ложится на землю,
И темнеет под тенью её необъятною зелень.
Начинается дождь, приближаясь стеною отвесной.

Любовь бывает безответной

Какая музыка звучала,
А ты, далёкая, молчала,
И так хотелось всё с начала
Начать.

И всё казалось поправимым,
Но почему-то пахло дымом,
А листья плавали, плавали мимо
Опять.

Как отпускать бывает больно.
Тебя я мучаю любовью.
Мне так хотелось быть с тобою
Всегда.

Я знаю, ты не любишь осень,
И не люби — никто не просит.
Смотри, как листья вдаль уносит
Вода.

Любовь бывает безответной.
Поплачем, музыка, об этом.

***

Хочу я жизни долгой и весёлой
И полной жизни — чтобы через верх.
Ещё хочу я ноши нетяжёлой,
И рядом чтобы — добрый человек.

Хочу я взлётов и падений — много.
До самого конца хочу любить.
Но одного всегда прошу у Бога:
О, только бы детей не пережить!
Кровинок моих не пережить!

***

Одnogорбая, даже слепая,	Глаз лишиться, чтоб слёз напрасно
Возвращалась в родные края.	Над родным пепелищем не лить.
Ей подобно всю жизнь поступая,	Под своею звездой несчастной
Оказалась бездомной я.	Как-то вновь научиться жить.

Золотая осень

Осень, бьющая бокалы,
Восхитительней весны,
Ни на что не намекала,
Только тихо навевала
Упоительные сны.

Шла — роскошная, большая,
Разливая щедро мёд,
Ничего не обещая,
Всем прощая, всё прощая.
Кто виновен, тот поймёт.

Королевою небрежной
Шла по улицам Москвы,
Всех в глаза целуя нежно.
Спал по-детски безмятежно
Бомжик в золоте листвы.

г. Астана.

Далёкая Куба Казахстану близка

*Беседа главного редактора
“Нивы” с Чрезвычайным
и Полномочным Послом
Республики Куба
в Республике Казахстан
Тереситой Капоте Камачо*

— Уважаемая Тересита, — позвольте мне обращаться к Вам именно так: во-первых, мы представители одного поколения и хорошо знакомы вот уже четыре года — со дня Вашего приезда в Астану, во-вторых, язык не поворачивается называть Вас госпожой, поскольку господ на Кубе нет, к тому же я не люблю это слово, так как воспитан в традициях равенства и товарищества.

Первого января 2009 года исполнится полвека со времени победы Кубинской народной революции, которую возглавил Фидель Кастро Рус. За эти десятилетия на Острове Свободы — как именовали Вашу страну в СССР — произошли огромные позитивные перемены, несмотря на жестокую экономическую блокаду со стороны США и их союзников. Вопреки всему героический народ Кубы продолжает демонстрировать миру верность идеалам социализма и гуманизма, мужество и самоотверженность в достижении поставленных целей.

Что составляет основу дипломатии Вашей страны на международной арене, в отношениях с другими государствами?

— Главным приоритетом кубинской дипломатии является донесение правды, которую пытаются скрывать и исказить наши идеологические противники, чтобы попытаться затемнить огромные социальные, экономические, культурные и научные достижения, характеризующие революционный процесс, которому недавно исполнилось 49 лет борьбы против неудавшейся изоляции и экономической, торговой и финансовой блокады. Сегодня Куба поддерживает дипломатические отношения со 180 странами из 191 стран — членов ООН. У нас 143 дипломатических и консульских миссий в 116 государствах. Из них 113 — это посольства со скромными средствами, с небольшим персоналом, но с большой убежденностью, исключительной преданностью нашему народу, своей деятельностью мы доносим правду о нашей стране в самые отдаленные уголки мира. В Гаване находятся 142 дипломатических и консульских миссий и 6 представительств международных организаций. У Кубы и её Революции сегодня большой престиж, большой авторитет как никогда, больше отношений и больше контактов как никогда, которые развиваются исходя из восхищения, вызванного нашим сопротивлением, нашими победами в течение всех этих лет постоянных и серьезных вызовов.

— Недавно в вашей стране с успехом прошли выборы в Национальную Ассамблею — парламент Кубы, тем самым народ ещё раз продемонстрировал верность избранному курсу, начатому в 1959 году Фиделем Кастро.

— Законодательная база на Кубе основывается на законности Кубинской Революции. С победой революционного процесса, чьей основной целью было свержение Батисты — одного из самых кровавых диктаторов в истории Кубы, который пришёл к власти через государственный переворот, разграбил обнищавшую страну и в конце концов сбежал, оставив за собой более 20 тысяч убитых молодых людей и пустые государственные сейфы. Это была эпоха “блестящих” военных диктатур в Латинской Америке, большинство из которых были организованы и финансированы из-за рубежа с целью поставить во главе этих стран “послужных” и хорошо управляемых господ, чтобы подавить их народы и способствовать экономическому разорению этих стран. Достаточно вспомнить государственный переворот против Сальвадора Альенде — президента, избранного его народом посредством демократических выборов, переворот, приведший к власти в Чили печально известного Пиночета.

Перед этой печальной и опустошающей панорамой на Кубе победило партизанское движение, чьей основной предпосылкой было достижение истинной независимости самого большого Карибского острова, который в 1902 году после 30-летней войны в борьбе за независимость от Испании номинально стал независимой республикой, но фактически превратился в североамериканскую неоколонию.

1 января 1959 года начался интенсивный процесс изменений, направленных на достижение подлинной независимости, защиту национального суверенитета и установление основ того, что было бы настоящей революцией в социальной сфере. Первые усилия в ней были сконцентрированы на занятости, передаче земель, образовании, здравоохранении, жилье, перераспределении доходов, социальной защите. Также началась борьба с таким социальным злом, как наркомания, азартные игры, проституция, незащищённость и нищета.

Легитимность всего этого процесса зиждется на преданности идеям Апостола Независимости Кубы, интеллектуального автора Революции — Хосе Марти, который сказал: “Я хочу, чтобы первым законом нашей Республики был культ кубинцев, полного достоинства человека”.

Исходя из этого постулата Марти были приняты первые революционные законы. Закон об аграрной реформе, чтобы гарантировать землю крестьянам, который освободил от выплаты ренты 85 % кубинских крестьян; закон об арендной плате, снизивший её на 30-50 %, в то время как закон о городской реформе закрепил право каждой семьи вносить арендную плату, чтобы потом стать собственником своего жилья. Многие другие законы гарантировали социальную защищённость всем работникам, образование и здравоохранение народа. В 1961 году на Кубе была устранена неграмотность посредством национальной кампании обучения грамоте и введены стипендии, гарантировавшие каждому ученику вне зависимости от экономического положения и места проживания доступ к образованию в стране, где два года до этого 45 % детей от 6 до 14 лет не посещали школу.

Параллельно была осуществлена национализация таких стратегических секторов, как банки, энергетика, телефонная связь, средства

коммуникации, пресса, радио, телевидение, страховые компании, импортирующие и экспортирующие фирмы, находившиеся в руках североамериканских собственников.

Но большую легитимность этому процессу придавала единодушная поддержка всего народа, который прежде был низвергнут в жесточайшую бедность и заброшенность со стороны сменяющих друг друга узурпаторов власти. Народ, который переживал последствия монопроизводительной экономики, зависящей от производства сахара в стране, где сахарная промышленность и лучшие земли принадлежали крупным североамериканским корпорациям. В стране, где 14 % крестьян страдали туберкулёзом; 13 % — тифом; 35 % — паразитизмом.

Эти революционные декреты были узаконены поддержкой народа, для которого проституция, расовая дискриминация и дискриминация женщин были настоящим бедствием, бьющим по обществу; где 10 тысяч учителей были безработными; а 36 % населения — неграмотными; где детская смертность составляла 60 на каждую тысячу родившихся живыми, а продолжительность жизни — 50,5 лет.

Но законы получают действительную легитимность, когда отвечают истинным интересам большинства, а их практическое применение даёт конкретные результаты в пользу этого большинства. Когда это не остаётся только на бумаге.

Сегодня Куба, несмотря на враждебность и политический геноцид, с которыми ей пришлось сталкиваться в течение 48 лет, несмотря на то, что ей пришлось терпеть самую продолжительную в истории человечества экономическую, торговую и финансовую блокаду, принёсшую потери экономики в 89 миллиардов долларов (222 миллиарда по нынешнему курсу); несмотря на то, что она была жертвой бесчисленных и трагических террористических актов, биологических агрессий, которые унесли жизни 4 тысяч кубинцев, включая невинных детей; сегодня она предстаёт перед миром как одна из стран, сделавших больше всего для человека.

Согласно “Докладу Программы Развития Объединённых Наций” (ПРООН), Куба занимает сегодня 50-е место в классификации 177 стран, где учитывается продолжительность жизни, грамотность, уровень школьного образования и качество жизни. Согласно докладу ЮНЕСКО, Куба отмечена как первая латиноамериканская страна, которая выполнила цели программы “Образование для всех”, разработанной на форуме в Дакаре в 2000 г. Кроме того, согласно докладу по этой же теме, опубликованному в это же время в Нью-Йорке и Нью-Дели, Остров занимает 23 место в мире, за ним следуют такие латиноамериканские страны, как Аргентина (27 место), Чили (37 место) и Мексика (48 место). Этот список возглавляет Норвегия. Куба ныне гордится тем, что в стране нет ни одного ребёнка, который бы не посещал школу, детская смертность является самой низкой из всех стран третьего мира (5,3 на каждую тысячу родившихся живыми) — такая как в Канаде и ниже, чем в США (6 на каждую тысячу живорождённых); продолжительность жизни составляет 77 лет. Это результат реализации революционных законов, которые сделали образование и здравоохранение бесплатными для всех граждан без исключения. Это народ, где не существует расовой дискриминации, где женщина занимает достойное место в обществе (36 % в парламенте, 6 министров и 33 вице-министра — женщины, 65 % всех профессионалов и техников, женщины представляют Кубу в 30 посольствах и 8 консульствах), где нет ни одного пожилого человека, брошенного на произвол судьбы, где не существует эксплуатации и

детской порнографии, где не занимаются трафиком человеческих органов и успешно пресекается наркотрафик. Страна с одним из самых низких показателей безработицы во всём мире (1,8 %) и одним из самых низких уровней заболеваемости СПИДом (0,1 %).

— На протяжении длительного времени Куба является объектом яростных нападок по поводу якобы вопиющих нарушений прав человека.

— Когда политика блокады Кубы была отвергнута подавляющим большинством международного сообщества, а её инициаторы сами оказались в изоляции и потерпели поражение перед сопротивлением и героизмом кубинского народа, тогда был дан ход новому вымыслу против Кубы: обвинению в предположительном нарушении прав человека.

Таким образом, в Комиссии по правам человека в Женеве США и их подручные начали представлять резолюцию, в течение ряда лет призывавшую, образно говоря, посадить на скамью подсудимых страну, которая, возможно, сделала больше всех, чтобы гарантировать истинные человеческие права всему своему народу. Потерпев поражение в своих попытках голодом истребить целый народ, наши противники пытаются создать искажённый образ кубинской действительности посредством дезинформации, информационной блокады.

Если бы мы углубились в этот спор, имеющий глубокие исторические корни, намного предшествующие победе Кубинской революции, то пришли бы к заключению, что единственная и подлинная “вина” Кубы заключается в том, что она показывает “опасный” пример для народов, которые страдают сегодня из-за последствий разрушительной и обедняющей глобализации.

Это “опасный” пример для третьего мира, разоблачающий позорную кампанию о предположительном нарушении прав человека, отсутствии демократии, подавлении диссидентов и т. д. в стране, где никогда не было ни одного человека, пропавшего без вести, подвергнутого пыткам, ни одного убитого журналиста.

Но, говоря о правах, зададимся вопросом: разве блокада, продолжающая 47 лет, которая принесла убытки в 89 миллиардов долларов, которая запрещает покупку медикаментов для кубинских детей, болеющих раком, не является вопиющим нарушением человеческих прав целого народа?

Разве игнорирование позиции 184 стран в Генеральной Ассамблее ООН, отвергающих этот геноцид и разработку новых, ещё более враждебных планов против Кубы с явным экстратерриториальным характером, не является скандальным нарушением международного права?

И мы могли бы добавить: неужели более 600 попыток покушения на Президента, избранного демократичным путём и поддерживаемого подавляющим большинством его народа, не является нарушением всех прав?

Говоря о законах, подчеркнём, что с 1966 года в США существует закон, предоставляющий право любому кубинскому гражданину, который сумеет достичь североамериканской территории, вне зависимости от средств, которые он для этого использовал, остаться на указанной территории, получить гражданство и работу.

Этот убийственный закон распространяется исключительно на кубинских граждан, и ни на одного гражданина другой страны, он преследует цель стимулировать незаконный выезд из страны и искусственно политизировать тему (несмотря на наличие миграционного

Соглашения между двумя странами), что стало причиной гибели многих безвинных людей.

Наши же, мягко говоря, оппоненты, которые сегодня пытаются представить Кубу перед всем миром как нарушительницу человеческих прав, являются как раз теми, кто поддерживает и финансирует военные диктатуры. Можно привести пример Аргентины, имеющей своеобразный исторический рекорд — физического уничтожения 30 000 её лучших сынов.

Однако никогда в Женеве не принимались резолюции против аргентинской диктатуры.

Если говорить о правах, возникает вопрос: какую законную силу может иметь запрещение североамериканским гражданам посещать Кубу — под страхом быть оштрафованными на 250 тысяч долларов и приговорёнными к 10 годам тюрьмы? Такое же наказание применяется к североамериканцам, которые осмелятся приобрести сигары, ром или какой-либо другой кубинский продукт, покупка которых запрещена на территории Соединённых Штатов.

Если речь идёт о правах, то мы вправе поставить также вопрос о нечеловеческом обращении и незаконном, манипулируемом процессе, объектом которого стали 5 молодых кубинцев, обвинённых без каких-либо доказательств в шпионаже и приговорённых к неоправданным суровейшим наказаниям за единственное “преступление” — защищать свой народ и также североамериканский народ от действий террористических групп, подготавливаемых и финансируемых на самой территории Соединённых Штатов, ставших причиной гибели около 4 000 невинных жертв, включая кубинских детей.

Тем не менее, с устранением специального нелегитимного докладчика в Гаване и после создания Совета по правам человека, манипуляции со стороны Соединённых Штатов о предположительном нарушении человеческих прав на Кубе — как оправдание блокады и их агрессивной политики в отношении Острова, потерпели поражение.

Куба недавно подписала два важных международных пакта: об экономических, социальных и культурных правах и о гражданских и политических правах.

— *Как Вы оцениваете попытки установить однополюсный мир?*

— Изменения, вызвавшие распад СССР и развал социалистического содружества, без сомнения, отвечали факторам объективного и субъективного характера, склонившим чашу весов в сторону неожиданной развязки, которую немногие могли предугадать.

Это сложное историческое явление, изменившее соотношение сил в мире, в котором мы живём, и изменившее также сам ход истории, должно стать объектом специальных исследований, в которых нужно углубиться в истинные причины и грядущие последствия для человечества.

Но возвращение к однополюсному миру абсолютно не означает, что прогрессивное мышление, блестящие идеи социализма, запечатлённые в колоссальных философских произведениях, оставленных нам Марксом и Лениным, могут быть исключены и, как утверждают некоторые, выброшены на свалку истории. Именно история возьмёт на себя опровержение этого пресловутого мнения, которое СМИ, служащие империализму, пытаются навязать без реальных возможностей на успех.

Извечные проблемы человечества, занимавшие коммунистическую идеологию, сегодня так же, или даже более, актуальны.

Шумная эйфория, которую вызвало падение Берлинской стены, сопровождаемая уверенностью в том, что 21-й век будет веком триумфального шествия капитализма, панацеей в решении всех мировых проблем, начинает отступать перед действительностью, не имеющей ничего общего с прогрессом.

Объективно наблюдая за ходом событий, невозможно поверить, что серьёзные вызовы, которым сегодня противостоит человечество, могут столкнуться с системой, слепо делающей ставку на рыночные силы, эгоизм и войну. Система, в которой вырастают неудовлетворённые требования социальной справедливости, непрерывного развития, защиты материального и духовного наследия человечества, равного перераспределения богатств. Мир, в котором 500 транснациональных компаний контролируют 80 % производства и мировой торговли, 48 % из которых являются североамериканскими, 30 % принадлежат Европейскому союзу и 10 % — Японии.

Мир, в котором более 1 млрд. людей живут в крайней бедности, миллиард являются неграмотными, 852 миллиона страдают от хронического голода, из них 300 миллионов — дети. Каждые 4 секунды один человек умирает от голода, большинство из них — дети младше 5 лет. Каждый год 11 миллионов детей умирают от голода и излечимых болезней. Каждую секунду умирает один ребёнок из-за нехватки питьевой воды. Мир, в котором, начиная с 2000 года и до сегодняшнего дня, от излечимых болезней умерло больше детей, чем всех жертв Второй мировой войны. Мир, в котором в год тратят миллиард долларов на оружие, а миллиард долларов на коммерческую пропаганду. Этими средствами, выделяемыми на оружие, можно было бы прокормить в течение года 852 миллиона голодающих или снабжать медикаментами в течение 40 лет 38 миллионов больных СПИДом. Сегодня средний доход 20 самых богатых стран в 74 раза выше, чем средний доход 20 самых бедных стран.

Куба уважает свободное самоопределение народов использовать социальную систему, которую считает выгодной для своих интересов и собственной истории. Но именно, исходя из этого права, из своей истории, обстоятельств, определивших её суверенное решение строить социализм, учитывая её особый и успешный опыт, Куба решила неизменно поддерживать и защищать свой политический выбор — при своём полном суверенитете и любой ценой.

В это время, когда усиливаются империалистические провокации против Кубы, новые планы Буша, направленные на разрушение Революции и её достижений, когда существует реальная угроза вооружённой агрессии против Кубы, мы вновь повторяем это неизменное решение народа, который чувствует себя хозяином своей судьбы и не допустит, чтобы на него оказывали давление и запугивали.

— *Какие процессы сегодня наиболее характерны для Латинской Америки?*

— В конце 80-х годов в Латинской Америке произошли интересные процессы, определившие исчезновение военных диктатур, которыми были отмечены предыдущие двадцать лет. Латиноамериканские общества, как и весь мир, с облегчением восприняли падение жестоких

режимов с присущими им репрессиями, пытками, исчезновением — как физическим, так и посредством эмиграции, большей части латиноамериканской интеллигенции. Тогда начался процесс массовой приватизации, использования указаний Международного валютного фонда, и со временем случается то, что происходит в данный момент: неудовлетворённость, высказанная обществами, считающими, что демократия не выполнила своих обещаний.

К 2004 году Латинская Америка семь раз выплатила сумму внешнего долга, который имела два десятилетия назад, и сегодня это одна из самых насущных проблем на континенте, потому что долг, который в 1980 году составлял 157 миллиардов долларов, сегодня увеличился до 830 миллиардов, при том, что в течение этих 20 лет был выплачен 1 биллион 99 миллиардов долларов в виде процентов и амортизации.

В Латинской Америке и Карибском бассейне сегодня проживают 560 миллионов человек, 224 миллиона — бедные, 96 миллионов из них — нищие.

Согласно МОТ, 15 % из 134 миллионов детей, живущих в регионе, приходится работать. Из них половине меньше 14 лет и каждому пятому меньше 11 лет.

Речь идёт не о самом бедном регионе мира, а о самом неравном.

Эти и другие проблемы стали основой народных протестов во имя создания более справедливого общества, лучшего распределения богатств и привели к тому, что народы восстают, чтобы требовать смещения президентов, как было в случае Фухимори в Перу; Санчеса Лосады в Боливии; дэ ла Руа в Аргентине.

В середине 90-х годов возникло движение, известное сегодня как “альтерглобализация”, защищающее идею, что “возможен другой, лучший мир”, перед лицом мира, где неолиберализм продвигает войны и неравенство, где правит глобализация, характеризующаяся тем, что ставит над правительствами некий вид наднационального правительства — Международного валютного фонда, Всемирного банка, ВТО, институтов, которые на самом деле диктуют и определяют.

Таким образом, укрепилась концепция, что “только взаимодействие может нас спасти”, потому что ни одна нация по отдельности не смогла бы противостоять проекту предпринимательской глобализации.

В течение последних лет имели место интересные изменения в позициях некоторых правительств, как в случае Венесуэлы, где набирает силу процесс с глубокими народными корнями, который намеревается противостоять драме бедности, нищеты и неравенства, что не в силах решить капитализм. Лидер Боливарианской революции Уго Чавес, которого Буш считает “дестабилизирующим фактором в регионе”, призвал своих последователей построить “социализм XXI века”.

В последние годы увеличилось количество президентов, которые проявляют “поворот налево” в Латинской Америке, это Луис Игнасио Лула дэ Сильва в Бразилии; Нестор Киршнер в Аргентине и Рикардо Лагос в Чили.

Таким образом, наблюдается качественно новая панорама на континенте, к которой добавляется приход к власти социал-демократа Мартина Торрихоса как президента Панамы, избрание нового президента Уругвая — Табарэ Васкеса, избрание первого президента-индейца в Боливии — Эво Моралеса, победа на выборах чилийской социалистки Мишель Бачелет, Даниэля Ортеги в Никарагуа и Рафаэля Корреа в Эквадоре.

Этот процесс пробуждает интерес не только внутри американского континента, но и за его пределами.

Так, британский ежедневник "The Independent" считает, что всё это показывает исторический провал внешней североамериканской политики по отношению к Латинской Америке и определяет "одержимость Соединённых Штатов против Кубы" как нелогичную и как способ видеть мир через упрощённую призму.

Сейчас речь идёт о том, чтобы эти процессы вывели Латинскую Америку на новый исторический курс, и это как раз и является целью Боливарианской Альтернативы для континента (ALBA), проекта латиноамериканского единства в стремлении противостоять ужасным эффектам, которые для наших стран имела бы Зона Свободной Торговли для Америк (ALCA), продвигаемая Соединёнными Штатами, и которая имела бы роковые последствия для экономики региона.

Куба и Венесуэла продвигаются в своих планах примерного сотрудничества в рамках ALBA в таких важных сферах, как транспорт, коммуникации, финансы, сельское хозяйство, горная промышленность, индустрия туризма, появились новые инициативы по интеграции в разведке нефти, установке подводного кабеля и строительстве нефтехимического комплекса.

Недавно на Кубе состоялся IV съезд Petrocaribe — проекта модели сотрудничества среди развивающихся стран, созданного в июне 2005 года и руководствующегося солидарностью, особым и дифференцируемым отношением к нациям, обладающим недостаточными энергетическими ресурсами.

11 глав государств, присутствовавших на встрече, во главе с Уго Чавесом и Раулем Кастро, приняли заключительный документ, по которому 17 подписавшихся государств будут оплачивать товарами и услугами долги, которые они накопили как получатели поставок нефти из Каракаса.

— *После того как Советский Союз, оказывавший мощную поддержку Кубе, и социалистическое содружество перестали существовать, ваша страна оказалась в очень сложной экономической ситуации...*

— Верно, Кубе тогда фактически пришлось столкнуться со "Второй блокадой". Чтобы выйти из кризиса, пришлось принимать кардинальные меры, направленные на реорганизацию, на достижение большей эффективности, диверсификацию нашей внешней торговли, поиски новых альтернативных рынков.

Сохранять наш политический проект, не отказываясь от того, чего мы достигли в социальной сфере, было самым важным решением, позволившим нам продемонстрировать поразительные показатели в сфере образования, здравоохранения, социальной защиты, культуры, спорта, науки и техники, являющимися выражением политики Революции продолжать улучшать качество жизни народа.

Для этого государство выделяет 11,2 % годового бюджета на здравоохранение и 16,3 % на образование.

Медицинская помощь, начиная с начальной до самой специализированной, является абсолютно бесплатной для всех кубинских граждан.

В стране 72 тысячи медиков и более 150 тысяч человек технического медицинского персонала.

Практически все роды (99, 7%) происходят в центрах с медицинской помощью.

Кампании вакцинации национальной системы здравоохранения защищают всех детей против 13 болезней.

Образование является полностью бесплатным, начиная с начального и до университетского уровня.

85 % семей не платят арендную плату за своё жильё, и электрификация охватывает 95 % национальной территории.

Куба гордится тем, что тысячи её медиков оказывают услуги гуманитарного характера во многих странах третьего мира; что тысячи иностранных стипендиатов обучаются медицине и спорту в наших университетах.

И возникает вопрос: почему так искажается информация о Кубе, почему искажается наша действительность? На это мы можем ответить: потому, что Куба совершает "преступление", будучи другой, не будучи "послушной".

Несмотря на клеветническую кампанию, Куба смогла завоевать уважение и восхищение в мире, вводя в практику другой, более человечный вид глобализации: Глобализацию Солидарности!

— *Проблема энергетической зависимости сегодня является одной из острейших в мире. Актуальна она и для вашей страны.*

— Верно, Куба не находится в стороне от проблемы энергетической зависимости, уже в течение последних лет этой ситуации противостоит национальная программа, больше известная как "Энергетическая Революция". Таким образом, Куба старается найти собственный выход из удушающего мирового кризиса, который переживает этот сектор вследствие неразумных показателей потребления, навязанных самими развитыми экономиками.

Частью глубоких преобразований в этой сфере стала новая схема производства электроэнергии, основанная на установке экономичных батарей электрогенераторных дизельных групп высокого качества и эффективности, которые сегодня производят 1307 мегаватт в 110 муниципалитетах страны.

Также установлено более 3000 маленьких систем этого типа в производственных центрах и учреждениях сферы услуг, способных гарантировать их функционирование в самых тяжёлых условиях.

Осуществляется другая важная программа для восстановления всех сетей электрического распределения, рассчитанная на трёхлетний период, 70 % которой уже выполнено.

Вместе с постепенной заменой электроприборов высокого потребления, выдачей электрических приборов для приготовления пищи и другими действиями, также отдаётся приоритет развитию различных вариантов возобновляемой энергии.

— *Какое развитие получает на Кубе нефтедобывающая отрасль?*

— Речь идёт о сфере, представляющей большой интерес для моей страны, так как мы географически связаны с Мексиканским заливом, считающимся сегодня третьим в мире по неразведанным запасам нефти, третья часть которого находится в собственности Республики Куба.

В сейсмических, геологических и буровых работах используется самая современная техника, в том числе оборудование, способное пробуривать скважины на глубину до семи тысяч метров.

Кстати, Куба покрывает уже 50 % своих потребностей в электричестве за счёт использования сопутствующего газа при добыче нефти, открываются новые перспективы для разведки и добычи нефти в различных зонах, куда уже пришли могущественные консорциумы различных стран, вкладывающие крупные инвестиции в этот важный сектор кубинской экономики.

На Кубе действует закон об инвестициях, по которому можно вкладывать иностранный капитал во все сферы национальной экономики за исключением образования, здравоохранения и обороны, причём 51 % инвестиций должен составлять кубинский капитал и 49 % — иностранный, за исключением случаев, когда в национальных интересах капитал может быть на 100 % иностранный.

Надёжность, которую предлагает Куба исходя из политической и экономической стабильности и серьёзность кубинского государства в выполнении взятых на себя обязательств, способствуют возрастающему интересу к стране со стороны известных зарубежных компаний.

Проявляют к нашей стране интерес и крупные североамериканские компании, однако их намерения вкладывать инвестиции в ту или иную сферу кубинской экономики сталкиваются с препятствиями по причине североамериканской блокады, которая длится уже почти в течение полувека, несмотря на то, что она была осуждена международным сообществом практически единогласно на 16-ти последовательных голосованиях в ООН.

— *Возрастающую актуальность в мире приобретает проблема международного терроризма и борьбы с ним. Кубы, на протяжении длительного времени являющейся объектом постоянных террористических вылазок, это касается самым непосредственным образом.*

— Действительно, в течение четырёх с половиной десятилетий народ Кубы был и остаётся жертвой бесчисленных террористических актов, в подавляющем большинстве спланированных и организованных с территории Соединённых Штатов при поддержке и финансировании сменяющих друг друга правительств этой страны. В результате этих актов кубинский народ заплатил высокую цену в человеческих жизнях — погибло 3478 человек, а 2099 человек стали калеками и инвалидами.

При полной безнаказанности в Майами и других городах США собираются средства для осуществления террористических актов, открыто функционируют банковские счета, финансирующие терроризм, вербуются террористы, которые вооружаются и проходят диверсионную подготовку на территории Соединённых Штатов.

Вместо того чтобы предотвращать и подавлять терроризм против Кубы, американские власти продолжают держать в тюрьмах своей страны Херардо Эрнандеса, Рамона Лабаньино, Фернандо Гонсалеса, Антонио Герреро и Рене Гонсалеса, уже после того как апелляционный суд одиннадцатого округа Атланты отменил им приговоры и распорядился о проведении нового суда, аннулировав прежний вердикт суда Майами. А "преступление" пятерых патриотов заключается в том, что они пытались внедриться в террористические антикубинские сети в Майами, с высоким альтруизмом и храбростью старались получить информацию о террористических группах, размещённых в Майами, чтобы предотвращать их насильственные акты и спасать жизни кубинских и североамериканских граждан.

С его “войной против терроризма” Буш хочет искоренить любую форму террора, но это не мешает ему незаконно заключать в тюрьму тех, кто противостоит терроризму самих Соединённых Штатов, то есть государственному терроризму.

В общем, Буш применяет двойную мораль в его “войне против терроризма”, политику двойных стандартов. Как иначе объяснить то, что, с одной стороны, Соединённые Штаты защищают террористов (например, Луиса Посада Каррилес и Орландо Бошу, на которых лежит ответственность, кроме прочего, за 73 погибших во время теракта на кубинском самолёте), а с другой стороны, лишают свободы пятерых неповинных антитеррористов?

Оказывается очевидным, что Соединённые Штаты не намерены принимать во внимание доклад Объединённых Наций за май 2005 г. относительно этого трагического происшествия. В этом докладе Комиссия по правам человека ООН прямо указывает на нарушение человеческих прав в случае Пятерых и объявляет их арест незаконным.

International Amnesty также несколько раз ставила вопрос перед североамериканским правительством относительно ситуации с Пятерыми. Но Вашингтон продолжает упорствовать в своей жестокости. После потрясших весь мир терактов 11 сентября Буш сказал: “Тот, кто даёт убежище террористу, виновен также как террорист”. Однако на практике получается, что эта политическая риторика не касается самих США, где несправедливо держат в заключении пятерых молодых кубинских патриотов за то, что они защищали свою страну от терроризма, и выпускают на свободу одного из самых известных террористов, тесно связанного с ЦРУ и “соавтора” многочисленных преступных актов против Кубы.

Случай с Пятью Кубинскими Героями в мире относительно неизвестен. А ведь речь идёт о серьёзном нарушении прав человека, где со всей очевидностью выделяется эта грязная политика двойных стандартов.

Куба считает, что международное сообщество несёт большую ответственность в этом деле, будет логично, если оно выступит за освобождение Пятерых, разрушив стену молчания, существующую вокруг этой несправедливости, и потребует, чтобы Луис Посада Каррилес был отдан под суд и ответил за свои преступные действия.

Куба конструктивным образом и в духе сотрудничества будет работать для того, чтобы положить конец двойным стандартам и несправедливой избирательности с политической мотивацией.

— *А теперь хотелось бы услышать о том, как развиваются двусторонние отношения между Кубой и Казахстаном.*

— На отношения Кубы с другими республиками бывшего СССР серьёзно повлиял распад социалистического содружества. Экономические отношения со странами СНГ в настоящий момент находятся в процессе медленного, но устойчивого восстановления, но, без сомнения, речь идёт о качественно новых обстоятельствах, вызванных самими изменениями, произошедшими в этой части света и также на Кубе.

Кубинско-казахстанские отношения претерпевают тот же процесс нового открытия друг друга. Куба была одной из первой стран, признавшей Казахстан как независимое государство, и 16 лет назад стала одной из первых стран, установившей дипломатические отношения с Казахстаном

и открывшей свою дипломатическую миссию. Четыре года назад Куба подняла до Посла уровень своего представительства, которое я имею честь возглавлять.

Куба признательна за поддержку, которую Казахстан традиционно оказывает по проблеме снятия блокады, голосуя за кубинскую резолюцию в ООН. Существует важное сотрудничество обеих стран в международных организациях. Имеется политическая воля обоих государств достичь нового импульса в двусторонних отношениях, и сегодня им способствуют реальные возможности сотрудничества в таких важных сферах, как здравоохранение, биотехнология, фармацевтическая промышленность, туризм, спорт и т. д.

— *Уважаемая Тересита! Вы лично многое делаете для того, чтобы придать двусторонним казахстанско-кубинским отношениям значительный импульс, в том числе и посредством народной дипломатии. Так, по Вашей инициативе и при Вашей энергичной поддержке создано Общество казахстанско-кубинской дружбы в Астане, теперь его филиалы формируются в регионах, проводится немало интересных мероприятий, позволяющих больше узнать о Кубе. Какие конкретные цели вы ставите на ближайшую перспективу?*

— Недавно было подписано торгово-экономическое соглашение между нашими странами, согласно которому была создана совместная комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, что позволит проводить ежегодные заседания для определения сфер, представляющих интерес для обеих сторон. Уже готово к подписанию соглашение в сфере спорта, а также соглашение о сотрудничестве в борьбе против незаконного оборота наркотических средств.

В числе первоочередных задач также налаживание сотрудничества в сфере здравоохранения; обмен важными делегациями высокого уровня; открытие кубинского ресторана, Дома кубинской музыки; открытие памятника Марти в Астане и Абаю в Гаване; посещение Кубы большим количеством туристов; более активное участие в бригадах, организуемых Кубинским институтом дружбы с народами, и конкурсах, проводимых посольством Кубы. Таковы основные цели, которые мы стремимся осуществить в краткосрочном и среднесрочном периоде для большего сближения между нашими странами и народами.

Кстати, туризм — одна из самых многообещающих сфер для развития наших связей. Сегодня Кубу посещают почти 2,5 миллиона туристов со всей планеты, которые наслаждаются её природной красотой, гостеприимством дружелюбного народа, безопасностью, которой характеризуется внутренняя кубинская действительность. Сейчас мы готовимся принять уже 4-5 миллионов туристов в год. У нас нет точных данных о казахстанцах, которые посещают Кубу, но мы надеемся, что этот туристический поток станет возрастать, если будет больше информации о быстро и успешно развивающейся индустрии туризма на Острове Свободы.

В этом направлении мы работаем. Три года назад было подписано важное соглашение между Кубана дэ Авиасион и престижным Агентством представительства воздушных линий САТ. Кроме того, было заключено соглашение между Кубана дэ Авиасион и Air Astana, которое должно стимулировать интерес казахстанских туристов к отдыху на Кубе. Добавлю, что наше посольство открыто для любого сотрудничества в этой сфере и гарантирует визовые услуги с необходимой быстротой.

В данное время мы находимся на этапе подписания договоров, обмена визитами высокого уровня, что позволит уточнить необходимые детали в этом направлении.

В течение последних четырёх лет осуществлены визиты кубинских деятелей политической и экономической сферы, которые отмечают новый момент в кубинско-казахстанских отношениях.

Недавнее открытие дипломатической миссии Казахстана и назначение Временного Поверенного в делах в Гаване, без сомнения, означает значительный шаг для будущего развития этих отношений между двумя странами и народами, которые уважают друг друга и которые связывает долгая история сотрудничества и дружбы, сохраняющаяся и укрепляющаяся, несмотря на расстояния и сложные преобразования, происходящие в мире, в котором мы живём.

— *Как Вы считаете, что есть общего между нашими странами?*

— Между Кубой и Казахстаном есть нечто важное, что нас объединяет: высокая национальная самооценка и патриотизм их граждан. Глубоки и совпадают наши понятия о суверенитете, что позволяет нам, вне зависимости от географического положения, территориальной площади и экономической мощи, действовать на международной арене в качестве суверенных государств, которые пользуются уважением за их мирные и конструктивные позиции.

Также мы совпадаем в таком важном чувстве, как национальное единство.

У нас много общего и в том историческом наказе, который оставили нам наши великие Апостолы Независимости Марти и Абай, вооружившие нас этой этической философией перед течениями, пытающимися навязать нам чуждые ценности для достижения своей окончательной цели: навязать нам своё собственное видение жизни, любви, морали, судьбы, удачи...

Наши народы совпадают именно в этом высоком чувстве дружбы, гостеприимства, человеческой солидарности, убеждённые, что в этом и заключается истинное богатство человечества.

— *Уважаемая Тересита, расскажите, пожалуйста, немного о себе, о том, как сложилась Ваша судьба, как Вы стали дипломатом.*

— Я дочь бедных крестьян, родившихся в Пинар дэль Рио — самой бедной провинции страны, известной как “Золушка Кубы”. Мои родители на себе испытали, как в те прошлые времена рушились их надежды на достойную жизнь. Большой процент кубинского населения страдал от голода и нищеты, сталкивался с очень высокими показателями заболеваемости из-за того, что не располагал минимальными ресурсами для доступа к медицинским услугам. Неграмотность и безработица были другими ужасными бедствиями, с которыми сталкивалось то эксплуатируемое и отверженное большинство.

Нельзя забывать, что в те времена дипломатия была сферой, предназначенной для высших слоёв общества. Привилегированная каста, доступ к которой для простых граждан был очень ограничен.

Победа революции была некой разновидностью теллурического движения, которое сотрясло до самых корней то несправедливое общество, лучшие представители которого намеревались применить на практике идеи Хосе Марти, те самые, что превратились в мечты для шести миллионов кубинцев и были уже основной целью того молодого человека по имени Фидель Кастро Рус.

Именно революционные изменения позволили, чтобы простая кубинка, оставшаяся сиротой без матери с семи лет, получила доступ к образованию, что позже позволило ей, как сотруднице Министерства иностранных дел Республики Куба, добиться огромной ответственности представлять страну в других государствах за рубежом.

Возможности, которые открылись женщине в результате этих глубоких социально-политических изменений, стали определяющими для важной роли, которую выполняет сегодня так называемый “слабый пол” в кубинском обществе и, в частности, в революционной дипломатии.

Достаточно напомнить, что сегодня в 31 государстве мира нашу страну в качестве Чрезвычайных и Полномочных Послов представляют женщины.

Я окончила Кубинский высший институт международных отношений. Работаю в Министерстве иностранных дел с 1970 года. Тот факт, что я последовательно занимала должности различного уровня, по моему мнению, позволил накопить богатый опыт, который позволяет глубже узнать необходимые “секреты” для дипломатической карьеры. Большую часть времени по своей работе я была связана со странами Восточной Европы и Балканами. В течение 7 лет была Временным Поверенным в делах в Болгарии, стране, где в 60-е годы изучала чёрную металлургию. Из Болгарии я курировала отношения Кубы с Албанией и Македонией. С февраля 2004 года являюсь послом Кубы в Казахстане, одновременно послом по совместительству в Кыргызстане и Таджикистане.

Мой супруг рядом со мной, он — консул Кубы в Республике Казахстан. У нас двое детей и трое внуков.

Что больше всего меня впечатлило по моему прибытию в Казахстан — это дружеский приём, который повсюду нам оказывали. Я знала, что Кубу уважают во всём мире, но почувствовать это так близко было очень приятным сюрпризом. В магазине, на рынке, в любом месте, когда нас спрашивали, откуда мы, и когда мы отвечали, что с Кубы, доброжелательная реакция людей была самым лучшим приёмом, который можно оказать кубинцу.

— *Общаясь с нашими гражданами в неофициальной обстановке, на что Вы обращаете внимание, в чём обнаружили сходство?*

— Я думаю, что мы похожи гостеприимством. Как кубинец, так и казахи стараются предложить дружеское, семейное общение гостю. Кубинец очень общительный, очень приветливый, с большим чувством юмора и очень музыкальный. Это же самое чувство гостеприимства, дружеское проявление привязанности к гостю — это то, что я смогла наблюдать со стороны хлебосольных казахских хозяев. А отличаемся мы тем, что кубинцы, как и все латиноамериканцы, экспансивные, более шумные. Климатические условия Кубы позволяют, чтобы большую часть времени или всё время окна и двери были открыты. Громкую музыку можно слышать даже когда идёшь по улицам любого кубинского города. Тишина, спокойные интонации при разговоре было тем, что также привлекло внимание по нашему прибытию, и я думаю, что на всё это напрямую влияют климатические условия. Но также нас впечатлило хорошее настроение и музыкальность казахского народа, в особенности его молодёжи, способность усваивать латиноамериканские ритмы, владеть иностранными языками.

— У Вас огромный стаж и опыт работы на дипломатическом поприще. И наверняка эта профессия требует особых человеческих качеств, определённых способностей, призвания к этому роду деятельности?

— Я не склонна верить в то, что в каждом человеке может быть набор необходимых качеств, которые нужны этой профессии. Как любая другая, она требует, во-первых, склонности, дарования, коммуникабельности, умения общаться на различных уровнях, что, с моей точки зрения, является основным свойством этой работы.

Нужно владеть ораторским искусством. Речь дипломата имеет особенности, которые отличают её от любой другой. Во-первых, когда ты говоришь, ты делаешь это от имени страны, которую представляешь. В этом смысле не может быть оправданий вроде такого, что “это было не то, что я хотел сказать”. Прежде всего, дипломат должен верить в дело, которое он защищает и отстаивает. Не может никого убедить в своей правде тот, кто не уверен в том, что это также и его правда. В случае Кубы это то самое качество, которое не может отсутствовать, потому что основная цель кубинской дипломатии состоит именно в том, чтобы разрушить информационную блокаду, которая в течение десятилетий применяется к кубинской реальности. Отсюда и важность умения убеждать, когда ты выражаешь и защищаешь эту реальность. В моих размышлениях относительно дипломатии однажды я пришла к заключению, что это также вид особого искусства. Мой аргумент был таков: художник и скульптор работают на бумаге, ткани, дереве, металле; музыкант пользуется инструментом, в то время как дипломат должен пользоваться своим искусством общения; должен передать свои мысли доходчиво и убедительно собеседникам, которые тоже обладают способностью думать, анализировать, сопоставлять. Рисунок, скульптура, музыкальная пьеса могут нравиться одним и не нравиться другим. Когда кубинский дипломат аргументирует завоевания народа, блокированного в течение почти 50 лет, он должен приложить усилия, чтобы его сообщение было правдивым и смогло взволновать слушателя, привлечь его на свою сторону. Это искусство дипломатии в целом.

— То есть, всё это предъявляет к дипломату повышенные требования, касающиеся взвешенности и особой ответственности за слова и поступки, полнейшей самоотдачи?

— Да, это действительно довольно требовательная профессия, которая вынуждает каждый раз иметь в виду, что любую вещь, которую ты делаешь, или что говоришь, всегда связывают с твоей страной, которую ты представляешь, и отсюда осторожность и ответственность, которые она подразумевает. Это включает не только то, что ты говоришь и как ты это говоришь, но и твою манеру вести себя, общаться, даже одеваться. В действительности мы отдыхаем от всех этих требований только когда заканчивается рабочий день, и ты можешь позволить себе расслабиться и набраться сил для следующего рабочего дня.

— Наверное, дипломат всегда должен быть собранным, энергичным, благожелательным, ни в коем случае не показывать своего дурного настроения, плохого самочувствия, которое может быть вызвано и такой банальной причиной, как воздействие другого климата.

— Да, климатические условия, несомненно, тоже влияют на душевное состояние. Чтобы быть честной, должна сказать, что очень скучаю по

морю, теплу, кубинскому солнцу. Куба, будучи островом, со всех сторон окружена морем. Лично я живу на гаванском побережье, и мы привыкли к лёгкой одежде, к открытой, спортивной обуви. Должна признаться, что мне трудно было привыкнуть к таким низким температурам и всему, что это влечёт за собой, с точки зрения одежды. Но также правда и то, что человек ко всему привыкает, во всём находишь положительную сторону, и в нашем случае лучшее из всего этого состоит в том, что здесь у нас есть возможность насладиться сменой времён года, чего на Кубе не существует, поскольку там всегда лето. И эта смена имеет для меня особую прелесть. Особенно на меня очень положительно влияют весна и осень, так как они вызывают у меня особые чувства и философские размышления о жизни и её постоянном обновлении.

— *В жизни женщины, даже если она и дипломат высокого ранга, всегда важное место занимает семья. Ведь так?*

— Верно, всегда нужно находить время для семьи. Это такое, чем никогда нельзя пренебрегать. Хотя у нас остаётся не так много времени, но для детей, внуков, потому что я, напомним, бабушка трёх внуков, для спутника жизни обязательно нужно сделать передышку, которая вновь наполняет тебя силами и желанием продолжать работать. В конечном счёте, всё, что мы делаем, мы делаем во имя будущего, счастья твоего народа и твоих самых близких людей, самой близкой для тебя части этого народа. В случае дипломатов существует мало комментируемый фактор — это разлука с семьёй, что действительно болезненно, потому что ты должен лишать себя в течение долгого времени этого прямого контакта с людьми, такими любимыми для тебя. Но всему есть причина и объяснение. И в нашем особом случае, мы утешаемся тем, что судьба наградила нас привилегией представлять чудесный народ, который заслуживает всех возможных жертвоприношений в этом мире.

— *Антуан де Сент-Экзюпери с грустью говорил о роскоши человеческого общения. А высшая стадия этого общения — дружба...*

— Я знаю многих людей, которых искренне ценю и с кем поддерживаю очень тесные связи. Друзей, в особенном значении этого слова, у меня немного. Думаю, что дружба — это нечто большее, чем профессиональная, идеологическая, концептуальная общность. Для меня дружба — это стакан воды, который всегда подан, это понимание, которое передаёт тебе доверие, это упрёк, который позволяет тебе что-то переосмыслить, это открытая дверь, которая даёт тебе уверенность, это улыбка, которая не знает лицемерия.

— *Уважаемая Тересита, Вы очень красивая и обаятельная женщина, всегда излучаете положительную энергию. Наблюдая за Вами, я пришёл к выводу, что Вам, как в целом нашему поколению, присуща романтическая устремлённость, что особенно импонирует в Вас.*

— Да, я романтична по натуре. Думаю, во всём, что мы делаем, есть место для любви, потому что это магическое слово имеет большое содержание, применимое к самым различным граням жизни.

Умение радоваться, видя закат солнца или слушая волшебную мелодию, не препятствует обладать также способностью наслаждаться, реализовывая всё то, чего от тебя требуют профессиональные обязанности, заботы у домашнего очага. Когда вкладывается любовь в то, что ты делаешь, это приятное чувство сводится к тому, что побуждает тебя чувствовать

реализованной. Мы — продукт любви, и ей мы обязаны. Я читаю разную литературу, в которой всегда пытаюсь найти положительное, поучительное для себя. Должна признаться в моей страсти к Хосе Марти, кубинцу, который смог вложить и передать любовь во всё, что сделал и написал. Романтик, главным образом, он был способен в разгар освободительной борьбы, которую сам же поднял и в которой отдал свою жизнь, писать письма, в которых искусно смог соединить чувства к любимой женщине и необходимое жертвоприношение, подразумевавшее достижение независимости не менее любимой Родины.

— Мне известно, что Вы занимаетесь и творчеством. Чему Вы отдаёте предпочтение?

— Оно состоит в том, чтобы писать. Хотя у меня не слишком много времени для этого, я смогла перенести в поэзию и прозу некоторые идеи, когда муза настойчиво стучится в мою дверь. Я начала писать книгу, в которой стремлюсь к тому, чтобы отразить мой жизненный опыт как настоящего свидетеля перемен, которые принесла кубинская революция для меня и кубинского народа. Я хотела бы углубиться в тему истинных причин предположительного провала социализма, исторических последствий вышеупомянутого провала, поразмышлять о будущем курсе человечества, начиная с преобразований, набирающих силу в Латинской Америке и других частях света.

Оставаясь женщиной, из домашних дел предпочитаю кухню. Мне нравится также вносить декоративные изменения в обстановку и сажать живые цветы, которые обновляют атмосферу, делая её более душевной и гостеприимной. Я нерешительна в покупках, мне всегда нужна поддержка подруги. Предпочитаю мужские духи из-за их близости к аромату растений.

Видите, я откровенно рассказала о себе, ничего не утаивая.

— *Уважаемая Тересита, с огромным сожалением мы, ваши казахстанские друзья, узнали о том, что срок Вашего пребывания в Казахстане завершается. Грустно будет расставаться с Вами, Вы нас очаровали. Примите самые сердечные пожелания в дальнейшей плодотворной деятельности на благо мужественного, героического народа Кубы.*

Что Вы скажете в заключение нашей беседы?

— Мне тоже искренне жаль расставаться с вашей замечательной землёй, с её прекрасными людьми.

Хотела бы подчеркнуть, что на Кубе существует чувство восхищения и уважения по отношению к вашей стране. Мы были свидетелями этого взаимного чувства через многочисленные проявления дружбы и восхищения по отношению к Кубе со стороны казахстанского народа.

Мы уверены, что патриотические и независимые убеждения — это те качества, которые отождествляют наши два народа, позволяют нам переплетать историю наших двух стран через их апостолов — Марти и Абая, в поиске новых формул, позволяющих прийти к большему взаимовыгодному сближению.

Свет над судьбой

*... И меняет свой свет тишина
Перед самой грозой,
Если веришь в дожди —
Не поверишь ни в чьи кривотолки,
Если веришь в снега,
То поверишь и в свет над судьбой.*

Это строки из новой книги североказахстанского автора Владимира Щукина «Молния на крыле».

Владимир Щукин. Поэт. Журналист. Педагог. Председатель областного литературного объединения.

Человек, для которого творчество было главным стержнем его жизни.

Читателям Северного Казахстана хорошо знакомы первые книги Владимира Даниловича «На расстоянии руки», «Земные сосуды», «Берёзовый свет откровения». Изданы они были областной типографией в сложные постперестроечные времена, что не могло не сказаться на оформлении книг.

«Молния на крыле» выпущена издательством «Северный Казахстан» в хорошем полиграфическом исполнении, тщательно продуман дизайн.

Книга, которую её автор уже не увидел... Она была издана посмертно на средства родственников.

Произведения, составившие сборник, написаны в основном в последние годы жизни.

Владимир Щукин продолжает разговор с читателями на те темы, которые ему наиболее близки.

Он пытается найти ответы на извечные вопросы бытия, философски осмыслить жизнь.

*Так кто же в этом мире я?
Песчинка?
Копья обломок?
Или свет огня?*

«Молния на крыле» включает в себя семь тематических разделов, каждый из которых несёт определённую смысловую нагрузку.

В разделе «В плену у цветка» использованы народные мотивы. В стихах циклов «Самое заветное», «Эпиграфы и посвящения» автор верен себе: вновь размышления, сомнения, напряжённая работа мысли, поиск и обретение истины:

*Я знал, что истина на склоне лет
сверкнёт мне там, на зов прощальный,
где бой часов и на снегу твой след.*

Поэт осторожно открывает «слов заветный ларец», чтобы сказанное им обнажило душу, мысли и чувства. Он считает, что «как хотелось, жить не удалось», может быть, потому, что «к слову, что цветёт однажды, оборвал я тоненькую нить», и хочет предостеречь от неверного шага. Он предупреждает и наставляет:

*Просить совета будешь у реки,
Не забудь, что святы родники...*

*Не бросай лишь слов на ветер
Там, где мёд и соль земли.*

Миниатюры и стихотворения в прозе включают в себя весь спектр творческих находок, возможность о многом сказать.

В произведениях “Александр Невский”, “Прощание с Родиной”, “Колумб” и других автор делает экскурс в историю, связывая её с современностью — и со своей жизнью:

“Я ещё не спросил у песни, где он, Берег Моей Надежды”.

Многие строки запоминаются афористичностью, неожиданными выводами:

“... есть рассвет судьбы под цвет печали”,

*“И кто-то ночи косы расплетает,
Как девушке во цвете её лет”,*

*“Только б сны, что сбылись,
Разбежались, как речки излучки”,*

*“Иногда жизнь отражается
В улыбке, как в капле воды”.*

Читаю и перечитываю книгу. Вспоминаю вечера, которые Владимир Данилович почти каждый год проводил в областной библиотеке им. С. Муканова. Там собирались его друзья, студенты — будущие журналисты, учителя, поклонники его творчества. Выступления поэта всегда были эмоциональны, стихи он читал наизусть, находил контакт с любой аудиторией. Он торопился высказаться — как будто бы боялся не успеть донести до слушателя то, о чём болит душа.

*Ни с того ни с сего
Полонит душу смута,
Будто даром пройдохе отдал я коня
Или сел добровольно в темницу под утро...*

Полки книжного шкафа в его квартире были заполнены различными изданиями, в том числе и местных авторов. Василий Манзя, Валерий Любушин, Альфред Пряников, Марат Кинеев, Валентина Суслова и другие вручали Владимиру Даниловичу книги с автографами — со словами признательности и уважения. Собрату по перу дарили книги от души, на долгую и добрую память, желали творческого вдохновения.

Как председатель ЛИТО Щукин помогал многим. Являлся он и редактором моего скромного труда — маленькой книжки “За кромкой мечты”.

Уходят из жизни поэты. Оставляют на память свои строки, выстраданные ночами, выношенные в муках, строки, над которыми хочется думать, грустить и радоваться.

*Мне бы слушать
Весенней капли созвучья,
В чём был прав и не прав,
Вспоминать до утра.
Может, тайна судьбы где-то
Прячется в случай
И в те искры огня,
Что летят от костра.*

Ирина МАТВЕЕВА,
научный сотрудник Северо-Казакстанского
областного музейного объединения .

г. Петропавловск.

Владимир ЩУКИН

“Хорошо бы всё начать сначала...”

***

Где же эта черта,
За которой всё так и не так?
Может, там, где пустяк
Чью-то мудрость носил на руках.

Где же берег, с которого
Чудо немного виднее?
Может, там, где у чуда
Есть море чуть-чуть голубее.

А чего ж нам порой
Не хватает, чтоб верить всерьёз?
Может быть, только слёз,
Что понять невозможно без слёз.

Ну а что за цена у тех слов,
Что без слов понимают?
Может, тот её знает,
Кто знает, как мало он знает.

В чём же суть, что тревога
Порою нас лечит?
Может, в том, что порой
От себя защититься нам нечем.

2007

***

Мы, случается, верим
И в то, чего нет,
Что-то ищем мы там,
Где сияет рассвет,
В суете, трижды проклятой
Вдруг перед сном,
В бормотанье ручья
И в тоске о былом,
А рассвет верит только
Огням золотым,
Суета — лишь тому,
Что проходит как дым,
А ручей верит в шорох
Подводных камней,

Ну а сон верит в сны
И в причуды детей.
... Может, машет рукою
Нам кто-то вослед,
Потому что мы верим
И в то, чего нет.

2006

***

Я стараюсь понять
Всё, что кажется мелким
Там, где слава чужая
Слепит нам глаза,
Где, быть может, скорей
Вместе сходятся стрелки
На часах у судьбы,
Если грянет гроза,

Я стараюсь забыть
Всё, что старило душу,
Там, где жил с ней не в лад я,
Не зная, в чём суть,
Где, чем меньше ты веришь
В причуды — тем хуже,
Ведь причуды — от чуда,
Хотя бы чуть-чуть,

Я старался сберечь
Всё, что мне вдруг открылось
Там, где речь отступает
В блеске своём,
Где греховные мысли
Сдаются на милость
Чистоты родника
И огня за окном.

2006

***

Так бывает порой —
Будто всё потерял, что берёг,
Чья-то тень над душой,
И забыл всё, что знал назубок,
Ты не всё потерял,
Если так же тревожит листва,
Если сделал привал
Там, где пахнет полынью трава,
Нет, не стал ты бедней,
Если греет порой и пустяк,
Если вновь у детей,
Как и прежде, всё так и не так,
Ты не всё потерял,

Если песню поют за столом,
Лишь бы ты подпевал,
Ну а всё остальное — потом.
2006

***

Мне бы знать,
Из какого далёкого края
Прилетают ветра
В облаках новостей,
Но всегда одной новости
Нам не хватает,
В ней, наверное, что-то
От первых дождей.

Мне бы верить в приметы,
Которые светят,
И, светясь, понимаем мы
Что-то без слов,
И я часто всё жду:
Вдруг откроются двери,
Кто-то в путь позовёт,
А я в путь не готов.

Мне бы слушать
Весенней капли созвучье,
В чём был прав и не прав
Вспоминать до утра,
Может, тайна судьбы где-то
Прячется в случай
И в те искры огня,
Что летят от костра.
2004

***

Что-то грустное вновь
Мне диктуют недуги,
Хорошо, что ещё,
Отступая порой,
Может, где-то в ночи
Ангел взял на поруки
Чью-то душу, чья власть
Велика надо мной.

Не сказал, что хотел,
Разуверился в чём-то
И поверил опять,
Став мудрее на миг,
Может, где-то гроза
От земли ждёт отчета
В том, чего до конца
Я ещё не постиг.

Слушать звон родниковый
И жить-не тужить бы,
Но, как прежде, надеюсь
На всякий пустяк,
Может, встретились где-то
Мои все ошибки,
Только прыгнуть с моста
Не решиться никак.

2004

***

Может, сон голубой
Одинокое стоящей рябины
Разгадает другая,
Отражаясь в пруду,
Ну а третьей пора бы уж
Справить свои именины
И тугими ветвями
Отвести прочь беду,

На опушке лесной
Тень орла задрожала устало,
Может быть, птичий царь
Вечность с мигом сравнил,
Может, памятник где-то
Вдруг сошёл с пьедестала,
Чтоб, встряхнувшись,
Набраться в лесу новых сил.

2004

***

Не забыть, что у леса и поля
Зеленеть — дар от Бога,
У высокого берега речки
Высоту взять в пример,
В перекрёстках тревог
В омут бросится чья-то дорога,
И дорожке чуть-чуть
Станет то, что хранить не умел,

Не забыть, что и пчёлы, конечно,
Достойны сравнения
С муравьями по хитрой
И мудрой своей суете,
Перед ликом зари
Кто-то вновь упадёт на колени,
Будто перед иконой,
В священной своей простоте.

Не забыть, что с оврагами
Ветер снова в размолвке
И меняет свой цвет тишина
Перед самой грозой,

Если веришь в дожди —
Не поверишь ни в чьи кривотолки,
Если веришь в снега,
То поверишь и в свет над судьбой.
2004

***

Мимо счастья чужого
Пройдёшь и вздохнёшь,
И всё медлишь с ответами,
В споры вступая,
Может быть, у подножья горы
Вдруг поймёшь,
Что тебе лишь вершины горы
Не хватает,

У костра чуть кивнёшь
Головой чудаку,
Что тебе доказать
Что-то хочет упрямо,
И поймёшь, что ещё
У себя ты в долгу,
Отдавая свой взнос
На строительство храма,

Заглядишься на
Шумный прибой
И припомнишь прощанья
Слова у вокзала,
И поймёшь, что ты верил
Лишь песне одной
Там, где будто под песню
Трава вырастала.

2004

Наставления

Просить совета будешь у реки —
Не забудь, что святы родники,

Давать кому-то будешь ты совет —
Не забудь, что в слове — тайный свет,

Просить совета будешь у костра —
Не забудь: огню вода — сестра,

Давать совет кому-то будешь сам —
Не забудь: грех молится грехам,

Просить совета будешь у судьбы —
Не забудь: идёшь не по грибы,

Совет кому-то будешь ты давать —
Не забудь: всегда права лишь мать.

2006

Одиночество

Одиночество —
Как имя без отчества,
Как вечерний вокзал без огней,
Как огонь, что в золе догорает,
Как зола из недобрых вестей,
Ну а добрая чуть повздыхает
И уйдёт, постояв у дверей...
2006

***

Если хочешь — удивись,
А не хочешь — поднимись
На ступеньку к лету ближе,
Что чуть-чуть спрямило путь,
Там, где полдень сладко дышит,
Пахнет полем и Парижем,
Ну не так чтоб, а чуть-чуть,

Если хочешь — улыбнись,
А не хочешь, то приснись
Самому себе под вечер,
Ветру, что шумит в кустах,
Той игре, где чёт иль нечет,
И печали, что нас лечит,
И греху, что весь в цветах,

Если хочешь — заблудись,
А не хочешь — оглянись
На костры, что ярко светят
По-цыгански там вдали,
И на сны, что видят дети,
Не бросай лишь слов на ветер
Там, где мёд и соль земли.
2004

***

Что из того,
что руки пахнут глиной
у старости,
у юности — дождём,
вновь дух весны
над стаей журавлиной
и спит в могиле витязь
вечным сном...
Когда-то он
на честном поединке
сломал копьё
и вдруг упал с коня.
Так кто же в этом мире я?
Песчинка?
Копья обломок?
Или свет огня?

2004

***

День за днём
жизнь к Богу меня приближает...
— Ты немало прожил,
так чему ж Бог тебя научил? —
голос ангела вдруг у меня вопрошает.
Я отвечаю ему:
— Пусть в последний мой час,
среди вздохов последних и фраз,
засверкает костёр, как заря,
на другом берегу,
а потом уж на этом, где я.
Я ещё улыбнусь.
Если только смогу...

2006

***

Говорят, у радости всегда
родниковой свежести вода,
доброта огни свои зажгла,
чтоб она ещё светлей была,
созывает мудрость на совет
поражений сеть и сеть побед,
пламенеет мужество от гроз,
слепнут страхи от сиянья звёзд.
Ну а верность в тайне сохранила
тот цветок, что нежность обронила.

2007

***

Хорошо бы всё начать сначала
там, где нам кукушка куковала,
где семь зорь у одного рассвета,
где семь песен о заре у ветра,
где на лжи споткнулась чья-то ложь,
и где в ливень превратился дождь,
хорошо б сначала всё начать
там, где пятью пять — не двадцать пять,
где у слова ветки зелены
и где слава веткой у весны,
где душой светлея поутру,
верят в жизнь, как в детскую игру.

2007

Владислав ВЛАДИМИРОВ

Три лиры генерала Перовского

Курмангазы * Даль * Пушкин

*Полемические эскизы**Светлой памяти дочери моей Машеньки.*

В. В. В.

I. Среди шумного бала. Случайно?

Теперь уже вряд ли кто (с календарной точностью) скажет, когда и как впервые встретились они, чтобы на всю оставшуюся жизнь крепко запомниться один другому — великий кюйши, бунтарь и народный заступник Курмангазы Сагырбаев (1823—1879) и самый значительный устроитель Оренбургского края, его губернатор и военачальник, сначала пылкий полудекабрист, а потом монархист неколебимый — Василий Алексеевич Перовский (1794—1857).

Я тут намеренно не говорю *друг другу* — друзьями они никогда не были, да и вряд ли могли бы стать. Как никогда генерал-адъютант Свиты Его Императорского Величества Перовский не был и не мог стать *другом* своему *подчинённому*, бывшему скандальному флотскому (лейтенанту), отважному сухопутному воителю, удачливому эскулапу (хирургу и офтальмологу) Владимиру Ивановичу Далю.

И тем более никогда не был Перовский другом — *титულлярному советнику* Александру Сергеевичу Пушкину (хотя и звались они на *ты*), как был Перовскому пожизненным другом его тёзка, давний *царедворец*, воспитатель старшего сына Государя Николая Павловича (будущего Императора Александра Второго) и учитель русского языка его невесты поэт Василий Андреевич Жуковский (1783—1852).

Кареглазый и смуглый красавец Жуковский, незаконнорождённый сын тульского помещика Бунина и отданной ему в подарок пленной *турчанки* Сальхи из гарема паши (ставшей после православного крещения Елисаветой *Турчаниновой*), в годах намного старших (12 лет — разница в возрасте!), повелевал душой Перовского уже с самого отрочества, когда тот — молоко на губах ещё не обсохло, а уже состоял в свите Государя *колоновожатым* (1811). А потом Жуковский, жуир и хват отменный, что скромно замалчивается его советскими толкователями, став закадычным другом-соперником Перовского, великодушно уступил бы ему не одну прелестную придворную даму, да война с Наполеоном помешала. На ней поручик Жуковский ("Хочу окурить свою лиру порохом!" — картинно заявил он поэту Вяземскому) оказался вместе со своим слугою-калмыком Андреем в Первом пехотном полку Московского ополчения (так и проторчав в резерве при сдаче Кутузовым Москвы французам), а юный участник Бородинской битвы, раненный в ней Перовский прямоком угодил в плен к супостатам.

Правда, иные авторы (из тех, кто ещё смог застать Жуковского и Перовского живыми) полагают началом их **“трогательной дружбы”** первые месяцы после победной Отечественной войны 1812 года.

Именно так считает (считал) действительный член Оренбургской учёной архивной комиссии, священник Николай Николаевич Модестов, опубликовавший в XXVII-м выпуске трудов этой комиссии старательно составленный им исторический очерк “Владимир Иванович Даль в Оренбурге” (с. 12).

Уж какими судьбами этот раритет попал с 1913 года из оренбургской типографии Тургайского областного правления даже в обычный фонд, а не в Фонд редких книг и рукописей Национальной библиотеки Республики Казахстан, не ведаю, но, право, дела это ничуть не меняет.

Хотя уже нам современные, предельно невежественные, но сексуально озабоченные, измышленцы, оглядываясь на всякую **“трогательную дружбу”** эпохи Жуковского и Пушкина и наверняка на самих же себя, готовы видеть во всём **голубую** подкладку. Я уже как-то говорил об этом, но скажу ещё раз: то ли с упоением, то ли с завистью, ничем не смущаясь, пишут (и печатают): “Что представлял собой литературный кружок “Арзамас”, образованный в 1815 году бывшими лицеистами? Да не что иное, как разудалое сборище **голубых**, группировавшихся вокруг Александра Сергеевича! Одни имена чего стоят! Ф. Ф. Вигель, С. С. Уваров (любовное прозвище “Старушка”), Д. Н. Блудов (“Кассандра”), В. А. Жуковский (“Светлана”), П. А. Вяземский”.

Вот оно как — хочешь стой, а хочешь — падай; хочешь верь, а хочешь — нет.

См.: Александр Бояров. Самоубийство вместо дуэли. Голубой след в деле о смерти Пушкина. “Мир криминала”, Санкт-Петербург, 2001, № 1, с. 13.

Кто такой сам Бояров, автор этой псевдосенсационной **поливыв**, мне неведомо. Но судя по его развесистой **клюкве**, ни имён, ни литературы, ни истории литературы, он толком не знает. Про имена Бояров говорит, но ставит лишь инициалы.

Так вот, к примеру, племянника великого поэта Гаврилы Романовича Державина (1743—1816) Блудова звали Дмитрием Николаевичем. Один из учредителей “Арзамаса”, как петербургского литературного кружка, выступавшего против эпигонов классицизма, засевших в возглавляемом тогдашним президентом Петербургской академии наук, поборником высокого гражданского стиля адмиралом Александром Семёновичем Шишковым (1754—1841) столичном литературном обществе “Беседа любителей русского слова”, Блудов был на 14 лет старше Пушкина и намного пережил его.

Блудов достиг самых высоких научных и державных постов Государства Российского — **президентства** в Петербургской академии наук, **председательства** в Государственном совете и в Кабинете министров. Скончался почти 80-ти лет от роду — в 1864 году. Его ровесник граф Сергей Семёнович Уваров, бессменный, после Шишкова — с 1818 года — **президент** Петербургской академии наук и с 1833 по 1849 год (16 лет кряду!) **Министр Народного Образования** (вот так уважительно писали с заглавных букв), творец знаменитой триады “Православие, Самодержавие, Народность”, почил в бозе девятью годами раньше Блудова — в 1855-м.

А тремя годами раньше ушёл из жизни Василий Андреевич Жуковский.

Ближе всех из арзамасцев геронтологически оказался к XX веку князь Пётр Андреевич Вяземский. Поэт и литературный критик, **академик** Петербургской академии наук, он покинул этот бранный мир 86-ти лет — в 1878 году. Все они, дружно записанные постоктябрьской историографией литературы по графе убеждённых консерваторов (а Уваров — так в ярые реакционеры) были старше и осмотрительнее Пушкина и в “Арзамасе” уж никак не могли “группироваться” вокруг Александра Сергеевича.

Но все они после кончины Пушкина (во многом её и приблизившего в силу и слабость своего бурного африканского характера) в самом буквальном смысле из года в год активно использовали своё высочайшее служебное положение и безоговорочное доверие российских государей для того, чтобы не дать угаснуть “солнцу русской поэзии” — так Жуковский назвал Пушкина в чёрный день кончины Александра Сергеевича. Каждый из них, экс-арзамасцев, по отдельности и все они вместе планомерно и целенаправленно создавали в неоглядной России высокий поэтический культ Пушкина.

Пока Перовский был жив, он, независимо от них, по мере своих сил и возможностей тоже способствовал упрочению этого культа, чему начало положил, конечно же, всеохватный Жуковский.

И Даля-то, всё ещё **не надружившись** с Перовским, 45-летний Жуковский из своего виду не упустил: познакомился с ним (25-летним) в Дерпте (Юрьеве, Тарту), когда тот (с 20 января 1826 года) стремительно одолевал там после своих флотских приключений (о них сказ впереди) университетский курс медицинских наук и практик.

С дивной простотой уведомляет нас об этом один из самых знающих советских биографов Даля: “Несмотря на разницу лет, Жуковский **подружился** с Далем, обнаружив в нём литературный дар и возвышенную мечтательность”.

См.: Владимир Порудоминский. Даль. Серия ЖЗЛ — “Жизнь Замечательных Людей”. “Молодая гвардия”, Москва, 1971, с. 73.

Брал же на абордаж (штурмовал) **флотский** Даль свой медицинский курс неким скоростным способом: сейчас редкого эскулапа (разве что стоматолога) готовят меньше шести лет, а Даль уже на третьем году оказался с дипломом в кармане и парой серебряных медалей за успехи в учёбе (в 1829-м) на Русско-турецкой войне в ординаторах военных госпиталей Адрианополя, Ясс, Умани, Каменец-Подольского.

Наградами тут ему стали орден святой Анны 3-й степени и серебряная медаль на Георгиевской ленте. Но отнюдь не за компрессы, ампутации, перевязки и клистиры, а за сугубо ратные отличия. При взятии болгарского города Сливно он вскочил на коня, вырвался из обоза и лихо поскакал в бой вместе с передовым отрядом, уверенный в том, что не возьмёт его ни турецкий ятаган, ни турецкая пуля.

В 1831 году Даль умирал восставших поляков, тоже свершая при этом богатырские подвиги, далёкие от медицины. Самый громкий из них: навёл без какой-либо помощи инженерных служб (их попросту там не было) два моста для переправы русских войск через широкую, полноводную Вислу, да настолько прочных, что, как докладывали самому Государю, “артиллерия и тяжести без всякого опасения переходили

онье”, а потом сам же и защищал один из этих мостов, затем и рушил, чтобы врагу не достался. Был за это отмечен. Своим непосредственным начальством — строгим выговором (или даже арестом) за то, что не выполнял обязанностей лекаря. А будто бы самим Государем — Владимирским крестом с бантом (то есть орденом святого Владимира 4-го класса, причём из-за оплошностей при оформлении награды — дважды.

См.: Н. Модестов. Владимир Иванович Даль в Оренбурге... с. 12, 19.

Жуковский с Перовским смолоду обожали покровительствовать. Кстати (и это уже не придумки), и придворное звание **камер-юнкера** Государь Пушкину пожаловал, несомненно, с их подачи — уже после знаменательной поездки поэта в Нижний Новгород, Чебоксары, Казань, Симбирск, Оренбург и (с Далем) Уральск, в основном за сбором материалов по кровавой Пугачёвщине и в интересах более плотного знакомства с воспетыми всесильным Державиным краями несравненной Фелицы — волшебной феи и царицы всея Киргиз-Кайсацкой Орды.

1 октября (и вовсе не 1 ноября, — как утверждают наши знатоки Пушкина. — **В. В.**) 1833 года Пушкин вернулся к себе в Болдино.

“Государь позволил мне печатать Пугачёва: мне возвращена моя рукопись с его замечаниями (очень дельными)”, — уже **камер-юнкером** отметил А. С. в своём дневнике 28 февраля 1834 года, а спустя полмесяца Государь благодетельно **отстегнул** ему на издание “Истории Пугачёвского бунта” 20 000 рублей.

Ну а **камер-юнкерства** Государь его удостоил ещё раньше 31 декабря 1833 года. Этим милостивым жестом он крепко обидел А. С., однако и обрадовал тоже: пусть было унижительно для поэта самое низшее придворное звание, но оно всё-таки облегчало ему (вместе с женой) доступ к Двору. А Государю Императору (все мы люди, все мы человеки) упрощало — **доступ** к ней, с намерениями чисто мужскими, осуществлёнными или же оставшимися втуне, один Господь Бог точно ведаёт.

В любом случае 20 000 рублей для полновластного Хозяина огромной Империи — не ахти какая великая сумма. Но по ней можно судить: всё-таки дорогущим занятием оборачивалось тогда издание книг — тираж Пушкинской “Пугачёвщины” не превышал 3-х тысяч экземпляров. Каждый обходился примерно в 6 целковых и 66 копеек. Но тираж ещё следовало успешно продать. Однако барыша (на него рассчитывал тонувший в финансовых долгах Пушкин), увы, не случилось: дворянская, разночинная и прочая петербургская публика встретила книгу более чем прохладно.

Но как бы то ни было, Курмангазы и Перовский свиделись. И не в губернаторской канцелярии или ещё где-нибудь в **казённом** месте, а на роскошном балу, устроенном Перовским на свои кровные средства (из державной казны за всю свою жизнь он и полушки не увёл).

Даль при этом свидании мог быть.

А мог и не быть.

Пушкина на этой встрече никто так и не заприметил.

То ли А. С. ещё не доехал на перекладных до будущей **второй** столицы Казахстана.

(**Историческая справка:** таковой Оренбург стал с 26 августа 1920 года согласно подписанному Калинин и Лениным декрету о создании Киргизской (Казахской) Советской Автономной социалистической республики в составе

РСФСР и пребывал в этом столичном статусе вплоть до 1925 года, когда столицей республики до 1929 года стала Кызыл-Орда — знамение-то какое: в прошлом едва ли не самая злая кокандская крепость Ак-Мечеть, взятая войском Перовского 28 июля 1853 года после 26-суточной осады (с 1929 года новой столицей Казахской АССР стала Алма-Ата, уже переименованной в Алматы, уступившая свою **первопрестольность** Акмоле-Астане в 1997 году).

Первой же столицей северо-востока Казахстана 35 лет кряду (с 1882 по 1917 год) фактически был Омск — как административный центр Степного края, объединявшего громадные территории Акмолинской, Семипалатинской — до 1898 года — Семиреченской областей).

То ли уже отбыл благополучно Пушкин из владений Перовского поутру 20 сентября 1836 года и потом расстался с Далем в Уральске.

На то, что Пушкин мог ассистировать встречу Перовского с Курмангазы, никаких документальных свидетельств пока нет. Однако при большом желании, конечно, и они, такие свидетельства, могут счастливо обнаружиться. Я же и так и сяк вертел чудом оказавшиеся в нашей Национальной библиотеке (в далёком прошлом имени графа Толстого, а в сравнительно недалёком — имени Пушкина) комплекты основанных Перовским “Оренбургских губернских ведомостей”, пристально осмотрел самые дальние закоулки многих других раритетов той поры в надежде отыскать там хотя бы маломальские подробности о пребывании Пушкина близ Перовского и Даля.

Но — увы и ах — “Ведомости” и раритеты в том ничуть мне не помогли. А тут ещё, как назло, подоспели **точно** установленные наукой данные о том, что Курмангазы родился вовсе не в 1806 или 1809 году, как считалось раньше, и даже не в 1818-м, как тоже считалось, а за пару лет до восстания декабристов — в 1823-м году.

Если это так, то, стало быть, никакой речи быть не может о встрече Пушкина с Курмангазы на балу у Перовского. Ибо для такой встречи Курмангазы тогда ещё попросту не дорос: в 1836-м ему было не более тринадцати лет.

Именно после столь ясного вывода у моего доброго и давнего знакомого из мира классической живописи (фамилию опускаю), очень ждавшего и жаждавшего успехов моих поисков, окончательно рухнул его гениальный замысел исторической панорамы (для Национальной галереи искусств имени Кастеева, а может, и для Дворца Мира и Согласия в Астане), коим давно горел этот всамделишный мастер кисти — создать картину под дивным титулом “Курмангазы, Даль и Пушкин на балу у генерала Перовского”.

А то ведь уже наполовину и даже больше мой живописец уже вжился в своё (а на осьмушку и моё), но, правда, пока ещё не сотворённое полотно. Также своим человеком стал в приличных библиотеках. Научился ориентироваться в архивных залежах. Монбланы старой литературы перечитал. Истоптал паркеты наших и не-наших музеев. Все схожие с его замыслом картины классиков изучил досконально. Не единожды смотрел все спектакли, где (как, например, во втором действии оперы Ахмета и Газизы Жубановых “Курмангазы”) даются красочные картины роскошных великосветских балов.

А сколько он в предвкушении собственного, а не заёмного решения сюжета, эскизов и набросков изготавил!

Закрываю глаза и вижу: вот распрекрасная **зала** в главной губернаторской резиденции Перовского в Оренбурге, пожалуй, ничем не хуже

любой Санкт-Петербургской, московской, парижской или венской — с хорами для музыкантов. Естественно, **крепостных** музыкантов — скрипачей и альтистов, флейтистов, игроков на контрабасах, тромбонах и цугтромбонах, барабанщиков.

Крепостного **права** тогда в Российской Империи ещё никто не отменял. Об этом и вообще о том, что такое **право** на полное **бесправие** не только существовало, но и безраздельно владычило на святой Руси и определяло всё её государственное существо и все её промахи, трагедии, беды и варварства, мы начисто забываем, как и про многие другие социально-политические **прелести** эпохи Перовского и его современников.

А вот и сами тщательно прорисованные фигуры этих скрипачей и альтистов, флейтистов и так далее, с блеском готовых по неприметному знаку Перовского сыграть **кого** угодно: Баха и его (четырёх) сыновей, Моцарта, Шуберта и **что** угодно — менуэт, полонез, кадрили, мазурку, вальс, польку, падепатинер, падекатр.

А как мой добрый знакомец-художник перемучился с эскизами мундиров военных и гражданских чиновников Николаевской эпохи, с набросками грациозно-чопорных нарядов дам, их чудных причёсок и обольстительных декольте! Наконец-то он, **белобилетник**, то есть человек окончательно и бесповоротно непригодный к воинской планиде, полностью тогда и уяснил для себя истину, недоступную людям штатским, а именно: у настоящих военных — не по призыву и мобилизации, а у военных по душе и долгу мундир да ещё с наградами — это свидетельство боевой доблести, чести, воинского товарищества. И у гражданских всякая орденская лента на мундире или вицмундире, фраке или сюртуке тоже вопиет, знача (обозначая) вовсе не что-то красивое и бросающееся, но неопределённое, а самое конкретное в заслугах её кавалера.

А дамские наряды? Это же ничем и никем не истребимая страсть и великое искусство самой прелестной половины рода человеческого ещё раз затвердить своё вековечное господство над худшей половиной.

Но и тут и там живописцу ни на дюйм, ни на вершок нельзя ошибиться — ни в нарядах, ни в эполетах, ни в аксельбантах, ни в галунах, ни в обшлагах. Иначе диссонанс с этой эпохой и самим замыслом, как гвоздём по стеклу, как чернильная клякса на похвальный лист.

А неподалёку от танцующих у высоких колонн и зеркал во все стены под ослепительно сияющими люстрами представляю на его грандиозной, но пока не написанной картине где-то сбоку сосредоточенных и тоже по-своему радостно расфранченных музыкантов, за приоткрытой бархатной гладью тяжёлых портьер аккуратные столы для виста, бостона, преферанса или ещё какой желанной карточной (картёжной) игры; вроде бы даже явственно слышу сорочий треск заново вскрываемых колод и шёлковый шелест тасуемых карт, отрывистый возглас громким шёпотом: **ва-банк!** и тонкий позвяк золотых червонцев; а рядом, за вышколенными лакеями с окаменевшими лицами, угадывается незримый буфет с морем серебристого французского или же янтарно-золотого крымского, а то и густо-алого кубанского шампанского.

А вот и отдельный рисунок загородного дома Перовского — тоже обитель вполне пристойная для генерал-адъютанта Свиты Его Императорского Величества и по придворной молодости первого **друга** Государыни...

А ведь ещё была у Перовского (об этом тоже есть у священника-архивиста Модестова) и так называемая на сугубо казахский манер **кочёвка**. Это в 60-ти верстах от Оренбурга — как счастливое спасение от палящего солнца и летней жары, от несносной городской духоты. Там он тоже, бывало, принимал заезжих гостей.

Причём нередко очень высокого звания и мировой славы. Среди его гостей Модестов числит, например, знаменитого немецкого естествоиспытателя, географа и путешественника, исходившего гигантские пространства Евразии, Центральной и Южной Америки Александра Фридриха Вильгельма фон Гумбольдта.

Это его именем названы горы в Центральной Азии, Австралии, Новой Зеландии, озеро и река в США, ледник в Гренландии, холодное течение у берегов Перу, несколько растений, минерал **гумбольдит**, кратер на Луне. В честь его — почётного члена Петербургской академии наук и любимца Государя — Перовский тоже немало расстарался. Высевший в своих дальних научных странствиях до цвета матового серебра Гумбольдт, он на целый год и ещё на четверть века был старше Перовского, но вкуса ко всем истинным радостям жизни ничуть не потерял. С удовольствием кратко бездельничал, в меру пировал и не очень жадно охотился.

Всё это было бы ничего и даже очень здорово, но вот какая нестыковка накатывает: Гумбольдт со своей научной компанией не спеша пересекал Россию через Оренбург и Средний Урал на Алтай до китайской границы, а на обратном пути обследовал Арал с Каспием в 1829 году, тогда как Перовского в Оренбург Государь определил в 1833-м.

Однако, если старательный Модестов (к тому же ещё и сам оренбуржец) крепко промахнулся (ошибся) в отношении Гумбольдта, то кто скажет мне точно, что там, на своей **кочёвке**, Перовский не устраивал для других самых дорогих гостей не только званых чаепитий, обедов и ужинов, но также балов, музыкальных и прочих представлений?

Вот в том-то и дело, что никто не скажет.

Ибо эта **кочёвка** отнюдь тоже не была подобием убогой избушки на курьих ножках.

Короче, в мыслях художника (и моих тоже) полотно под дивным титлом “Курмангазы, Даль и Пушкин на балу у генерала Перовского” было не какой-то там проходной конъюнктурной картиной, а чётко виделось этапным явлением в мире нашей сюжетно-зрительной живописи.

Ну вроде как очень многим ведомый “Военный совет в Филях в 1812 году” и поныне мало кому известного художника конца XIX века по фамилии Кившенко (1851—1895). Но только намного лучше, бодрее, счастливей и светозарнее, что ли. Ибо там, у Кившенко, **война**, а у нас на картине — **мир**. У Кившенко в “Совете” нет ни музыкантов, ни буфета, ни лакеев, а одни только встревоженные дьявольским нашествием Наполеона русские полководцы — их девять или десять. Все они в золотых эполетах и орденских лентах за большим деревянным столом в тесной сельской избе под иконою и лубками перед сидящим в походном кресле Кутузовым-Голенищевым, да малая крестьянская девочка на печи, не по-детски внимающая жесту и слову главного нашего воителя, и серый кот под лавкой, тоже вместе со всеми очень обеспокоенный.

И всё же, когда я вспоминаю об этой великолепной картине, исполненной художником Кившенко в 1882 году, спустя 70 лет после Бородино,

то мысленно вижу за бревенчатыми стенами этой большой избы где-то не так уж и далеко от неё боевые порядки резервного Первого пехотного полка Московского ополчения, а в них поручика Жуковского, страстно возжелавшего **“окурить свою лиру порохом”**, и юного участника Бородинской битвы Перовского тоже явственно вижу — ещё до великого сражения, целым и невредимым, в плен вражеский пока не взятым.

И сказанные в 1812 году слова Кутузова слышу:

“Сдача Москвы не есть сдача Отечества!”.

И опять про близкий к анекдотическому энциклопедический разнобой в оценках этой битвы думаю. Почему так? У **гражданских** энциклопедистов Кутузов одерживает викторию над Наполеоном силами армии в 132 тысячи человек (или около того) при 624 орудиях, а у **военных** историков — силами в 120 тысяч человек при 640 орудиях.

Разница есть и — немалая.

В данных о потерях опять всё криво: наши **гражданские** историки определяют урон наполеоновских войск в 58 тысяч человек и даже выше того (по французским данным, 30 тысяч человек), в том числе 47 генералов; **военные** же историки называют только 50 тысяч человек.

Мощь же Корсиканца оценивается **военными** — в 120-135 тысяч человек при 587 орудиях, **гражданскими** — в 135 тысяч и тоже при 587 орудиях. Единственное, что обозначено без расхождений, так это потери русских войск — 44 тысячи человек (из них 38,5 тысяч — 26 августа), в том числе 23 генералов.

См.: БСЭ — Большая Советская Энциклопедия. Второе издание. Том 5-й, Москва, 1950, с. 596-600; Большая Советская Энциклопедия. Третье издание. Том 3-й, Москва, 1970, с. 578-579; СЭС — Советский Энциклопедический Словарь. Издательство “Советская Энциклопедия”, Москва, 1979, с. 162; ВЭС — Военный Энциклопедический Словарь. Воениздат, Москва, 1983, с. 97.

Первое же издание БСЭ под редакцией Бухарина, Куйбышева, Бройдо, Радека и других светочей советской энциклопедической мысли вообще уклонилось от конкретных цифр потерь, ограничившись таким пассажем: “Каждый из противников потерял убитыми и ранеными до 40 % введенных в дело войск; пленных и трофеев почти не было. Кутузов дал Бородинское сражение в угоду общественному мнению, обеспечив себе этим свободу дальнейших отступательных действий”.

См.: БСЭ — Большая Советская Энциклопедия. Первое издание. Том 7-й, Москва, 1927, с.182-183 (автор статьи Е. Мартынов).

Быть может, правда заключена в вездесущем и всезнающем дореволюционном “Брокгаузе и Ефроне”?

Как бы не так — там в томах на “Б” вообще о Бородино, Бородинском сражении шаром покати, ничего не сказано.

Вот и выходит опять, что История тоже штука весьма приблизительная. Все требуют от неё не умолчаний, а точности. И никто этой точности дать не в состоянии.

“Да ты, ради Бога, не горюй, — как мог я утешил своего художника. — Оставь, старик, Курмангазы и Перовского на своём полотне. Прибавь к ним ещё одного генерала... Но только вот, скажу тебе ещё раз со всей категоричностью, не было и не могло быть на балу у Перовского Пушкина с Далем. Ну так и что? Зато Курмангазы там был. И вовсе не в приезд Пушкина в Оренбург...”.

“Так пойми же ты, мне без Пушкина и без Даля никак нельзя. Не пройдёт моя картина без них. Любой художественный совет забодает насмерть. Это тебе не совет в Филях! А ты мне про какого-то генерала!” — ничуть не поверил он в мои утешения.

Можно было понять огорчения мастера.

Но как можно было превратить их в радость?

Разве что опять-таки грустным напоминанием о том, что картина эта существовала только лишь в наших грёзах.

II. Абе: не “Балбраун”, но — “Бал Брауна”!

И чтобы въявь создать такую картину, какой замыслил её мой добрый знакомец, мало знать досконально *всю* атрибутику той эпохи. Надо ещё и видеть её не в манекенах, а в *живых* людях. Вот здесь-то для нас самая главная преграда. Ибо в своих представлениях о *культовых* фигурах прошлого мы, будь то великий полководец, гений искусства или императорского престола, да мало ли ещё кто, уже давно настолько закоснели, что совсем перестали видеть в них *живых* людей.

Для нас они бесстрастно-перманентные окаменелости, овеванные почтительной, но отстранённой аурой векового академического величия, сплошь парадные или же камерные изваяния-скульптуры, словно в холодных музейных залах древнегреческие бюсты Периклов и Сократов (да вот ещё и *голубых* Алкивиадов) с их одинаковыми мраморными беззрачковыми глазами.

И разве не в радость нам для нас же очевидное — то, что на своей встрече Перовский с Курмангазы были отнюдь не манекенами, а *живыми* людьми? И самым прямым доказательством тому — кюи Курмангазы “Балбраун” и “Марш Перовского” — два подлинных чуда инструментальной музыки. Они-то и есть запечатлённое в ней свидетельство того, что увиделись Курмангазы с Перовским дабы на всю оставшуюся жизнь поселиться накрепко — каждый в душе другого.

Тем более что русская (точнее, российская) муза Перовского не то что своей любовью, а вообще даже маломальским вниманием не баловала. Насколько знаю, видные российские стихотворцы не посвящали ему своих творений, драматурги и романисты — тоже, о композиторах уже и речи нет. Лишь только *один-единственный* из наших литераторов не согласился со всеобщим настроем. Звали его Львом Николаевичем Толстым. Однако и у него всё, что он замыслил о Перовском (исторический роман!), увы, осталось втуне.

А из живописцев единственным, кто запечатлел его для потомков, оказался мастер парадного портрета, знаменитый русский живописец и рисовальщик Карл Павлович Брюллов (кто не знает его классического полотна “Последний день Помпеи”) — он-то и увековечил Перовского (да и то на скорую руку).

А больше никто не пожелал.

Отчего бы?

Кто скажет?

Как всё-таки это не вяжется ни с огромным масштабом его весьма противоречивой личности, ни с тем значительным местом, какое он занимал при Дворе, в сердцах Государя и особенно Государыни, ни с той

ключевой ролью, какую играл он в отношениях России с Казахстаном и проводимой ею противобританской политике конца 30-50-х годов XIX столетия.

И вот ещё какие вопросы возникают.

Была ли эта встреча полпредов двух евразийских культур, волею самой Истории духовно предрасположенных друг к другу?

Истинно народной казахской и русско-дворянской, точнее, российской, язык не поворачивается назвать её **колонизаторской**, и у Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина, Абая Кунанбаева, Шакарима Кудайбердиева нет такого сомнительного эпитета, ныне чрезвычайно размножившегося в разного рода писаниях на государственной мове.

Или же всё свелось (и вскоре забылось) к одномоментному, говоря словами одного из знатоков их эпохи, “соединению европейских удовольствий с азиатскими экзерсисами”, к великосветской потехе, где один (Курмангазы) стал экзотическим объектом (живым экспонатом) для всеобще-снихождительного удивления и одобрения, а другой (Перовский) — радушным хозяином забавного музыкально-песенного представления сугубо этнографического колера?

Она-то, может быть, и забылась, эта барская потеха.

Может быть.

Но почему вот уже второй век подряд, уже в открывшемся всем нам Третьем тысячелетии, неодолимо-властно не дают нам покрыть серым пеплом беспамятства эту знаменательную встречу не только два кюя Курмангазы — кюй “Марш Перовского” и кюй “Балбраун”, но и всё остальное **шедевральное**, что после этой встречи несказанно обогатило творческое наследие великого кюйши.

Отчего бы так?

А ведь композитор оставил после себя немало.

Прежде всего — 70 только нам известных кюев.

За то, что они не сгинули в замяти немислимо трудных лет, самая большая наша душевная исполать Александру Викторовичу Затаевичу (1869—1936). Едва ли он, во всех отношениях музыкально подготовленный человек сугубо европейской ориентации, добрый знакомец Шаляпина, Собинова, Качалова, Станиславского, Немировича-Данченко, потомственный дворянин, действительный статский советник (гражданский чин IV-го класса, тождественный военному званию генерал-майора), с 1904 по 1915 чиновник по особым поручениям при Варшавском генерал-губернаторе М. И. Черткове, помышлял о том, что уже в 1923 году удостоится (в Оренбурге!) высокого звания народного артиста Казахстана, станет истинным **евразийцем** и с присущей ему энергией продолжит труд, сделавшийся главным смыслом его в корне обновлённой жизни, навсегда породнившей его “с **богато одарённым казахским народом**”.

Но именно Затаевич первым не дал **обезличиться** кюям Курмангазы, сделавшим честь всей музыкальной культуре. Даже если (так полагали наши признанные музыковеды) он “в оценке Курмангазы Сагырбаева исходил из неверных источников, ошибочно считал, что расцвет казахской домбровой музыки связан с культурой байства”, то тем не менее это он, Затаевич, первым представил просвещённому миру более 2 300 нотно-лексических записей казахских и киргизских песен, осуществлённых им за 15 лет напряжённого труда.

Его респондентами и корреспондентами, если угодно, **донорами** его эпохальных сборников стали более 500 певцов, акынов, домбристов, журналистов, учителей, партийных, советских, комсомольских работников, студентов вузов, слушателей самых различных курсов, наркомов, милиционеров и т. д. и т. п.

Назову лишь некоторых — и да преисполнится наша благодарная память о них ещё большего к ним пиетета не только за хорошо нам известное ими свершённое, но ещё и за их неизбежную любовь и верность песенному искусству родного народа.

Это — активный участник повстанческого движения 1916 года, герой Гражданской войны, комиссар Степного края Алиби Джангильдин — по оценке самого Затаевича, “хороший певец и домбрист, выдающийся знаток тургайских песен, которые он исполнял чрезвычайно стильно и выразительно”.

Это — будущий академик-геолог с мировым именем, лауреат Сталинской (1942) и Ленинской (1958) премий, президент Академии наук Казахской ССР Каныш Имантаевич Сатпаев — по словам Затаевича, “прекрасный знаток и хороший исполнитель баянаульских песен”.

Это — будущий классик казахской литературы Сабит Муканов — он не только с большим желанием исполнил перед Затаевичем множество знаемых им народных песен и помог ему в их нотной записи, но и создал на музыку Затаевича текст популярной в своё время “Песни о Балхашстрое”. Кстати, её знал и помнил всю свою жизнь Динмухамед Ахмедович Кунаев, начинавший свой трудовой путь на Балхашстрое умелым взрывником (он и на фронт в 1941-м просился в этом качестве).

Целеустремлённым изыском Затаевича от всей души восторгались старейший русский композитор и дирижёр, профессор (с 1893 года) и ректор (с 1904 по 1922 год) Московской консерватории, народный артист республики (1922) Михаил Михайлович Ипполитов-Иванов, один из основоположников советской музыкальной культуры, профессор (с 1921 года) Московской консерватории, творец 27-ми симфоний, пятижды лауреат Сталинской премии Николай Яковлевич Мясковский, всеми признанный корифей мировой музыки Сергей Сергеевич Прокофьев, видный венгерский композитор, пианист, музыкальный фольклорист Бела Барток, великий французский писатель, музыковед и общественный деятель Ромен Роллан...

“Прежде всего я должен выразить своё восхищение перед удивительной энергией, которую Вы проявили, чтобы довести до конца такой монументальный труд в самых тяжёлых условиях голода и эпидемий. Это музыкальный подвиг, пример душевной силы, который нельзя забыть”, — писал Роллан Затаевичу, не забыв одарить его своим фотопортретом с трогательным автографом: “Александру Затаевичу, воплотившему в себе музыкальную душу казахского и киргизского народов. Сентябрь 1929 года”.

См.: А. В. Затаевич. Исследования. Воспоминания. Письма и документы. Составители П. В. Аравин, В. П. Дернова, Б. Г. Ермакович. Казахское государственное издательство художественной литературы, Алма-Ата, 1958, с. 134, 214, 217-218.

Алексей Максимович Горький, справедливо считавший, что “великие люди в музыке потому и великие, потому что сочиняли прекрасное среди всей нашей мерзости”, в первом номере своего журнала “Наши достижения” за 1929 год горячо отзывался на подвижнический поиск Затаевича: “Вот передо мною сборник “1000 казахских-киргизских песен”, — они

положены на ноты. Оригинальнейшие их мелодии — богатый материал для Моцартов, Бетховенов, Шопенов, Мусоргских, Григов будущего”.

Сам же Курмангазы оставил (прежде всего — в записях Затаевича) немало своих достойных восприемников не только в своём столетии, но и в XX веке.

От неподражаемой Дины Нурпеисовой и её современников Ергали Есжанова, Мендыгали Сулейменова, Конбалу Мамека до Уахана Кабигожина, Кали Жантлеуова, Лукпана Мухитова и многих других.

К их славной когорте я отношу и своих друзей (по знаменательной поездке во Францию осенью 1975 года, когда там в 30-ти её городах проводились инициированные Динмухамедом Ахмедовичем Кунаевым Дни СССР на примере Казахстана) Магауи Хамзина и Каршаги Ахмедьярова, кстати, автора популярной музыкально-просветительской книги “Курмангазы. “Сары-Арка”.

Их великолепные исполнительские и композиторские достоинства, как и самого их гениального праотца Курмангазы, не передать никакими словами. Для того, чтобы оценить их по справедливости, их надо слушать и — **слышать**.

А ещё и **видеть**, как не раз и не два видел это я в уже безвозвратно далёком от нас 1975 году во Франции, а также совсем недавно на славном юбилее (80-летие!) народного артиста СССР несравненного Шамгона Кажгалиева.

Всей душой внять кюям Курмангазы и всей музыкальной программе в исполнении Казахского академического оркестра народных инструментов его имени под виртуозным управлением Шамгона Кажгалиева, выступлениям наших певцов с мировыми именами — Бибигуль Тулегеновой, Ермака Серкебаева, Василия Яковенко, известного ансамбля чародея казахской хореографии Булата Аюханова “Молодой балет Алматы” съезжались люди не только из Парижа, Орлеана, Лилля, Ренна, Марселя, но даже из соседних государств.

Это было нечто феерическое. Поверьте, столь блистательных триумфов французские сцены прежде никогда не ведали. И это не моё субъективное мнение, а не единожды высказанные оценки самых знающих французских знатоков мировой музыки XX-го века.

И не только французских.

А ещё было немало зрителей, которые кочевали вслед за нами из города в город весь наш **французский** месяц — это уже из тех, кто теми или иными, но почти всегда горькими судьбами оказался на чужбине, навсегда вдали от своей единственно родной им на этой планете земли — казахской. Слушая музыку Курмангазы, они плакали и не стыдились своих слёз, аплодировали неистово, приходили к нам за кулисы с букетами живых цветов, чтобы от всей души выказать свою искреннюю благодарность.

Скажу не между прочим: лишь за несколько часов до отлёта в Париж нашей дружины (не менее полуста блистательных мастеров искусств) довелось мне узнать от Абдижила Каримовича Нурпеисова нечто особо примечательное.

Наш дорогой Абе (а разговор был у него дома), оторвавшись от писем друзей и рукописей, заполненных его аккуратнейшим (буква к букровке) почерком, проводил меня в неблизкий путь не просто добрыми пожеланиями счастливой дороги и успешного возвращения. Он, задержав мою

ладонь в своей крепкой руке, а пристальный, чуть усмешливый взгляд своих тёмных глаз, много повидавших в жизни, на моей дорожной экипировке, как всегда неспешным и слегка глуховатым голосом ещё раз наказал мне встретиться в Париже с Лили Дени — изумительной переводчицей его ныне известной всему читающему миру историко-революционной эпопеи “Кан мен тер” — “Кровь и пот”.

Предисловие к её переводу этой трилогии, выпущенной в свет издательством “Галимар”, написал Луи Арагон. Ему, признанному мэтру всепланетной литературы было что сказать о трилогии Абе. Верно, и прежде об Арале и его людях писалось немало. Но это было всего лишь более или менее удачными подходами к высотам ответственной темы, одолеть кои дано не каждому.

Нурпеисов (и это сразу же увидел Арагон) успешно взял эти высоты. Естественно, есть в том заслуга (и немалая!) “немецкого сына казахского народа” Герольда Карловича Бельгера и “советского Чехова” Юрия Павловича Казакова — лучших переводчиков прозы Нурпеисова на русский язык.

Благодаря же Лили Дени для миллионов франкоязычных читателей (а это сегодня как минимум 56 стран мира) малая земля Приаралья — с подножием Бел-Аран — стала такой же близкой, как предгорья Чингиз-Тау в “Абае”, как хутора Татарский и Гремячий Лог в “Тихом Доне” и “Поднятой целине”, как бесконечно родная Ивану Петровичу Шухову Пресновка в его, увы, последней трилогии, как верненский Кафедральный собор в “Хранителе древностей” у Домбровского или залыгинская Солёная Падь.

Понятно, на встречу с Лили Дени через четверть Азии и половину Европы, не минуя Москвы (тогда такой был порядок) я с нашей дружиной во чреве гигантского Ил-62-го (в те годы, обольщая самих же себя, мы называли лукаво этот довольно-таки неуклюжий **летак** чуть ли не лучшим самолётом планеты) летел от Абе по небу отнюдь не с одним приветом и не с пустыми руками.

Лили Дени я знал уже с 1968 года, когда она была в гостях у Абе в Казахстане. В прошлом отважный офицер французского Движения Сопротивления нацизму, она импонировала нам своей энергией и обаятельной простотой, с какой держалась. И само собой безукоризненным русскоязычием и превосходной наблюдательностью.

Я тогда был в первых заместителях главного редактора только что открывшейся газеты “Вечерняя Алма-Ата”, журналиста, как говорится, от Бога — седого, как лунь, Вениамина Ивановича Ларина.

Газета, куда к Ларину (а он обладал таким магнетизмом) сразу же подались самые лучшие журналисты, с первых номеров понравилась Кунаеву (как только в 1967 году число жителей Алма-Аты достигло миллиона человек, Д. А. сам хлопотал в ЦК КПСС о её немедленном открытии), а посему нам позволялось больше, чем другим изданиям. Теперь-то уж можно сказать: не счесть сколько мы выполнили его **неафишируемых** пожеланий.

Дозволялось нам не только критиковать министров, но и вживе печатать зарубежных авторов, разумеется, из числа тех, кого тогда называли **прогрессивными**. Лили Дени безусловно вписывалась в сей благородный разряд (класс), и поэтому никаких сложностей не возникло с просьбой Абе дать для неё место в газете.

“Сколько даст, столько и напечатаем!” — сказал Ларин.

С большим удовольствием и без какого-либо промедления (сразу же в номер!) опубликовали 22 мая 1968 года её остроумную и зоркую статью под титулом “Алма-атинским галопом” — о встречах с нашими литераторами и впечатлениях при этом и вообще. Не поправили ни единой запятой, а потом всей редакцией изумлялись: ну неужели можно писать в газете вот так отменно, по-человечески.

Осталась нами и газетой довольна и сама Лили Дени.

Поручение Абе снова свидетелься с ней я, конечно, выполнил, причём с большим желанием. Более того, потом уже, дома, не преминул сказать об этом в журнале “Простор” и газетах, а затем и в своей восторженной, многим понравившейся (французам тоже), книжке “Без антракта. Из французских тетрадей”. Она была выпущена в 1977 году молодёжным издательством “Жалын” (“Пламя”) совсем незначительным по тем временам тиражом в 12 тысяч экземпляров, кои, насколько знаю, разошлись моментально.

Но то, что я услышал от Абе перед отлётом в Париж, позже из этой книжки (уже в наборе) вытряхнула архибдительная цензура.

“Перовский? Браун? Ага!.. Царские генералы! Не надо пропагандировать сатрапов самодержавия”, — твёрдо (**обжалованию не подлежит**) объяснили там моему милому и замечательному редактору, стройненькой и обаятельной Рысты Есиркемисовой (ясный взгляд, бездна ума, острый язычок и весёлые ямочки на смуглых щёчках), затем всегда подоброму озабоченному, всепонимающему и рассудительному директору издательства “Жалын”, но, увы, покойному, известному нашему поэту Кабдыкариму Идрисову, а потом уже и самому мне.

Можно было бы и пободаться с меднолобыми и клыкастыми церберами из цензуры, но в таких случаях **они** принимались вырубать тексты с особым пристрастием (палаческим сладострастием) и вполне сумели бы предельно растрепать мою книжку и без того отнюдь не фолиантного веса и виду.

“О Нурпеисове и Дени в книге есть, а Брауна и Перовского давайте оставим до лучших времён. Иначе **они** снимут и это”, — разумно предложила мудрая Рысты.

Вот и пришлось “оставить до лучших времён” истинную расшифровку названия знаменитого кюя Курмангазы “Балбраун”, который всякий раз исполнялся maestro Шамгоном Кажгалиевым и его музыкантами во Франции с особым блеском и вдохновением.

Неизменно и повсеместно утверждалось, что название этого кюя — “Балбраун”, “Балбрауын”, “Балбырауын” — проистекает от слова **“балбырау”**. А оно в переводе на славянский (цитирую академический словарь) означает: **“разомлеть (о теле); размягчиться, сыреть (о сене, растении)”**.

См.: Х. Махмудов, Г. Мусабаев. Казахско-русский словарь. Дополненное переиздание словаря, выпущенного Главной редакцией Казахской советской энциклопедии в 1989 году (авт. дополнения С. Исаев, С. Каскабасов). Издательство “Онер” (“Искусство”), Алматы, 1998, с. 65.

Но если сказать не академически, а попросту, то лексему **“балбырау”** можно перевести и как минорное **“взгрустнуть”**.

Так оно и в отношении кюя Курмангазы считалось подряд целые десятилетия. Да и сейчас многие такого же мнения, хотя услышать в искромётно-мажорном “Балбрауне” мировую скорбь — это какой же медведь косолапый должен очень сильно на ухо наступить.

На международной конференции в Алматы, посвящённой 175-летию Курмангазы, специалистами по гармонии и сольфеджио Казахской национальной консерватории имени Курмангазы говорилось о том, что (дословно) “кюй “Балбырауын” изображает **народный праздник**”, что “он пронизан жизнерадостностью, духом оптимизма”, что “в ритме кюя, его музыке заложена большая энергия, взволнованное чувство молодого человека, верящего в светлое будущее, в свои силы...”.

И далее: “Ни один праздник не обходится без традиционных айтысов, борьбы, кокпаров и других народных игр. Эти празднества привлекали большую массу народа. **Вероятно**, “Балбырауын” и явился отображением подобных увеселений”, — делался и такой предположительный вывод с подстраховочной оговоркой — **вероятно**.

См.: Курмангазы и традиционная музыка на рубеже тысячелетий. Материалы международной конференции, посвящённой 175-летию Курмангазы 9-11 ноября 1998 года, Алматы, 1998, с. 24.

Но тот “народный праздник”, где оказался Курмангазы и впервые исполнил свой кюй, **народным** можно назвать только лишь с превеликой натяжкой.

В этимологии кюя “Балбраун” всё оказывается несколько иначе. Вернее, совсем иначе.

Абе чётко пояснил мне: Курмангазы сложил свой кюй вовсе не от грустного настроения, а по ярким впечатлениям самолично увиденного им и услышанного **на балу** в Оренбурге у губернатора Перовского. Отсюда и название самого кюя.

Там, на этом светском, военно-дворянском, высокочиночном балу, громко и чудесно, на самые разные лады и вкусы (а **светские** вкусы тогда были не чета убогим вкусам нынешней **элиты**) звучала классическая русская, немецкая, австрийская, французская музыка. Она сразу же заполонила (цепко взяла в свой волшебный плен-полон) чуткое сердце Курмангазы, и оно, это сердце, уже никак не могло не отозваться мощно и восторженно, со всей силою и красотою дивного дарования самого кюйши. А столь сиятельный и громкозвучный бал Перовский устроил в честь своего давнего друга по боевым походам — отважного полковника Брауна, ставшего генералом.

Вот, собственно, такова вкратце и вся история (этимология) возникновения названия — “Балбрауна”, то есть “Бала Брауна”.

А всё остальное — в самом молниеносно симпровизированном кюе, который и сейчас звучит чарующе всегда, когда надо устроить “именины сердца”, взбодрить его самыми благородными чувствами и новыми надеждами.

Тогда же, на этом балу в честь Брауна, впервые прозвучал и другой известный экспромт Курмангазы, о названии которого никто не спорит ввиду его предельной ясности, — “Марш Перовского”.

И в “Бале Брауна”, и в “Марше” — так, как их исполнил Курмангазы, самого Перовского восхитила дивная ясность музыкального выражения искренних чувств их создателя, кипучий настрой и динамичный напор его действительно огромного жизнелюбия и неукротимого оптимизма, артистическая гибкость самого исполнения.

Словом, всё, что чувствовал сам Перовский в своей непростой душе, кюи Курмангазы отвечали ему самым мощным, эпическим приумножением этих сложных чувствований.

Во всей их немеряной красоте и высокодуховной величественности. Перовский сразу же понял то, что для иного моего современника и соотечественника всё ещё доходит как до жирафа: по их впечатляющей шедевральности этим кюям всё-таки мало равных во всей нашей земной музыке.

III. Вот когда Далю надо было бы промолчать

Но есть у меня знакомые, которые вопрошают меня примерно так: а не являлись ли эти ободряющие вещи у Курмангазы (вещь же на старославянском означает мудрость) его своеобразной взяткой музыкой Перовскому?

Сочинял же другой великан казахской музыки Даулеткерей (1820—1887) свой патетический этюд в честь ныне всеми забытого председателя Временного совета Букеевской Орды (Ващенко) и назвал это своё незаурядное творение его (председателя) именем.

См.: П. В. Аравин. К вопросу о музыкальном стиле Курмангазы. В сборнике “Курмангазы”, издательство “Казахская Энциклопедия”, Алматы, 1998, с. 157.

Верно же говорят от века: поклон спины не ломит.

Но лично я так не думаю и отвечаю своим визави: какая уж тут взятка! Ни Даулеткерей, ни Курмангазы, ни их знаменитые младшие современники, кюйши Есир (1843—1904) и Казангап (1854—1921) не творили ни из-под кнута и палки, ни из-за лести и угодничества перед российской администрацией и своими собственными правителями (кстати сказать, в большинстве своём **выборными**).

В своё время известный наш композитор Евгений Григорьевич Брусиловский, истинный подвижник казахского музыкального искусства и один из его неумолимых творцов, лауреат Сталинской премии (1948), резко противопоставил музыкальную школу Курмангазы школе Даулеткерей, тут же припомнив его (Даулеткерей) родство с ханом Букеем и оттенив (подчеркнув) бедняцкое происхождение Курмангазы.

См. Евгений Брусиловский. Пять тетрадей. Воспоминания. “Простор”, Алматы, 1997, № 9, с. 56-59.

Это было сделано в начале 30-х годов XX века, в самый разгар безбрежного владычества **классовых** критериев в любом из видов творчества и не только. Теперь же такие заведомо и донельзя суженные (ограниченные) критерии не в ходу. Они изжили себя и стали достоянием Истории, откуда их может вычеркнуть только законченный тупица и глупец.

Но даже в эру их, казалось бы, безраздельного господства превалировали здравые оценки творчества Курмангазы, поскольку далеко не все влиятельные идеологи правящей в СССР партии были рабами закоснелых формул и догм.

Открываю последний, донельзя выжелтевший, номер журнала “Большевик Казахстана” за 1948 год, читаю, как писал тогдашний секретарь ЦК КП (б) Казахстана по пропаганде Ильяс Омаров о Курмангазы в постановочной статье, целиком и полностью посвящённой известному Постановлению ЦК ВКП(б) об опере Мурадели “Великая дружба”, принятому 10 февраля 1948 года (через 10 лет — ЦК КПСС примет 28 мая 1958 года Постановление “Об исправлении ошибок в оценке опер “Великая дружба”, “Богдан Хмельницкий” и “От всего сердца”).

А писал Омаров, хотя и в духе своей эпохи, но вполне объективно и с очень справедливой настоятельностью, как будто бы обращался с трибуны к переполненной аудитории (цитирую):

“Говоря о нашем музыкальном наследии, следует в первую очередь воздать должное творениям выдающегося музыкального деятеля казахского народа — Курмангазы. На примитивном инструменте — домбре — Курмангазы создал свои знаменитые кюи, как разновидность симфонической музыки”.

См.: И. Омаров. На широкую творческую дорогу. “Большевик Казахстана”, Алма-Ата, 1948, № 12, с. 24.

Уж не знаю, почему, кому в угоду светлой памяти Ильяс Омарович (точнее — Дилимович: его родного отца звали Дилимом) Омаров, крупный знаток мировой музыкальной культуры, безустальный и умный сеятель доброго и вечного, назвал казахскую домбру **“примитивным инструментом”**. С таким же сомнительным успехом можно оценить по разряду довольно-таки уничижительной **“примитивности”** и русскую балаалайку, и немецкую губную гармошку, и африканский бубен, и шотландскую волынку, как, пожалуй, самые расхожие атрибуты их несомненной **народности**. Но в своих главных посылах и определениях автор этой отнюдь не размышленной, а строго директивной статьи оказался безусловно прав.

И прежде всего в том, что он одним из первых (если только не первым!) точно и справедливо диагностировал Курмангазы как творца “разновидности симфонической музыки”.

Жалею, всегда искренне и горько жалею о том, что сам я лично познакомился с Омаровым (благодаря своему тогдашнему журналистскому статусу, а ещё и Абдижамилу Каримовичу Нурпеисову, с которым вместе ездил к Омарову в загородный (горный) санаторий под названием “Алатау” (к слову, излюбленное место алма-атинских отдохновений Брежнева) в самом конце 60-х годов) лишь незадолго до печальной кончины самого Омарова — этого удивительно знающего, мудрого и располагающего к себе политика, общественного деятеля, мыслителя, литератора и просто обаятельного человека с его улыбчивым жизнелюбием, с его социальным оптимизмом и беспредельным личным мужеством.

В доказательство тому, что он был именно таким, можно привести объективные отзывы об Омарове его далеко не худших современников и единоверцев (а то и малосговорчивых оппонентов) — от Леонида Леонова и Александра Фадеева, Каныша Сатпаева и Шакена Айманова, Дмитрия Снегина, Ивана Шухова и Габита Мусрепова, Галины Улановой и Юрия Завадского, Льва Варшавского и Талгата Бегельдинова до Жумабая Шаяхметова и Нуртаса Ундасынова, Динмухамеда Кунаева и Саттара Имашева, Леонида Ильичёва и Екатерины Фурцевой...

Но я не буду никого из них цитировать, а лишь сошлюсь на собственные публикации о нём, и кому это интересно, пусть сам возьмёт на себя труд ознакомиться с ними и, полагаю, ничуть не прогадать при этом.

См.: Владислав Владимиров. Как обратная сторона Луны, или Его второе пришествие? О книге “Ильяс Омаров. “Жизнь и философия” и о Нём самом. “Огни Алатау”, Алматы, 2003, 18 марта, с. 7; “Простор”, Алматы, 2003, № 5, с. 133-148.

Нам же всем должны быть одинаково дороги истинно духовные ценности независимо от того, на каком инструменте и кем они сотворимы — родственником хана Букея Даулеткереем Шигаевым или же Курмангазы

Сагырбаевым — пожизненным врагом волостного старшины Абубакира Акбаева в ауле урочища Жидели, где на этого спесивого бая батрачила мать Кумангазы Алка.

Вот и оба кюйши (по Брусиловскому, антагонисты) видели (не могли не видеть) и чувствовали (не могли не чувствовать) самую глубокую искренность добрых намерений и немалых дел лучших людей из российской администрации, из которой наша же (а чья ещё?) постоктябрьская историография слепила такое чудище, каким эта администрация никогда не была, да и не могла быть.

О чём подробнее я ещё скажу в главе “Мог ли быть Чокан Валиханов адъютантом у дурака?”, а пока замечу весьма существенное: **царских слуг Ващенко с Перовским уже давно нет на белом свете, но запечатлённые в музыке Даулеткерей и Курмангазы, они обрели истинное бессмертие** — как фигуры, в силу их административно-политического положения безусловно и очень во многом противоречивые, но в целом давно заслуживающие объективного взгляда на них и соответствующих далеко не однозначных оценок.

Сами же произведения наших именитых кюйши — это своеобразные дневники их жизни, неотрывной от народного бытия и современной им действительности, выходящей далеко за пределы Казахстана, не столь уж и не ведомой остальному миру.

Но, право, вряд ли стоит называть их бесподобные творения **зеркалом** этой действительности. Ведь и крылатое, Ильичём Первым в обиход запущенное “Лев Толстой как зеркало русской революции” — не совсем удачная, а вернее, совсем не удачная аналогия. Уже хотя бы потому, что любое зеркало всегда делает левое правым, а правое — левым.

Завидовать революции с такими зеркалами не приходится.

Курмангазы же с его колоссальным даром и удивительной интуицией всегда знал “правая, левая где сторона” и никогда их не путал, сделав своё творчество своеобразной летописью своего же беспокойного времени в музыке со всей довольно чёткой и последовательной хронологией.

У него это прослеживается особенно.

Его кюй, словно листки календаря, шаг за шагом, день за днём и год за годом, вводят нас в его же полную риска, страданий и тревог необыкновенную биографию, органически всегда и неустанно сочетавшую глубокую мысль, смелое действие, меткое слово и нужную ноту.

Тут и кюй “Пэбески” — внимательно перечитайте это название и в нём вы непременно в его орфоэпии услышите русское — “Повестка”. Так оно и есть — в жизни Курмангазы здесь отправной мотивацией стала ничего доброго не сулившая ему официальная повестка на судебное разбирательство его очередного и, как всегда, нешуточного конфликта с властью имущими.

Тут и впервые записанный Затаевичем музыкальный триптих: “Турменден кашкан” (“Побег из тюрьмы”) — “Ксен ашкан” (“Освобождение от цепей”) — “Кзыл каин” (“Красная берёза”). Это — почти детективная история успешно утаившегося ночного побега закованного в кандалы Курмангазы из-под стражи тюремного каземата при ханской ставке в тёмную ночь со 2 на 3 ноября 1857 года, освободившегося от цепей и отдохнувшего после невероятно напряжённого пути под ласково приютившей

его осенне-красной берёзой. (Перовский тяжело доживал тогда в далёком Крыму свои последние дни и ночи).

Тут и кюй “Лаушкен”. Вслушайтесь — так это же фамилия обретенного после побега из тюрьмы благодарным Курмангазы Сагырбаевым приветливого, доброго и верного русского друга — художника и рыбака по фамилии Лавочкин, по версии знатоков жизни Курмангазы, сосланного в Степь за нарисованную карикатуру на Государя...

А кюй “Назым”! Здесь свершённое самим Курмангазы чудо едва ли не из разряда библейских — ничуть не ожидаемое другими воскрешение казахской девушки Назым, которую чуть было не похоронили живой.

Чёткая и глубоко рельефная печать событийной конкретики характерна для героических, лирических и философских кюев Курмангазы. Среди них нет бесцветных и проходных. Все они пронизаны живыми и страстными чувствами, гаммой самых разнообразных переживаний. От посвящённого вождю казахских повстанцев Исатаю Тайманову кюя “Кишкентай” (“Маленький”), эпического экзерсиса “Батыр Туремурат”, откровенно иронического “Не кричи, не шуми”, звукоподражательного кюя “Машина” до усмешливо-лирического “Балкаймак” (“Мёд со сливками”) и предельно возвышенного в своей неизбывной печали кюя “Коштасу” (“Прощание”)...

Заметьте: иным из них Курмангазы неспроста давал сразу же русские названия.

“Не кричи, не шуми” — это его меткая и едкая сатира на возмутительное поведение никчёмного царского служаки — полицейского урядника — самого нижнего чина, возомнившего себя Бог знает кем и потому ставшего в глазах окружающих самым настоящим посмешищем.

“Машина” — броский символ промышленной урбанистики той исторической поры, точный и выразительный музыкальный слепок с неё, уже тогда вступавшей своим стремительно-бешеным развитием техники в резкое противоречие и разительный контраст с патриархальностью прежнего уклада бытия.

А кюй “Итог”! Да это же, друзья мои, Итог с большой буквы и без кавычек. Итог всей прожитой жизни — глубоко философское сказание о том, как бы она ни была, эта жизнь, длинна, а всё равно коротка. Но если прожита она крылато и духоподъёмно — ради родного народа, то ей у него никогда не суждено никакое забвение.

Вот такое простое (и не простое) толгау-размышление.

И в закономерном факте с победно звучащим “Маршем Перовского” у Курмангазы тоже я вижу (и слышу), несомненно, этапно-дневниковую запись, **дань уважения** человеку, чьё имя **оперсоналило** это произведение, не дав никому из ушлых конъюнктурщиков истолковывать его двояко, а то и тройко.

Ни в XIX веке, ни в веке XX-м, ни тем более сейчас.

Не надо забывать о том, что всегда знал и помнил Курмангазы, а именно: Перовский смолоду был **отточенный** вояка.

Вместе с Перовским (и об этом тоже ведал Курмангазы) на судьбоносном поле Бородинской битвы “стояли друг за друга, за землю, за родину”, умело сражались и отважные земляки казахского кюйши.

Однако вот беда и трагедия: самому Перовскому на ратном поприще всегда везло как утопленнику.

То долгий вражий плен после Бородино (1812-1815).

То позорный удар по спине тяжёлым поленом 14 декабря 1825 года — Перовский вышел на Сенатскую площадь как флигель-адъютант нового Государя и сразу же схлопотал этот **привет** от восставших (Николай же Второй, верхом на коне, точнее, на кобыле, держал себя хладнокровно и невозмутимо. Он был всегда фаталист, этот примечательный Государь. И в тот день ничто не задело его).

То почти сквозное ранение в грудь в жуткой битве с турками у болгарской Варны (1828).

Никаких лавров не принесла Перовскому его краткая, но хлопотная деятельность в качестве **порайонного** военного губернатора в Северной Пальмире во время эпидемии холеры и холерных бунтов (1831), а затем высокочиновная канцелярская служба в Морском штабе до назначения в должность военного губернатора Оренбуржья и командира Отдельного Оренбургского корпуса (1833).

И тем более тяжкий, заведомо провальный поход на Хиву (1839-1840). Этот поход, как выпендренно сказано в официальных скрижалях дореволюционной выделки, “предпринят был с целью заставить постоянно враждебных России хивинцев прекратить свои грабежи, обеспечить спокойствие и торговлю в степных областях и освободить русских пленных, захваченных хищниками”.

См.: Энциклопедический Словарь Брокгауза и Ефрона. Том XXXVII-й, Санкт-Петербург, 1903, с. 187-189.

Экспедиционный отряд Перовского численностью около 4 000 человек при 20-ти орудиях на 10-ти тысячах верблюдов выступил из Оренбурга супротив **хищников** в ноябре 1839 года, когда морозы доходили уже до 30 и более градусов по Цельсию. На пути к далёкой вожаемой цели мели сильные бураны, возникало множество всяческих препятствий.

Можно называть стратегов этой походной акции как угодно и кем угодно. Головоотяпами, олигофренами — тоже. Но ведь со всей тщательностью разрабатывая её, они рассчитывали на грозный для супостата опыт Отечественной войны 1812 года, когда лютые подмосковные морозы пропололи насмерть многоплеменное воинство Бонапарта почище, чем это сделали бы две или даже три битвы при Бородино.

И вот теперь бумеранг возвращался.

И стратегическая тщательность, как всегда, оказалась типично **расейской**.

“Сразу же стал ощущаться сильный недостаток в топливе и большие недочёты в тёплой одежде”, — свидетельствовал очевидец.

Герой Плевны и Шипки, всей Болгарии и её освободитель генерал Михаил Дмитриевич Скобелев (1843—1882), не доживший при своём могучем здоровье (как и его советский тезка, великий пролетарский полководец Михаил Васильевич Фрунзе) и до сорока лет, признавался напоследок: “Выступили мы всё-таки несколько не знакомые со свойствами предстоящего зимнего похода”.

Это не очень громкое и довольно спокойное откровение напечатанным 40 лет спустя после загадочной кончины **белого** генерала я

обнаружил в октябрьском номере известного российского журнала “Исторический вестник” за 1882 год в его же (Скобелева) “Посмертных бумагах” (с. 138).

Белым же генералом Скобелева называли вовсе не за его приверженность к Белому движению (он, понятно, о таковом и не слыхивал), а за его страстную любовь ко всему **белому** на этом **белом** свете — к женщинам **в белом**, к **белым** лошадям, к **белой** парадной одежде, красивой российской воинство вплоть до окончания Русско-японской войны 1904-1905 годов, когда Государем было признано целесообразным заимствовать у японцев для военной формы и всего армейского обмундирования **защитный** коричневато-зеленоватый цвет **хаки** (но слово это не японское, а индийское: на хинди оно означает **цвет земли**).

Вскоре в строю у Перовского оставалось всего 1 900 человек.

Верблюдов было уже 5 200, но из них только 2 500 “годных для дальнейшего пути”.

Искомая цель оказалась заведомо недостижимой. Однако обратный путь стал ещё мучительней. Морозы и снежные бураны сменялись проливными дождями, изнуряющей жарой, пыльными бурями. Всё это смахивало на преисподнюю, а ещё на некое, но неотвратимое наказание свыше.

В пути от болезней погибло ещё более 1 000 человек.

Медик Даль был вместе с Перовским в этом **несчастном** походе — так определили сию экспедицию её современники. Сочувственное упоминание о “генерале Василии Перовском” как о военачальнике, пытавшемся осуществить “давнишние планы, направленные против Хивы”, есть даже у Фридриха Энгельса, всеми признанного теоретика и практика военного дела.

См.: Фридрих Энгельс. Продвижение России в Средней Азии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Том 12-й, Госполитиздат, Москва, 1958, с. 614-619.

Даль в этом **несчастном** походе выполнял обязанности личного секретаря генерала и его доверенного лица и, по его (Даля) словам, **“скушал от безделья”**.

Не знаю, кого как, но меня почему-то покорило от такого признания. Уж лучше бы промолчал Владимир-Фердинанд Иванович и не наговаривал на самого себя напраслин. Всё-таки остались в истории военной медицины изобретённые им во время похода подвесные “койки” для перевозки больных на верблюдах. Правда, изобретать-то особо не пришлось. Обычное, правда, не от хорошей жизни, а от экстремальной ситуации, скажем так, заимствование: именно аналогичным способом преодолевали на Великом шёлковом пути огромные расстояния многие купцы торговых караванов.

А Фердинандом Даль звался официально, пока под конец жизни (в 1871 году) не принял православия. А до того был в лютеранах и гражданскую присягу на верность Государю и Отечеству 20 января 1834 года принимал тоже как лютеранин.

В Оренбург отряд Перовского вернулся 2 июня 1840 года с 1 200 больными солдатами и офицерами.

Но — подчёркивал Энгельс в своей статье “Продвижение России в Средней Азии” — “тем не менее официальная цель похода была достигнута: в то время как Англия до сих пор ещё не смогла

отомстить за убийство в Бухаре своих послов Стоддарта и Конноли, хан Хивинский отпустил на свободу всех русских пленников и отправил в Санкт-Петербург посольство, чтобы просить о мире”.

Лишь 33 года спустя, 28 мая 1873 года, русские войска под командой генералов Кауфмана и Верёвкина овладели Хивой. Причём одна часть крепости оказала Верёвкину довольно жёсткое сопротивление, а другая же часть — устроила Кауфману торжественную встречу.

Однако об этом Перовский с Далем уже никогда не узнали.

Перовский из жизни ушёл в 1857 году. Даль — в 1872-м.

По самый гроб для Перовского военный поход на Хиву стал глубокой психологической травмой и несмываемым позором, хотя сам Государь вывел своего фаворита “Базиля” из-под всех возможных ударов и, как говорится, для полной ясности навсегда постарался замять это прискорбное дело и никогда не вспоминать о нём. Не потому ли и “Письма о Хивинском походе”, сочинённые Далем, тоже не нашли своих переиздателей, читателей и сочувственников.

Естественно, Перовский был очень благодарен Государю за столь широкое великодушие, но сам про себя навсегда проклял любые походы и войны.

Впрочем, едва ли война, эта, по Ницше, “*гигиена человечества*”, сделала кого-то, даже из самых великих и удачливых её полководцев (или *псов войны*), счастливым.

Военный гений Суворов, отменно владевший европейскими языками, цитировавший в разговорах и письмах Вольтера, Руссо, Монтескье, Филдинга, всю свою жизнь мечтал быть вовсе не баталистом, а — стать литератором.

Даже Наполеон под занавес своих земных дней признался вполне заведательно:

“Война — это мерзость”.

А уж о полководцах (и *псах войны*) XX века не говорю.

Кюй “Бал Брауна” вместе с “Маршем Перовского” могли утешить и приуспокоить (можно даже сказать сравнительно редким словом: *улещить*) того, кому были посвящены.

И наверняка утешали и приуспокаивали.

Доказательно утешали и приуспокаивали своей необычной парадигмой: предельно правдивой неправдою, пафосным утверждением того, что в жизни и смерти людей даже самые горькие неудачи и провальные поражения тоже могут быть неодолимо победоносными.

IV. Карл Маркс и Фридрих Энгельс: сразятся ли казаки с сипаями?

Вернусь, однако, к обстоятельному, прежде всего по своим прогнозам труду Фридриха Энгельса “Продвижение России в Средней Азии”, значительная часть которого посвящена Перовскому и его деяниям во благо осуществления глобального плана, по Энгельсу, замышленного ещё первым российским Императором (до того были просто цари-государи) Петром Великим, а именно — овладения Индией.

С точки зрения современной геополитики такой план может показаться сущей утопией, более того — плодом стратегической бредоносности. Однако Пётр Первый в XVIII веке смотрел на это совершенно другими глазами, и его геополитические устремления прекрасно понимал в XIX столетии Фридрих Энгельс.

Аппетиты Императора, которого в России называют **Великим**, а в Турции — **Сумасшедшим**, были под стать как тому, так и другому определению.

См.: Сервет Сомунджуоглу. 300 лет на чужбине: донские казаки (в Турции). Ежеквартальный международный культурно-интеллектуальный журнал “DA — Dialog Avrasya” — “ДА — Диалог Евразия”, Стамбул, 2005, № 16, с.43.

В отношении южных от Российской империи пространств тоже.

Но тем не менее, если бы не лютая дворцовая расправа с Императором Павлом Первым (и последним), то начатый им через Казахстан поход на Юг обернулся бы **“добровольным присоединением”** Индии отнюдь не к Британской короне, а — к России.

Энгельс полагал российских императоров Николая Первого и Александра Второго непосредственными восприемниками геополитических замыслов и устремлений Петра Великого и Павла Первого, а генерала Перовского с его первым неудачливым походом на Хиву (1839-1840) и успешным взятием кокандской крепости Ак-Мечеть (1853), а также повторно предпринятым им рейдом в сторону Хивы (1854), обернувшимся её бескровным подчинением России, — поэтапным и непосредственным исполнителем (практическим реализатором) таких замыслов.

Свои взгляды на фигуру Перовского и его военные акции, тесно связанную с ними стратегию России в её продвижении в Средней Азии Энгельс, сам обладавший богатой военной практикой (как непосредственный участник ряда крупных сражений с прусскими войсками в 1849 году, командующий артиллерией повстанцев и т. д.) излагал, по меньшей мере, трижды.

Ещё при жизни Перовского в газете “Нью-Йорк Дейли Трибьюн” 19 февраля 1857 года (№ 4941) в качестве передовой статьи был опубликован аналитический обзор Энгельса “Перспективы англо-персидской войны”, где он вспоминал про первую противохивинскую экспедицию Перовского как о гиблом мероприятии.

Спустя без малого два года он существенно скорректировал свою точку зрения на этот поход Перовского и справедливо отметил, что, несмотря на общую неудачу, его “официальная цель была достигнута”, то есть **поражение Перовского стало не чем иным, как победоносным**, выше уже цитировалось: **“хан Хивинский отпустил на свободу всех русских пленников и отправил в Санкт-Петербург посольство, чтобы просить о мире”**.

Свою аналитическую статью “Продвижение России в Средней Азии” Энгельс, придавая особое значение этой теме, опубликовал в самой читаемой газете мира — “Нью-Йорк Дейли Трибьюн” в качестве передовой 3 ноября 1858 года, а затем с коррективами Маркса дублировал в не менее авторитетной газете “Free Press” (“Свободная пресса”) — 24 ноября 1858 года.

Историки сталинской формации и более поздние кремлёвские служители музыки Клио не жаловали эти публикации. Всё-таки (а куда

денешься?) переведённые на русский язык и со скрежетом зубным “своевременно” (ровно через 100 лет после их появления!) включённые в 1958 году в 12-й том Сочинений Маркса и Энгельса, ни в какой научный оборот затем они не вводились, поскольку уж очень обнажённо (верно, не совсем объективно) представляли мировому общественному мнению конца 50-х годов XIX столетия гегемонистские вождения Зимнего дворца и Кремля. Во всяком случае, для расхожих парадных цитат эти публикации никак не годились и потому в СССР из года в год пребывали в самой густой тени их намеренного полужабвения.

Вот почему совсем не лишне (хотя бы вкратце) освежить в нашей памяти то, что говорил (писал) о Перовском и его роли в российской геополитике один из основоположников “самого передового в мире учения” (Энгельс), а другой основоположник (Маркс) его корректировал.

Итак, читаем у Энгельса:

“Недостаток воды исключал возможность предпринять экспедицию летом. Поэтому Перовский избрал зимнюю кампанию и выступил из Оренбурга в ноябре 1839 года.

Результат известен.

Тогда Перовский принялся за подготовку коммуникационной линии через Киргизскую (читай: Казахскую. — **В. В.**) степь. Не прошло и полутора лет, как уже приступили к работе научные и инженерные экспедиции, которые под военной охраной обследовали всю область к югу от Яксарта (Сыр-Дарья) и Аральское море. Были исследованы свойства почвы, наилучшие направления для дорог и самые удобные места для колодцев...

Следующий шаг был сделан в 1847 году, когда был воздвигнут форт на реке Сыр-Дарье приблизительно в 45 милях от её устья; этот форт был назван — Аральское... В 1848 и 1849 годах море было впервые исследовано; была открыта новая группа островов, и они тут же были отведены под главную стоянку Аральской паровой флотилии... На острове против устья Сыр-Дарьи был воздвигнут другой форт, и в то же время была ещё более усилена и закончена коммуникационная линия между Оренбургом и Аральским морем.

Перовский, который в 1842 году оставил свою должность командующего Оренбургскими войсками, теперь снова вернулся на свой пост и весной 1853 года двинулся со значительными силами к форту Аральское. Переход через пустыню был совершён без особых затруднений, после чего армия направилась вверх по Сыр-Дарье, в то время как мелкосидящий пароход сопровождал её по реке. Перейдя к Ак-Мечети, крепости, расположенной приблизительно в 450 милях вверх по течению реки и принадлежавшей Хивинскому хану, русские взяли её приступом и немедленно превратили в свою собственную крепость, причём так успешно, что когда в декабре того же года кокандская армия напала на неё, нападающие потерпели полное поражение.

В 1854 году, когда внимание Европы было приковано к военным действиям на Дунае и в Крыму, Перовский с 17-тысячной армией двинулся на Хиву от своей новой операционной базы на Сыр-Дарье. Но хан не стал дожидаться его прибытия на Оксус (Аму-Дарью. — **В. В.**). Он отправил послов в русский лагерь, и они заключили договор, **по которому хан Хивы признал верховную власть России** (курсив Энгельса. — **В. В.**), уступил

ей право объявления войны и заключения мира, передал ей неограниченную власть над своими подданными, предоставил право устанавливать караванные пути, назначать пошлины и таможенные сборы и регулировать торговлю по всей Хиве на вечные времена. В Хиве водворился русский консул, который, как представитель русского правительства, взял на себя такие обязанности верховного арбитра во всех политических делах Хивы.

С подчинением Хивы вопрос о покорении Туркестана по существу был решён... Ханы Коканда и Бухары также отправили посольства в Санкт-Петербург; заключённые с ними договоры не были опубликованы, но об их содержании легко догадаться.

... после быстрых, бесшумных и непрерывных успехов, достигнутых Россией в Туркестане за последние 25 лет, можно с уверенностью сказать, что её флаг вскоре будет развеваться над горными проходами Гиндукуша и Болортага.

С военной точки зрения огромное значение этих завоеваний заключается в том, что благодаря им создано ядро операционной базы для наступления на Индию; и в самом деле, после такого глубокого проникновения русских в центр Азии план нападения на Индию с севера уже покидает область туманных предположений и приобретает до некоторой степени определённые контуры.

... Совершенно ясно, что если продвижение русских будет продолжаться тем же темпом и с той же энергией и последовательностью, как в течение последних 25 лет, то уже через 10 или 15 лет **москвиты** будут стучаться в ворота Индии. Стоит им только пройти Киргизскую (Казахскую) степь, как они окажутся в сравнительно хорошо обработанных и плодородных областях Юго-Восточного Туркестана, завоевание которого никто не может у них оспаривать и который без усилия и напряжения сможет в течение многих лет содержать армию в пятьдесят или шестьдесят тысяч человек, совершенно достаточную для похода куда угодно, вплоть до Инда. Такая армия за 10 лет может полностью покорить страну, создать охрану для постройки дорог, для колонизации обширных пространств земли русскими государственными крестьянами (как это сейчас на берегах Аральского моря), держать в страхе все окружающие государства и подготовить операционную базу и коммуникации для похода в Индию.

Будет ли такой поход когда-нибудь предпринят, зависит от политических условий, которые в настоящее время могут служить лишь предметом отдалённых предположений”.

Карл Маркс снял в тексте, уже опубликованном “Нью-Йорк Дейли Трибьюн” 3 ноября 1858 года последний абзац статьи и вместо него в газете “Free Press” за 24 ноября 1858 года было напечатано:

“Мы ручаемся, что ни один военный, изучивший географию этой страны, не станет этого отрицать. А если наши предположения правильны, то схватка между “казаками и сипаями” (если к тому времени ещё найдутся сипаи, которые пожелают сражаться за Англию) произойдёт не на берегах Оксуса (Аму-Дарьи), как предполагали прежде, а на берегах Кабула и Инда”.

Таким образом по Энгельсу и Марксу выходило, что не кто иной, как именно Перовский своими стратегическими приуготовлениями вручил

Государю Николаю Первому, а в его лице и всей России не что иное, как ключи от ворот Индии, и Россия вот-вот (для истории срок в 10-15 лет — это миг!) вставит эти ключи в замочные скважины.

Так ли это?

Конечно же, не так.

Ни через 10 лет — в 1868 году, ни через 15 лет — в 1873 году **москвиты** не постучались в ворота Индии.

Сменивший Николая Первого Государь Александр Второй не раз возвращался к поданной ему ещё 21 ноября 1864 года в Царском Селе Записке двух едва ли не самых толковых государственных мужей России.

Они писали:

“Всякое новое завоевание, увеличивая протяжение наших границ, требует значительного усиления военных средств и расходов, между тем как подобное расширение владений не только усиливает, а ослабляет Россию... Приняв за основание, что (наше) правительство не желает завоеваний в Средней Азии, виды наши в этой стране можно ограничить. Горчаков. Милютин”.

Первый — “русский Бисмарк”, светлейший князь Александр Михайлович Горчаков, государственный канцлер и глава Министерства иностранных дел.

Второй — сиятельный граф Дмитрий Алексеевич Милютин, профессор и академик, военный министр, прекрасный реформатор российской армии и флота.

Так как распорядился он, Ак-Патша — Белый царь этим весомым суждением?

Отверг его напрочь?

Поставил на нём крест?

Ушёл от него в сторону?

Нет — не отверг, не поставил и не ушёл. А, тщательно выписав букву за буквой, начертал:

“Исполнить!”.

Воля царская!

А выполнена не была! Не всё, оказывается, ей подвластно. Есть в мире неодолимые вещи, над которыми, говоря словами пролетарского гимна, не властны “ни бог, ни царь и ни герой”. Некая Высшая Сила исподволь формирует эти вещи — по своим чертежам.

Понимал ли это Александр Второй, как полководец Кутузов у Льва Толстого в “Войне и мире”?

Наверное, да.

Ни Энгельс, ни Маркс никак не могли быть раньше времени знакомы с Запиской Горчакова и Милютина, а также с настроениями самого Государя Александра Второго.

Будь иначе, они и свои прогнозы построили бы совершенно по-другому.

Не до Индии и её дивных чудес было сермяжной матушке России. Своих бед и забот хватало по горло и выше.

Продолжение в следующем номере.

Илья ШУХОВ

В кривом зеркале энциклопедии

В наше время беспредельной вседозволенности и либерализма всё чаще приходится сталкиваться с фактами, которые иначе как вопиющими не назовёшь. Испокон вот известно: все врут календари. Но — чтобы ввали энциклопедии! Ведь во всех словарях понятие сие означает — научное справочное издание. Но, увы, похоже и это теперь уже в прошлом...

Недавно довелось ознакомиться со статьёй из солидного тома “Русские писатели 20 века”, изданного в Москве в 2000 году. Статья об Иване Петровиче ШУХОВЕ (1906 — 1977), моём отце, подписана неким И. В. Кондаковым. (Далее буду именовать автора инициалом — К.).

Надо ли говорить, сколь отраднo было встретить отцовскую фамилию, особенно если учесть, что статьи о Шухове, ранее неизменно включавшиеся в энциклопедические справочники, вдруг стали, по чьему-то произволу, из новых выпусков исчезать. Однако вместо радости пришлось испытать чувство глубокого негодования и огорчения.

“Повезло” же русскому писателю с душой и талантом, сибирскому казаку родиться далеко за пределами Садового кольца и даже России — аж в соседнем Северном Казахстане, в целых двенадцати верстах от теперешней государственной границы! А то, что его литературный путь, осеждённый Максимом Горьким, начинался именно в Москве, с которой потом почти полвека, до конца дней, связывали писательские, редакторские, дружеские узы, — так это, по мнению столичных снобов, было давно и — хотелось бы им думать — неправда.

Но только факты — вещь упрямая, их нельзя просто взять и отменить. А вот исказить, подтасовать, перетолковать по-своему, умолчав о важном и выпятив несущественное, выставить фигуранта в кривом зеркале — это всегда пожалуйста. Да если бы ещё просто по невежеству, а то ведь, судя по плотности нагнетаемого негатива — с вполне определённым умыслом. Что наглядно и демонстрирует названная выше статья.

Для восстановления истины придётся прокомментировать едва ли не каждый абзац этого в высшей степени безответственного, тенденциозного сочинения.

Начать с того, что статья компилятивна. “Стройматериалом” тут послужил текст биобиблиографической справки и указателя произведений И. П. Шухова, взятый из справочника “Русские советские писатели — прозаики” (том 6. Часть вторая. “Книга”. Москва, 1969). Оттуда перекочевали и всякого рода неточности.

Одна только деталь: и там, и здесь в образовательный ценз Шухова включены Петропавловский педтехникум и Омский рабфак, но — не назван московский Литературный институт имени В. Брюсова, где он завершил своё образование. И потому ничтоже сумняшеся К. наделяет Шухова довольно непрезентабельным титулом “писателя-самоучки”.

Необъективность, искажённость ракурса, обилие откровенно уничижительных характеристик — всё это само бросается в глаза.

Во-первых, непомерно много места отводится начальному этапу шуховского пути, самым ранним разножанровым публикациям в периодике,

которые будущий писатель, пришедший, по его словам, к литературе от газеты, рассматривал “как подготовительно-лабораторные опыты перед первой большой серьёзной работой”. (Статья “За высокое идейно-художественное качество”. Журнал “Рост”, 1932, № 8).

Похоже, искусственно затянутый рассказ о периоде писательского ученичества понадобился главным образом для словесной “артподготовки”. Текст буквально пестрит отрицательными эпитетами: “литературная беспомощность”, “безликость”, “немотивированность сюжетных ходов”...

Характерно, что, нагнетая всё это, К. не счёл нужным упомянуть о ранних шуховских новеллах об атамане Анненкове из цикла “Чёрный круг” — “Выбор прицела”, “Рассказ о девичьих косах”, “Последняя песня Котур-Тага”, опубликованных в журнале “Земля советская” (1932, № 1). Между тем, эти новеллы, своего рода стихотворения в прозе, в которых Шухов, по словам талантливого поэта Павла Васильева, показал себя “границей самоцветов”, были впечатляющим результатом неумолимых творческих поисков молодого писателя.

Переходя, наконец, к разговору об основных произведениях — романах “Горькая линия” и “Ненависть”, сделавших имя автора широко известным, К. и здесь вовсю нажимает на негатив, объясняя успех этих романов исключительно актуальностью тематики и полностью игнорируя их яркость и своеобразие. Слово речь идёт не о художественных творениях, а о неких историко-социологических трактатах.

Роман “Ненависть” уже к 1935 году выдержал девять изданий многотысячными тиражами. На его основе автор создал пьесу “Беглый огонь” и сценарий кинофильма “Вражьи тропы”. Согласно К., в заглавной идее произведения — налицо лишь “установка на воспитание в людях жестокости и безжалостности к врагам, презрения к гуманизму в эпоху Великого перелома”.

Но читатели, а среди них и коллеги-литераторы, увидели здесь гораздо большее.

Только два письма из шуховского архива.

Юрий Казаков: “... того, что Вы сделали — Ваших прекрасных романов, которые уже пережили не одно десятилетие, и Вашей настоящей работы, — всего этого вполне достаточно, чтобы юбилей Ваш был весёлым и гордым.

Вы можете смело сказать каждому: “Попробуй-ка с моё!” — а это ведь так хорошо, когда, оглянувшись на свою жизнь, можно так сказать.

Москва, 24 октября 1966 г.”

Фёдор Абрамов: “Дорогой Иван Петрович!

“Горькую линию” получил. Большое спасибо. Не читал лет 25. Как-то она сейчас звучит? И “Ненависть” Вашу жду. В своё время — я и говорил Вам об этом — она на меня очень сильное впечатление произвела.

Москва. 31.12.75 г.”.

Первым же читателем и критиком названных романов был не кто иной, как Алексей Максимович Горький. До конца своих дней Шухов был признателен великому писателю, бережно хранил подлинники трёх горьковских писем, а также членский билет Союза писателей СССР за номером 733 с подписью: “Председатель — М. Горький”.

Естественно, совсем обойти эту тему К. не мог. Он привёл цитату (неточную) из письма Горького, но при этом предварил цитирование надуманным, голословным тезисом — о “важной, хотя весьма противоречивой

роли”, которую, якобы, сыграл патриарх советской литературы в судьбе молодого писателя.

В чём же состоит эта “противоречивость”? В том, что, по мнению К., Горький перехвалил Шухова, поставив его в ряд с Шолоховым и Панфёровым. Кроме того, горьковскую оценку К. трактует как “тенденциозную и заключающую в себе скрытый политический подтекст”.

Попробуем разобраться.

Горький писал автору в тоне советов и пожеланий: “Чем более экономно, точно, ярко Вы изобразите словами явления социальной жизни — тем более убедительной будет социальная педагогика Вашей книги”. В статье же эти слова подаются в виде констатации: “ром. III. “Ненависть” гораздо более продвинут в плане социальной педагогики по сравнению с ром. Панфёрова (особенно его 3-й частью) и с “известным” романом Шолохова; он скорее противостоит “мужицкой силе”, чем воспекает её”.

Чтобы развить взятый с потолка тезис, К. абсолютно безосновательно утверждает: “В ходе полемики с А. Серафимовичем и Ф. Панфёровым Горький начал сомневаться в собственной оценке, данной первым романом молодого прозаика”.

Между тем в ходе той дискуссии о языке ни Шухов, ни его романы не упоминались вовсе!

Но К., войдя, что называется, в раж, трактует письмо Горького от 5 марта 1934 года не иначе как “гневную отповедь”, которой тот, будто бы, “разразился”, ознакомившись с рукописью новой повести Шухова “Поединок”.

Да, в том письме (и на полях рукописи) Алексеем Максимовичем был сделан ряд замечаний. Но, сгущая краски и занимаясь при этом явной отсебятиной, К. добавляет претензии, которых у Горького нет: “искусственность сюжета”, “языковые ошибки”, “засилье диалектизмов”.

За засилье диалектизмов Горький резко критиковал Панфёрова. Таким образом, Шухову приписываются чужие грехи. К. так увлёкся, что, не постеснявшись сослаться на источник — “Собр. соч., т. 30, с. 338-339”, — приписал от себя Горькому и следующее резюме: “автор не критичен по отношению к себе и своему творчеству” и даже: “первый успех избаловал и развратил его”.

Расставив все эти ложные фишки, К. счёл за благо умолчать о положительных оценках в упомянутом письме: “Посмотрите, как хорошо, уверенно и крепко сделаны Вами: начало “Поединка”, опубликованная в “Переломе” сцена Дыбина и близнецов, как ярко даны Любка, гармонист, Азаров, Шмурыгин и ещё многое”.

И — самое главное: в ущерб объективности, в угоду своей узкой, заданной схеме К. “не заметил” и знаменитую, ключевую горьковскую характеристику: “у Вас хорошее, здоровое, революционное дарование, его необходимо расширить, углубить”.

Никак не работает на “отповедь” и такой невыгодный для К., а возможно, и неведомый ему факт: вскоре после прочтения рукописи, 8 марта 1934 года, Алексей Максимович пригласил Шухова к себе на дачу в Горках под Москвой. Беседовали, в частности, и о “Поединке”, о допущенных автором просчётах. С большой теплотой и сердечной благодарностью Шухов писал об этом в своих воспоминаниях “Встречи с А. М. Горьким”, опубликованных в 1938 году в третьем номере журнала “Литературный Казахстан”. Здесь писатель признаётся, что ему многое пришлось передумать, многое

перестроить в произведении сообразно с теми замечаниями, которые сделал ему Алексей Максимович, и это стоило немало трудов и усилий.

К. же старается создать впечатление, будто Шухов проигнорировал данные ему советы и поспешил напечатать роман в журнале “Октябрь”. Журнальные публикации действительно были, но отдельным — переработанным — изданием роман вышел в московском Гослитиздате в 1936 году.

Как видим, не существует буквально ни одного свидетельства сомнений Горького по поводу собственной оценки первых шуховских романов. Но, чтобы подтвердить свой надуманный тезис, К. вновь использует приём подтасовки и беспардонного обмана. Ширмой для этого служит разговор об острой борьбе, развернувшейся в 1934-35 годах в окружении Горького. Тогда решался вопрос об укреплении руководства Союза писателей. Вот как это подаёт К. “Горький... полагал, что малограмотные люди не имеют права руководить более профессиональными и талантливыми литераторами, развернув в печати дискуссию “о языке”, апофеозом которой явилась его серия статей “Лит. забавы” (Правда, 1935, 18 и 24 янв.), в которых он не только резко выступил против засилья малограмотных писателей-партийцев, но и пренебрежительно указал на ряд их лит. выдвиженцев, плохо владеющих языком и отличающихся крайне низкой культурой, компенсируемой классовым чванством и полит. претенциозностью. Среди этой группы писателей фигурировал и Ш.”.

Последняя фраза — плод выдумки К.: ни в одной из статей “Литературные забавы” фамилии Шухова опять-таки нет! А есть следующие: Д. Мирский, З. Штейман, С. Гехт, Пильняк, Ф. Панфёров, Кретов, Подобедов.

Расчёт К., видимо, был простой: статьи “Литературные забавы” труднодоступны, известны только узкому кругу исследователей, так как не вошли даже в самое полное, 30-томное Собрание сочинений Горького. Риторический вопрос: читал ли их сам К., прежде чем сделал своё очередное — подленькое — “открытие”?

Но — и этого мало: “Опала Горького и его смерть, смена руководства СП не облегчили положения Ш. Его писательская слава быстро закатилась, на смену ей пришло настороженное отношение к выскочке”.

Что за странная, вывернутая логика: почему смерть Горького должна была “облегчить положение”? Эту кончину Шухов тяжело пережил, наряду с другими “катастрофами и потрясениями”, которые, как сообщил он 4 декабря 1936 года в письме А. А. Есениной и её мужу П. И. Ильину, причинил ему “проклятый тридцать шестой год”. (И. П. Шухов. Собр. соч., т. 5, с. 611. Алма-Ата, 1983).

Что же до заката славы... Писательские пути редко бывают гладкими и ровными, а тем более — в такие жестокие годы. Слава действительно была. И немалая: книги Ивана Шухова находились среди других не где-нибудь — в кремлёвском кабинете Сталина. Сталин читал их, делал закладки между понравившимися страницами. Кстати, может быть, и поэтому Горький в письме Сталину от 2 августа 1934 года, сообщая об излишнем захваливании Панфёрова в книге о нём “какого-то Гречишников”, отмечает: “Разумеется, в книжке этой нет ни слова о “Поднятой целине” Шолохова и о “Ненависти” Шухова. Вполне естественно, что на этих авторов неумеренное восхваление Панфёрова действует болезненно и вредно”. (Два письма Сталину. Публикация В. С. Барахова. “Литературная газета”, 10 марта 1993 года).

Словом, шуховским “собратьям по перу” и впрямь было чему завидовать. Такова уж писательская среда: чем талантливее и ярче были носители этой славы, тем яростнее жалили их те, кто, по выражению Горького, был обижен на собственную бездарность.

Когда Горького не стало, к руководству Союзом писателей пришли новые функционеры. Генеральным секретарём СП стал бывший рапповец и партийный работник В. Ставский — прозаик, журналист, автор очерковых повестей “Станица” (1928) и “Разбег” (1930). Начало его писательской деятельности оказалось синхронным с шуховским, однако было куда менее заметным.

При Ставском стало сбываться то, что прозорливо предсказал Горький в упомянутом письме Сталину. “Сейчас, — писал он, — происходит подбор лиц, сообразно интересам честолюбцев, предрекающий неизбежность мелкой, личной борьбы группочек в Союзе, борьбы вовсе не по линии организации литературы как силы действующей идеологически едино”. И в заключение, обосновывая свою просьбу об освобождении от председательства в Союзе по причине слабости здоровья и загруженности литературной работой, признался: “Председательствовать я не умею, ещё менее способен разбираться в иезуитских хитростях политики группочек”.

А вот вновь пришедшие в СП литфункционеры оказались в этом плане более “смекалистыми”. Чему, впрочем, не могла не способствовать и усиливавшаяся в обществе, стране атмосфера подозрительности, доносительства и страха.

Здесь-то и решили кое-кто из оказавшихся “у руля”, что настала пора поквитаться с дерзостно-талантливым чужаком. Поводов к тому оказалось несколько, и гонители сразу пошли ва-банк.

9 мая 1937 года в “Комсомольской правде” была опубликована статья-компромат “Личная жизнь писателя Шухова”, подписанная инициалами “В. В.” Причём публикация сопровождалась сообщением, что в тот же день, 9 мая, она обсуждалась на заседании Союза писателей и была признана правильной. Ясно, что всё это было спланировано заранее. Заседание вёл генеральный секретарь СП В. Ставский, озвучивший, как теперь принято говорить, содержащееся в “разоблачительной” статье политическое обвинение — в том, что Шухов дружит с Павлом Васильевым, называет его “лучшим советским поэтом”, прикрывает его “антисоветскую деятельность”. Павел Васильев, находившийся в те дни в тюрьме, назывался в статье “бандитом”. Вскоре он был расстрелян как “враг народа”.

Можно себе представить, какая угроза нависла в те дни над Шуховым.

Касаясь драматического момента в судьбе молодого писателя, К. пишет, будто заступников у него тогда не оказалось. Это утверждение ошибочно. Иначе для Шухова всё кончилось бы, безусловно, трагично. К счастью, заступники нашлись. И главным был не кто иной, как сам... Сталин. На его имя Шуховым было передано письмо, в котором он просил защитить себя от произвола. Спустя две недели в центральных газетах появилось краткое сообщение от Прокуратуры СССР о прекращении дела И. П. Шухова в виду отсутствия состава преступления. И тот же Ставский, повернувшись на 180 градусов, поручил старшему референту СП Г. А. Бровману узнать, где остановился Шухов. “Ему, сказал он, надо ведь помочь материально! Небось, нуждается?..”.

Эти факты впервые стали мне известны из письма Григория Абрамовича Бровмана от 12 июля 1978 года, которое он прислал мне как секретарю Комиссии по литературному наследию И. П. Шухова. Обнародованы они были позднее — в журнале “Простор” (1991, № 11), в моей документальной повести “Ветер разлуки”. И уж совсем недавно писатель и журналист Асхад Хамидуллин назвал и имя автора той скандально-безобразной статьи. Им был член редколлегии “Комсомольской правды” в 1934–1938 годах З. Румер. (Феномен таланта. Эскизы к биографии Ивана Шухова. “Простор”, 2000, № 1)...

Вернёмся к энциклопедии. За тезисом об отсутствии у молодого писателя заступников следует фраза: “В кон. 1937 Ш. внезапно уехал в Казахстан, и это, возможно, спасло ему жизнь”. Опять-таки неверное суждение. Во-первых, надо иметь в виду, что, “внезапно” уехав из Москвы, Шухов всего-навсего вернулся в свою родную станицу Пресновку, где ему всегда спокойно жилось и работалось. А, во-вторых, в те жуткие годы скрыться от всесильных карающих органов, да ещё такой известной личности, было делом абсолютно нереальным!

Касаясь “послемосковского” периода биографии Шухова, К. продолжает уснащать комментарий снижающими характеристиками: “Шухов “затерялся” в молодой казахской литературе”; его пьеса “Заговор мёртвых” (1938) осталась незамеченной”; “Поэма о возвращённом зерне” вызвала резкий, насмешливый окрик в центральном партийном органе Казахстана”; роман “Действующая армия” (1940) “несмотря на актуальность тематики, потонул в провинциальной периодике и остался незамеченным”. Хотя причём тут актуальность, если события в романе происходят в 1916 году?

Затем, перечислив ряд газетных очерков Шухова военной поры, К., повторяя ошибку, допущенную в справочнике 69-го года, отмечает: “Параллельно Шухов работал над воспоминаниями о старом Омске”. Фактически же отец не имеет к этому никакого отношения. Воспоминания “Картины старого Омска” (“Омский альманах”, кн. 5, 1945) принадлежат перу однофамильца Иннокентия Шухова, попавшего в перечень публикаций по невнимательности библиографов.

Следующий пространный абзац, посвящённый шуховской “Метели”, кажется, сконцентрировал в себе сразу все пороки “научно-критического метода” К. — некомпетентность, верхоглядство, полное незнание первоисточников, бездумное или злонамеренное повторение чужих субъективных суждений и оценок.

“В ж. “Сибирские огни” (1946. № 1) Ш. напечатал новый роман о совр. колхозной жизни “Метель” (др. название “Накануне”). Слабость, безжизненность, тенденциозная заданность (апологетика сов. строя) романа были очевидны”. И далее: “В № 4 “Сибирских огней” за тот же год А. Караваева (в нач. 30-х гг. она вместе с Ш. работала штатным лит. консультантом ж. “Рост”) публикует открытое письмо редакции журнала, в котором подвергает сочинение Ш. резкой и справедливой критике, отмечая неправду и фальшь в изображении послевоен. деревни, натурализм, языковое безвкусие, профанацию колхозной темы, идейную аморфность, а под конец — не без влияния полит. конъюнктуры — приписывая автору подражание “дурным” образцам: М. Зощенко, Э. Хемингуэй, Дос Пассосу”.

Здесь ложь — на каждом шагу! В “Сибирских огнях” был напечатан не роман, а лишь одна глава из него. А каково насчёт слабости и

безжизненности? Лидия Сейфуллина, прочитав “Накануне”, так отозвалась о художественном мастерстве Шухова: “Какие чудесные типы им нарисованы! Это — скульптура, лепка”. (“Сейфуллина в воспоминаниях современников”. “Советский писатель”. Москва, 1961, с. 97).

А вот оценка Всеволода Иванова. В мае 46-го он сообщал в письме редактору “Октября” Фёдору Панфёрову: “Я прочёл начало романа Ив. Шухова “Метель”... судя по тому, что я прочёл, роман обещает многое. Он написан хорошо, отличным языком, психология героев очерчена тонко. Повторяю, трудно судить по началу, но недостатком романа, быть может, является одно — слишком медленное развитие действия. Впрочем, я только гадаю, не больше. Во всяком случае, если роман окажется весь написанным так же, как главы первые, — я высказываюсь за печатание его в “Октябре”.” (Вс. Иванов. Собр. соч. в 8 томах. Москва, 1978, т. 8, с. 636).

Вот именно — трудно судить по началу. А тем более — по одной-единственной главе. Караваева же — судит. Да ещё как — прокурорско-непререкаемым тоном зашоренного, сугубо партийного критика. Выйдя сама из тех же “Сибирских огней”, она менторски поучает своих бывших коллег: “У вас, редколлегии журнала, должен быть не только богатый портфель — вы ... должны... помочь писателям глубоко и плодотворно для своего творчества продумать политические уроки и замечательные идейно-художественные советы, которые заключены в исторических постановлениях ЦК ВКП(б) о журналах “Звезда” и “Ленинград” (с. 119).

Не зря первый редактор “Сибирских огней” Владимир Зазубрин в статье “Литературная пушнина” — по поводу пятилетия журнала — так отозвался о писательнице: “В литературе она ... торопится, от этого её вещи хуже того, что она может дать. Как-то Караваева писала:

— О чём бы я ни писала, я всегда думаю о нашей борьбе, о своей партии, о её великом пути...

Это хорошо. Но плохо, что это видно в её повестях. Читатель часто видит, как она думает о путях партии и забывает о путях литературы”. (“Сибирские огни”, 1927, № 1).

Именно так, забывая о путях литературы, из зависти к художественной силе шуховского творчества и клеймит партийная дама колоритную главу — за то, что в картине, написанной Шуховым, предстаёт “кулацкая свадьба в кондовой сибирской станице” с её бесшабашной удалью, разгулом, “торжеством сверхсытой и пьяной плоти”.

И следом — прямое политическое обвинение: “Если редакция не была осведомлена, чьи именно песни распевают герои романа, то ведь самому Шухову известно, что эти песни принадлежат перу антисоветского поэта...”.

Под “антисоветским поэтом” подразумевается талантливый, загубленный режимом Павел Васильев.

Так в открытом письме Караваевой ещё раз откликнулись для Шухова наветы, едва не приведшие в 37-м к трагической развязке. И поразительно, что в современном энциклопедическом издании такая “критика” нарекается справедливой!

Правомерно спросить К., читал ли он это начётническое письмо? Где неправда и фальшь в изображении “послевоен. деревни”, если события в главе происходят накануне войны? И — как можно было писать справочную статью, не разобравшись, что упрёк Караваевой в подражании “дурным” образцам адресован вовсе не Шухову, а — ныне забытому литератору

Ф. Олесову, автору романа “Прощание молча”, разнос которого и занимает в письме главенствующее место?!

Хотелось бы теперь вернуться к мимоходом брошенной К. фразе о “затерянности” Шухова после того, как он “внезапно” покинул Москву. Да, после возвращения из столицы писатель всю жизнь прожил в Казахстане, в родной Пресновке (напомню, в двенадцати километрах от границы с Курганской областью) и в Алма-Ате. Однако о какой затерянности может идти речь? Главное свидетельство включённости писателя в жизнь — его книги. За всё это время их выходило немало — в Москве, Алма-Ате, Новосибирске. В годы освоения казахстанских целинных просторов Шухов, живя на своей малой родине, оказался в центре больших событий. Его очерки публиковались в “Литературной газете”, “Правде”, “Известиях”, “Сельской жизни”, “Комсомольской правде”, в журнале “Октябрь”... Одна за другой выходили книги: “Покорители целины” (Москва, “Молодая гвардия”, 1955), “Золотое дно” (Москва, “Правда”, 1957), “Степные будни” (Алма-Ата, Казгослитиздат, 1958); сборник очерков был переведён и издан в Китае.

В 1959 году (а не в 1958 — как пишет К.) Шухов в составе делегации советских писателей и редакторов, возглавлявшейся Александром Чаковским, побывал в США и написал об этом книгу “Дни и ночи Америки” (Алма-Ата, Казгослитиздат, 1960), пусть “в меру описательную и идеологичную” (по выражению К.), но живо повествовавшую о заокеанской стране, скрытой тогда ещё пресловутым “железным занавесом”. Чтобы прочесть эту книгу, в библиотеках записывались в очередь...

И уж тем более ни о какой затерянности не приходится говорить, если иметь в виду деятельность Шухова в 1963–74 годах, когда он был главным редактором “Простора”, получившего такую известность, что московские идеологи во главе с всесильным М. Сусловым, “серым кардиналом”, негласно именовали казахстанский журнал вторым “Новым миром” и бдительно, во все глаза следили за ним. Не случайно “Новый мир” Александра Твардовского и шуховский “Простор” стояли рядом в восприятии огромного числа читателей необъятной страны.

За честь печататься в “Просторе” считали в те годы Вениамин Каверин, Константин Паустовский, Юрий Казаков, Борис Слуцкий, Илья Эренбург, Сергей Марков, Михаил Дудин... Тогда впервые в журнале были напечатаны: повесть Андрея Платонова “Джан”, классические ныне стихи Марины Цветаевой, Анны Ахматовой, Павла Васильева, Осипа Мандельштама; роман Вениамина Каверина “Двойной портрет”, рассказы Юрия Казакова “Нестор и Кир”, Фазиля Искандера “Последний хиромант”, воспоминания Александры Есениной “Брат мой Сергей Есенин”...

В труднейшее время, когда имя Бориса Пастернака произносилось только с бранью, Шухов дерзнул — опубликовал его пьесу в прозе “Слепая красавица”, и она стала известна всему миру.

В 1967 году присылал из Рязани свою повесть “Раковый корпус” Александр Солженицын. Рукопись он сопроводил письмом: “Уважаемый Иван Петрович! У меня возникла мысль предложить Вашей редакции посмотреть мою повесть “Раковый корпус” (1 часть). Я понимаю, что она трудна для напечатания. Но здесь есть (особенно в гл. 20) тёплые слова о Казахстане, о казахах — м. б. именно поэтому она легче подошла бы “Простору”?”.

А в конце письма — примечательный постскриптум: “Большой неожиданностью было для меня (уже после выхода “Ив. Денисовича”) совпадение

фамилии моего героя с Вашей. Простите! Но была неотвратимая потребность дать фамилию именно Шухов — и никакую другую!».

(Замечу попутно: интересно, обрадовался ли бы сам Солженицын, встретиться ему сейчас литературный персонаж с его именем и фамилией?..).

В библиотеках Москвы и Ленинграда записывались на “Простор” на месяц вперёд. В 1966 году, когда журнал напечатал документальную повесть Марка Поповского “Тысяча дней академика Вавилова”, на имя Шухова пришло письмо: “Два номера Вашего “Простора” пользуются в Ленинграде необыкновенным, истерическим успехом... Получил два номера на одну ночь — с 11 часов вечера до 10 часов утра. Юрий Герман”.

Строки из письма Фёдора Абрамова от 31 декабря 1975 года: “Хочу ещё сказать Вам великое спасибо за “Простор”. Были годы — мы охотились за ним...”.

А тема — два Редактора!

Существует легенда, что после разгрома “Нового мира”, перед своей кончиной Твардовский говорил: “Ничего... есть ещё Иван Шухов, есть ещё журнал “Простор”. (С. Баймухаметов. “Есть ещё Шухов...”, “Литературная газета”, 2001, № 30).

И — обо всём этом активнейшем, плодотворном “просторовском” периоде, охватывающем одиннадцать лет жизни Шухова, К. не обмолвился ни единым словом!

В “Просторе” в 1970-73 годах увидели свет и последние произведения Шухова — автобиографические повести “Колокол”, “Трава в чистом поле”, “Отмерцавшие марева”. Под общим названием “Пресновские страницы” они вошли в изданную в 1975 году в Алма-Ате одноимённую книгу, куда автор включил также ряд своих разножанровых произведений. Среди них и стихотворные: “Моя поэма”, “Сказка”, которые К. ошибочно относит к... “автобиографическим повестям и рассказам”.

Книга была удостоена Государственной премии Казахской ССР, но не посмертно, как трактует К., а при жизни писателя.

В 1990 году московское издательство “Детская литература” опубликовало повести “Пресновские страницы” в сборнике “Отрочество” (выпуск IV)...

Имея весьма смутное представление о “Пресновских страницах”, да и в целом о творчестве писателя, К. в завершение своего опуса пишет: “Повести поразили читателя непривычным для Ш. лиризмом, мягкой поэтичностью и задушевностью”, которыми он “искупил юношеский грех ненависти”. (?)

Где же совесть, честность, наконец профессиональный долг сотрудников издательства “Большая Российская энциклопедия” (главный редактор и составитель тома — П. А. Николаев)? При их попустительстве подряжённый литисполнитель сляпал ущербную статейку, получил мзду — и до свидания. А ведь эта статейка будет служить ложным ориентиром, источником воспроизводства неправды для учёных, литературоведов, филологов, критиков...

Утешает одно: Иван Шухов — имя крепкое. Он всю жизнь честно и самоотверженно, в меру сил и таланта — служил великой русской Литературе. О чём не мешало бы помнить её новоявленным скороспелым реви́зорам, оценщикам и толкователям.

г. Алматы.

Владимир ГУНДАРЕВ

Радости и горести земного бытия

Ныне творения современных казахских писателей в силу разных обстоятельств не так уж часто приходят к читателям в переводе на язык межнационального общения, о чём приходится только сожалеть. По этой причине заметные произведения казахской литературы остаются неизвестными в русскоязычной среде, хотя их авторов хорошо знают те, кто владеет государственным языком. Одним из таких достойных большого внимания представителей национальной словесности

является обретающий всевозрастающую популярность талантливый писатель и драматург Жолтай Жумат. Его перу принадлежат романы, книги рассказов и повестей, пьесы, поставленные во многих театрах республики. Он лауреат различных литературных конкурсов, независимой пре-

мии меценатов "Керемет", по итогам 2006 года за цикл рассказов "Сегодняшняя элегия" стал победителем закрытого литературного конкурса "Астана-Байтерек".

Создавая свои произведения на родном языке, Жолтай Жумат заботится и о том, чтобы они получали выход к читателям и в переложении на русский, хотя в наше время добиваться такого очень и очень непросто! И всё же ему это удаётся. В 2001 году выпущена его первая книга на русском языке "Зов свободы", а совсем недавно в столичном издательстве "Кус жолы" увидел свет в переводе на русский язык второй сборник рассказов Жолтая Жумата под названием "Терзания души".

Книга даёт наглядное представление о творчестве прозаика, его писательской манере, пристрастиях и антипатиях, круге тем и актуальных проблем, которые он выбирает из многообразия противоречивой действительности, о том, что его тревожит, беспокоит, волнует на этой грешной и всё-таки прекрасной земле.

Нравственность и аморальность, духовность, одухотворённость и воинствующее бескультурие, совесть и бесстыдство, добро и зло, красота и уродство, благородство и низменность инстинктов — и те и другие понятия-антиподы, тесно переплетённые между собой в окружающей нас жизни, в поведении и поступках людей, скрупулёзно исследует вдумчивый прозаик через призму и извечное противоборство этого, показывая своих героев.

Правда, в книге особняком стоят исторические рассказы о знаменитых личностях древности "Мечта Ахмеда Ясави" и "Амулет эмира Тимура" да ещё, может быть, рассказ "Чёрный кот в темнице", главным героем которого является реальный прототип. Но и в них эти же стерженные

постулаты: одни — возвышающие душу, другие — приземляющие, обедняющие её, ставятся автором, что называется, во главу угла.

Остальные рассказы, вошедшие в книгу, в основном о современности, о дне нынешнем или о совсем недавнем прошлом. Некоторые из основных персонажей произведений Жолтая Жумата — личности трагические. Обладающие чуткой и ранимой душой, исповедующие высокие идеалы и духовные принципы, они не выдерживают столкновения с грубой и жестокой повседневностью. Таковы, к примеру, Тастулек (“Есть ли казах-меценат?”), Керимбай (“Хемингуэй. Керимбай. Терзания души”). В житейских коллизиях, выпавших испытаниях, обычных буднях, критических ситуациях и передрыгах по-разному проявляют себя и делают тот или иной нравственный выбор в зависимости от склада характера, жизненной позиции, личных интересов и устремлений такие неоднозначные и примечательные фигуры, как Жарасхан (“Очарованный красотой”), Сапаргуль (“Сэм и Сэмиха”), Елтаныс (“Эхо студенческих лет”), Аспанкул (“Крылья Аспанкула”), Ойнарбек (“Благородная дерзость”), Ольга (“Ольга и “Волга”), Фирюза (“Полонез родильного дома”).

Судьбы этих персонажей, мучительно размышляющих над непросмыми проблемами бытия, принимающих близко к сердцу происходящее вокруг, мятущихся в поисках истины, под давлением объективных и субъективных обстоятельств тоже складываются подчас довольно драматично. Жёсткая, неприкрашенная правда предстаёт в этих рассказах под пером писателя, умеющего зорко подметить характерные черты нашей действительности, выявить развивающиеся противоречивые процессы в обществе, беспощадно вскрыть пороки и уродливые проявления в этом изменчивом мире. При этом автор, вообще-то сочувственно изображающий своих героев, некоторых из них не щадит, с сарказмом показывая современные нравы, их негативные действия и поступки.

К другим же персонажам, например, к бесхитростному аксакалу Кяхарману (“Бес в ребро”), наивному молодому механизатору Садырбеку (“Сочинение”), да и к болтуну и хвастунишке Куласипу (“Вокруг да около”), Жолтай Жумат относится снисходительно, с лёгкой усмешкой, мягко иронизируя и подтрунивая над их слабостями.

Вне сомнения, читательское внимание привлечёт и цикл коротких рассказов “По следам старого охотника”. Через привлекательный, любовно выписанный портрет мудрого аксакала Калабая, его бесхитростные, но поучительные охотничьи и житейские истории автор с большим мастерством воссоздаёт живописные картины природы, раскрывает взаимосвязь человека и животного мира. Причём выразительны и полнокровны не только образы людей, но и представителей фауны — с тонко подмеченными у них характерными особенностями, повадками и решительными в критических ситуациях поступками.

Столь не похожие друг на друга образы, созданные писателем в книге “Терзания души”, глубоко органичны и психологически убедительны. Автор не столько показывает динамику внешних событий, сколь сосредоточивает своё пристальное внимание на их внутреннем мире, страданиях, всей гамме разнообразных человеческих чувств. И в этом — одна из привлекательных особенностей стиля одарённого прозаика, его творческой индивидуальности.

Утверждаю это не только как читатель. Дело в том, что мне довелось самым тесным образом соприкоснуться с творчеством Жолтая Жумата — произведения, составившие данную книгу, на русский язык переведены мною в содружестве с журналистом Алматом Жарылкасыновым. И занимался я этой сложной работой с большим увлечением.

А чтобы моё мнение о книге читателям не показалось пристрастным, процитирую некоторые высказывания о творчестве Жолтая Жумата из отзывов, помещённых в конце сборника в разделе “О писателе и его рассказах”.

Так, лауреат Президентской премии мира и духовного согласия Герольд Бельгер, читавший произведения Ж. Жумата на казахском языке и в переводе на русский, отмечает: “Как писатель, он особенно пристрастен к истории, культуре, ментальности своего народа, точно улавливает перемены, происшедшие и происходящие в глубинах современного общества, крушение давнего традиционного уклада и отживающих представлений, нравственные поиски людей с беспокойной совестью, ломку психики молодого поколения, очутившегося в непривычной общественно-социальной обстановке... Рассказы Жолтая Жумата многотемны, многовекторны. Герои его пребывают в тягостных раздумьях, стремятся добраться до сути, до основной нити своих душевных терзаний и тревог”.

Лауреат Государственной премии РК Толен Абдиков пишет: “Во время чтения книги Жолтая Жумата я обратил внимание на одну вещь — писатель охотно увлекается внутренним монологом, внутренними переживаниями своих персонажей. Он ёмко описывает места, где происходят события. Это, наверное, выражает собственный стиль писателя. Тем не менее в дальнейшем в его художественных поисках вполне возможно изображение новых характеров, потому что Жолтай находится на пути литературного роста.

Самое главное — эта книга представляет собой сборник прекрасных произведений, обнажающих нынешние проблемы и реалии”.

Доктор филологических наук, профессор А. Байзак считает, что “особенность творчества Жолтая Жумата — в евразийской ментальности, которая лейтмотивом пронизывает его произведения. Кроме того, его рассказы, небольшие по объёму, но глубокие по содержанию, дают основание утверждать, что в начале XXI века появился новый, казахский Чехов... Ведь традиция Гоголя, Чехова в новом столетии оказалась актуальной и злободневной. Рефлексия персонажей, особо близкая современному читателю, усугубляется падением нравственных устоев в обществе... Жолтай Жумат сумел показать в своих небольших вещах, не похожих друг на друга, образы наших современников, они глубоко реалистичны и психологически убедительны... Мне представляется, что читатель с большим интересом познакомится с миром персонажей Жолтая Жумата и сможет извлечь из этой книги для себя то ценное, что предлагает автор”.

“Уверен, что рассказы Жолтая Жумата покорят русскоязычного читателя содержательностью, богатством мысли, особенностями композиционного построения, — подчёркивает переводчик Алмат Жарылкасынов. — Я рад, что нахожусь в творческом содружестве с этим самобытным писателем, произведения которого, несомненно, обогатят и украсят казахскую литературу”.

Полностью соглашаясь с приведёнными высказываниями, в заключение я хочу выразить надежду, что читатели с большим интересом познакомятся с миром героев Жолтая Жумата, вместе с автором будут скорбеть, огорчаться, негодовать, радоваться и улыбаться.

Р. С. Редакция “Нивы” сердечно поздравляет известного казахского писателя и драматурга, нашего постоянного автора Жолтая Алмашевича Жумата с недавним 50-летним юбилеем и желает крепкого здоровья, счастья, благополучия и новых творческих достижений на благо родной литературы!

Б. АЛДАБЕРГЕНОВА,
культуролог, президент общественного фонда
“Палата ремёсел и этнодизайна”

Носитель народной культуры

Становление творчества одного из ведущих художников Казахстана Табылды Мукатова происходило в семидесятые-восемидесятые годы XX века, когда в изобразительном искусстве страны шёл активный поиск новых средств художественной выразительности, отвечающих требованиям времени, развивающемуся национальному самосознанию.

Снятие идеологических ограничений, ускоренный темп жизни приводят к изменению мировоззренческих позиций многих художников: одни меняют технику, даже манеру своих произведений, другие занялись актуальным искусством с его ассоциативной природой мышления, третьи ещё не определились, некоторые растерялись. Находясь в общем потоке стилевых метаморфоз эпохи, Табылды сумел сохранить творческую и нравственную свободу художественного познания мира. Большое внимание на его мировоззрение оказало творчество “шестидесятников” (Ш. Сариев, С. Айтбаев, М. Кисамеддинов, Е. Сидоркин, А. Джусупов, Т. Тогузбаев), которые искали собственные пути в создании национальной художественной школы, синтезирующей традиционную художественную эстетику и лучшие достижения мирового искусства XX столетия.

Табылды
МУКАТОВ

родился 16 января 1947 года в селе Орна Гурьевской (ныне Атырауская) области. В 1968 году окончил Алма-атинское художественное училище имени Н. В. Гоголя, в 1973 г. — Украинский полиграфический институт имени И. В. Фёдорова (г. Львов). В 1974 г. служил в рядах Советской Армии. С 1975 г. работал художественным редактором в издательстве “Жазушы” (г. Алма-Ата).

Член Союза художников СССР (Казахстана) с 1979 года, лауреат премии имени Махамбета, дипломант всесоюзных конкурсов искусства книги (с 1979 г.). Участие в художественных выставках принимает с 1974 г. Творчество Т. Мукатова было представлено на многих персональных выставках, в том числе в Софии (Болгария), Алматы, Атырау. Работы живописца находятся в частных коллекциях Германии, Великобритании, Дании, Франции, Канады и других стран.

В конце 2007 года в музее современного искусства г. Астаны прошла юбилейная персональная выставка Т. Мукатова, вызвавшая большой интерес у ценителей живописи.

В эти годы у Табылды Мукатова начинается интенсивный и плодотворный период деятельности, вырабатывается индивидуальный пластический стиль, определяется излюбленный круг тем и мотивов. Творческий диапазон его широк: он пишет исторические картины и портреты, жанровые сцены и пейзажи, иллюстрирует книги, работает над станковой графикой.

Известные художники и талантливые учителя привили ему любовь и уважение к классическому наследию мирового искусства, помогли овладеть профессиональным мастерством и стать превосходным рисовальщиком.

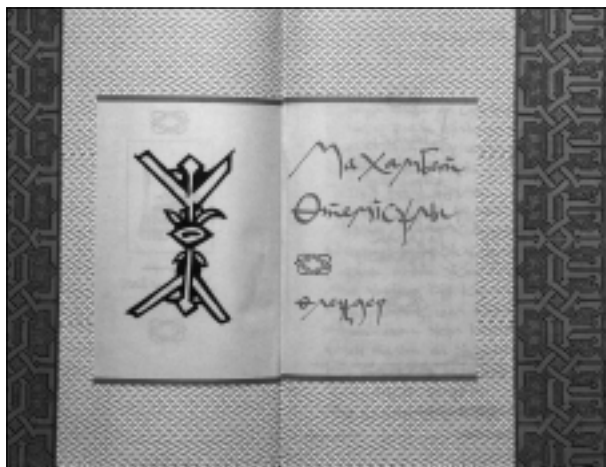
Первый этап творчества Т. Мукатова связан с искусством книги после окончания полиграфического института во Львове. Как “переводчик” литературных эссе на язык изобразительного искусства, он проявил себя с первых же шагов. Иллюстрируя книги, он никогда не стремился следовать за всеми перипетиями литературного повествования, а обращался к его кульминационным моментам, к образам тех персонажей, в которых были сосредоточены основные идейно-смысловые и эмоциональные действия. Такие произведения, как “Строптивый” Мухтара Ауэзова, “Ахан-серэ” Сакена Жунусова, “Кулагер” Ильяса Джансугурова, “Снега Килиманджаро” Эрнеста Хемингуэя, являющиеся по своему характеру мощными эпическими полотнами, помогли художнику создать целый ряд национальных героизированных образов. Внутренне цельные циклы его рисунков не повторяют и не напоминают друг друга, даже когда он обращается дважды к одному и тому же произведению — “Стрела Махамбета” и “Поэзия Махамбета”.

Стиль Мукатова как книжного графика сформировался под влиянием литературных произведений, над которыми он работал, так как каждая встреча с интересным писателем обогащала его новыми сюжетами и идеями. Следуя своей позиции — каждую книгу выстраивать как ансамбль, он продумывал её как единое целое — от основных полосных иллюстраций до разных “мелочей”: виньетки, заставки, концовки; каждая деталь выполнялась с учётом стилистических особенностей прозы авторов.

Работа с книжной иллюстрацией оказала огромное влияние на творчество Мукатова. Специфический мир книжных приключений и переживаний, традиционные аллегорические знаки любви, надежды, веры стали темами и сюжетами многих произведений художника, воплощаясь в каждом

случае в новое, яркое и убедительное пластическое решение. Особое место в этом ряду занимает выполненная рукописным шрифтом книга стихов Махамбета Утемисова “Кум жазуы”, выпущенная специально к 200-летию поэта (золотая медаль ЮНЕСКО, 2003 г.).

В силу своего характера Мукатов работает тщательно, не торопясь, долго живётся в материал, выполняет множество предварительных набросков,

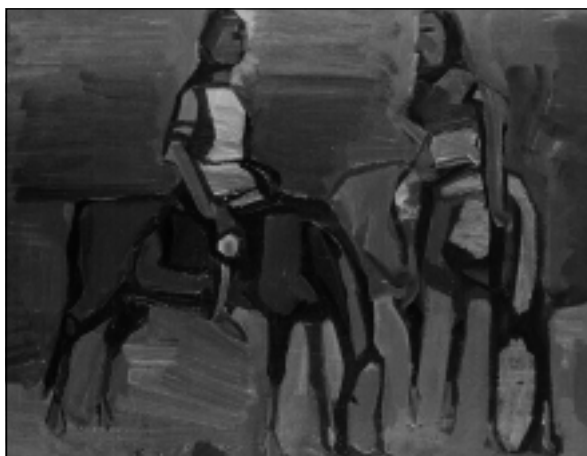

доводит до филигранной отточенности все детали рисунка и композиции. Табылды с одинаковым блеском пользуется карандашом, пером и кистью. Рисунки — особая страница его творчества. Они привлекают свободой, мягкостью, живописными эффектами, их поверхность мерцает и переливается, создавая впечатление подвижности свето-воздушной среды.

В акварельных циклах раскрывается дарование художника как интерпретатора фольклорных мотивов: “Казахская народная сказка”, “Бей, дубинка”. Здесь его прихотливые композиции окрашены тонким лиризмом и мягким юмором.

Успехи Табылды Мукатова как замечательного графика Казахстана были отмечены ещё на персональной выставке, устроенной двадцать лет назад в Софии (Болгария, 1987 г.).

Табылды Мукатова можно назвать национальным художником, так как он этногенетически и духовно пропитан ощущением своей земли, её природы, истории и традиций, очень тонко чувствует психологию своего народа, нюансы восприятия и поведения. Все эти качества в полной мере воплотились в живописных произведениях, составляющих основную стратегическую линию творчества художника. Своей главной целью он видит

Беседа (Табунщики), х. м., 65х85

здесь раскрытие красоты в повседневной, бесконечно привлекательной жизни родной страны, в выражении своей сыновней любви к ней, любви, продиктованной всем строем мировосприятия художника, родившегося в небольшом ауле и на всю жизнь сохранившего глубокую привязанность к её просторам, земле, природе, людям труда: “Аул Орна”, “Будни животноводов”, “Табунщики”. В детстве вместе с отцом он целые дни проводил на джайляу, наблюдая за пёстрой, разноголосой жизнью степного раздолья, за величием восходов и закатов, за величиим вечно изменчивого небосвода, и эти впечатления навсегда сроднили его с пейзажами родной земли, обусловили глубокое пристрастие к мотивам природного чуда: “Чабаны” (1984 г.), “Песня табунщика” (1985 г.). Многие творения Т. Мукатова как бы призывают к нравственной чистоте, к целостности и единству семьи, к браку, основанному на любви, к воспитанию добрых нравов: “Двое в интерьере”, “Бабушка”, “Домбрист”, “Материнство”.

Эти темы легко прочитываются в картинах Табылды, несмотря на то, что его индивидуальный стиль весьма далёк от дидактического реализма, хотя и использует предметную образность в создании композиционных построений. Такой подход позволяет художнику закрепить за проявленными образами их роль архетипов, которые всегда являлись главными в народном фольклоре — это образы женщины-матери, кочевого дома — юрты, коня и т. д. Многие из его работ создаются из небольшого эскиза,

в каждом случае обнаруживая момент неожиданности, новизны в метко найденных деталях (“Кочевье в песках”, “Колодец в песках”, “Объездчик коня”, “Птица и человек”, “Домики у подножия гор”, “Игра в шахматы” и т. д.). Обобщённость, лаконичность этих живописных работ, их тяготение к монументальным формам вкупе с особым пустынно-песчаным охристым колоритом, продиктованы стремлением подчеркнуть эпичность и вневременность изображённых мотивов, в которых жанровые сцены обретают весомость мифологической образности.

Но главная особенность живописного стиля Мукатова проявляется в своеобразных беспредметных цветовых, абстрактно-геометрических композициях, в которых крупными массами краски он выстраивает формы и объёмы предметов, становящиеся от этого более пластичными и весомыми. Своеобразная “эмансипация” цветов, поиски их сочетаний, контрасты и соотношения, где рисунок и цвет совершенно неразделимы, составляют секрет в системе моделировки его пейзажных полотен: “Степь”, “Алатау осенью”, “Горы Алатау”, “Лето в горах” и др. Мера условности, где цвет распределяется по поверхности полотна большими массами, символически обозначая пространство, объём, прозрачность и силу света, является характерным штрихом авторского почерка Табылды Мукатова в настоящее время.

Художник часто вспоминает время общения с “бунтарями-шестидесятниками”, когда велись бурные споры об искусстве, высказывались идеи, которые не всегда были понятны, но завораживали своей искренностью, патриотическим настроением, заботой друг о друге, о близких и родных. Особое настроение, царившее на этих встречах, было близко ему по духу, его привлекал сам процесс общения с интересными людьми, многие мысли, рождённые в этих дискуссиях, впоследствии были материализованы в ясных простых композициях. Творчество “шестидесятников”, лидером которых был С. Айтбаев, помогло Табылды выбрать свою дорогу в искусстве. Их композиционные и пластические разработки, колористические эксперименты, тематическо-содержательные цели исследовались им в работах “Кочевники”, “Встреча”, “Поэтессы” и многих других, которые по сути явились продолжением поисков этих мастеров.

Творчество Табылды Мукатова занимает собственную нишу в развитии изобразительного искусства Казахстана. Оно — неотъемлемая часть общего художественного процесса сегодня, а благодаря своим гуманистическим принципам и профессиональным качествам становится особенно востребованным временем. Секрет притягательности полотен Табылды скрыт в самой природе творчества этого художника, который остался носителем народной культуры во всей её целостности. Его творчество — отличный пример традиционного мышления в современном и глубоко индивидуальном преломлении. Его концепции сопряжены с поиском сохранения и выражения национального самосознания, осмысливания уникальных историко-культурных традиций. Величие природы, её главенствующая роль в бытии, гармония и слитность с ней всего живого составляет основу ментальности и философии Табылды Мукатова.

Александр ВЕРВЕКИН

“По морям, по волнам...”

Рассказы деда Дорошенко

Мы познакомились с ним в больнице. Я сейчас уже не помню, по какому поводу обратился ко мне Михаил Иванович, когда в первый раз меня увидел, но наш разговор завязался совсем просто.

И потом мы коротали свободное время в непринуждённых беседах. Впрочем, больше говорил Дорошенко — ему было что рассказать. Родился он в селе Демьяновка Павлодарской области 1 августа 1943 года. В 1962 году окончил мореходную школу в Анапе по специальности “моторист”. В сентябре того же года был призван в военно-морской флот. Службу по охране морских границ СССР Михаил Иванович проходил на Сахалине. Ближе к демобилизации, через четыре года, в их часть приехали представители научно-исследовательского флота с базы во Владивостоке для подбора себе специалистов. Дорошенко попал к ним.

Задача советского института океанографии состояла в поиске полезных ископаемых на подводном шельфе: газа, нефти и прочего. Попутно шла разведка других морских ресурсов.

Дядя Миша не был учёным. Он работал в так называемой нижней команде парохода, которая обеспечивает ход судна и даёт ему электроэнергию.

Хождению по морям на научных судах Михаил Иванович отдал тоже четыре года своей жизни. Два года ходил на пароходе “Фредерик Жюлио-Кюри” и столько же — на грузопассажирском пароходе “Новая Кола” американской постройки. Затем он приехал в Павлодар и сменил морские корабли на воздушные. Правда, не летал, а работал авиамехаником в аэропорту, обслуживая самолёты “Ан-2”. С тех пор началась обычная трудовая биография Михаила Ивановича.

Я же постараюсь рассказать о проведённых в море восьми годах жизни этого человека, о том, что дорого памяти самого дяди Миши. Именно

**Александр
ВЕРВЕКИН**

родился в 1985 году в Павлодаре. В 2007 году окончил Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова по специальности “Журналистика”. В 2004-2006 годах работал ди-джем, ведущим передач и корреспондентом на областном радио. Ныне — корреспондент павлодарской областной газеты “Звезда Прииртышья”. Член литературного объединения имени Павла Васильева.

В “Ниве” выступает впервые.

дяди. Дедом Михаила Ивановича, этого невероятно эрудированного, интересного собеседника, даже в его шестьдесят три, я называть почему-то не мог. И пусть маленькие главки этих воспоминаний последуют не в четком хронологическом порядке, а в том, в каком их выдала небеспристрастная память рассказчика...

***

Поколение Михаила Ивановича в военно-морском флоте проходило службу четыре года. А уже с 1970 года — только три.

За время службы Дорошенко ходил к берегам Южной Америки, Гавайским островам... Где начинал учения седьмой военно-морской флот США, там и наши присутствовали.

“В международных водах имеешь право! Даже датские фрегаты иногда были рядом. И ничего: лишь бы не лезли, куда не надо.

А над советскими кораблями постоянно барражировали американские самолёты-разведчики “Нептун”. Один улетит — другой появится. Просто действовали нашим на нервы.

Подводные лодки СССР при этом периодически совершали переходы к Гавайским островам, одному из американских штатов.

Так и ходили друг к другу “в гости”.

***

Дорошенко считает, ему повезло в том, что служил в относительно спокойное время: Брежнев только сменил Хрущёва...

В Тихом океане советских надводных кораблей почти не было. Морские просторы бороздили в основном подводные лодки. Откровенно говоря, Дальневосточный флот тогда не отличался особой мощью. Н. С. Хрущёв уделял главное внимание Северному флоту, ведь через Северный Ледовитый океан был ближайший морской выход Советского Союза к Америке, Европе: Великобритании, Скандинавии. Если на севере атомных подводных лодок было около пятидесяти, то в Тихом океане — максимум десятка два. Экипаж Михаила Ивановича крайне редко встречал подводные лодки СССР в своих же водах.

***

“Чаще всего вспоминается первый тихоокеанский шторм. Ох и штормя-а-ага!.. Счастье моё — что меня не укачивало! На Чёрном море я качки совсем не чувствовал. Но что такое Чёрное море по сравнению с Тихим океаном? Вода в корыте и вода в Иртыше”.

Во время шторма молодому мотористу хотелось огурцов, чего-нибудь солёного. Конечно, ему в первое время было не по себе, в лице менялся дозелена, но до рвоты дело не доходило. Потом привык. И всё-таки, по словам дяди Миши, после двух месяцев плавания начинает барахлить вестибулярный аппарат и болит голова. И ведь чем тише качает, тем хуже человек себя чувствует.

В первый шторм Михаил Иванович находился в кабине управления. По штатному расписанию его место было именно там, у ходовых механизмов. Нижняя команда корабля вообще во время смены на поверхность не выходит. Каких-либо подробностей шторма Михаил Иванович

уже не помнил, но говорил, что он был большим. Волны — минимум пять-десять метров высотой.

“Ну, суди сам. Когда я служил во флоте, то прочитал в одной газете о том, что на восточном побережье Канады волнами на сушу выбросило осколок скалы. Канадцы решили её измерить: она весила ровно 97 тонн! Представляешь, какой силы волна была? Это тебе не шутки. Грузовик тогда летел бы как футбольный мячик”.

***

Раз шесть встречался дядя Миша с цунами. Само слово “цунами” в переводе с японского означает “большая волна”. И чем меньше глубина, тем эта волна выше. Поэтому такое явление страшно и опасно, скорее, на мелководье, чем в океане. Вдали от берега, говорил дядя Миша, корабль, проходя через цунами, только слегка приподнимается. Ширина этой волны такова, что на горизонте её просто не видно. А вот в поперечнике такая толща воды может быть до 100 километров.

Когда появлялось сообщение о приближении цунами, на корабле сразу объявлялась боевая или атомная боевая тревога, и, если судно стояло в порту, оно должно было за полторы минуты сняться с якоря, выйти в открытое море как можно дальше от берега. Якоря при этом не поднимали, а сбрасывали специальным приспособлением на якорь-цепях — *жвакогалсом*: иначе просто не успевали бы уйти. Якоря вместе с цепями оставались на дне, корабль набирал скорость. Когда всё стихало, судно возвращалось. Якоря находили по буйам и поднимали.

Но, если случалось, что береговые предупредительные службы прозевали цунами, корабль неизбежно выбрасывало на сушу. Не выдерживали никакие якоря...

На Японию гигантские волны обрушивались достаточно часто, на Сахалин — редко. Иногда цунами приходило на Курильские острова.

***

“На Курилах примерно 180 вулканов: надводных и подводных. Я хорошо помню и сам прекрасно видел вулкан Менделеева. Он постоянно — будто там кузня — дымит и дымит. Ребята забирались на его вершину, а я метров двести поднялся и сказал: “Я его не строил — и подниматься не буду!”. Тяжело очень”.

***

Команда “Фредерика Жюлио-Кюри” состояла из восемнадцати человек: капитана, боцмана, трёх мотористов и трёх механиков, пары врачей, двух-трёх официанток, буфетчицы... Кроме того, на борту находились учёные.

Вахта моряков длилась по восемь часов: по три смены в течение суток.

***

Почти никого из учёных, бывавших на судне, дядя Миша по фамилии не знал. Нижнюю команду мало интересовали их личности: океанографы жили своей жизнью, моряки — своей.

Но, если Дорошенко и его коллеги о чём-нибудь всё же спрашивали учёных, те с удовольствием рассказывали о море, разрешали пользоваться библиотекой, даже сами подбирали и предлагали почитать книги из судовой библиотеки.

В какой-то степени именно благодаря этим людям моряки смогли побывать в самых неизведанных закутках Мирового океана и набраться знаний. Океанографы проводили исследования, участвовали в симпозиумах, конференциях, а экипаж, разумеется, — с ними.

“Фредерик Жюлио-Кюри” поднимал с морского дна железно-марганцевые концентрации, внешне похожие на теннисные мячики, — комочки железа и марганца. Тогда, по словам учёных, на океаническом дне находилось около десяти миллиардов тонн таких руд.

Эти мячики формируются подобно тому, как вырастают жемчужины в раковинах моллюсков: железо и марганец обволакивают какой-нибудь мелкий предмет и со временем становятся шариком. Эти шарики и попадают на борт научного судна. В одной из таких концентраций, например, был найден зуб акулы.

***

Чтобы оценить любой город и понять, чем он богат, нужно смотреть на него за воротами порта, считает дядя Миша. Надо увидеть, какое “баракло” продают на базаре.

Моряков вооружённые “погранцы” пропускали без лишних вопросов — только покажи паспорт.

***

Попал однажды Михаил Иванович в норвежский город Тронхейм. Там проходил какой-то международный форум учёных. Зашли в порт.

Уходя в увольнение, за пределы порта, советские моряки получали около 20 шведских крон на карманные расходы. На эти деньги, говорит дядя Миша, можно было купить нейлоновый плащ, зажигалку, портсигар или блок сигарет. А сигареты в Норвегии продавались американские. Приобретали наши иногда себе на те же 20 крон по паре рубашек: больше проносить было нельзя. Одну крону стоила автобусная экскурсия по маршруту с местными тронхеймскими достопримечательностями. Купленные в Норвегии болоньевые плащи советские моряки дома продавали за 125 рублей. Хотя толку с них, по словам Михаила Ивановича, было немного: летом в таком плаще жарко, зимой он тоже не грел.

Как-то местные докеры организовали для советских моряков обед в своём клубе. Хлеба к столу было нарезано мало. Норвежцы объяснили это тем, что в стране из-за недостатка плодородной почвы плохо растёт пшеница. Вот и экономили. Сахара на столе вообще не оказалось: сильно дорогим был. Зато в избытке стояли всевозможные соки, варенья из местных норвежских ягод: смородины, ежевики, голубики.

Как и в любом городе капиталистического толка, в Тронхейме советские моряки ходили только группами, не менее пяти человек. Командование опасалось, что их там, не дай Бог, похитят или кто-то сам сбежит и останется за границей.

Так им говорили.

***

Переход через Суэцкий канал, в Египте, длился девять часов, у судов со срочным грузом — около семи. Потому что все остальные обязаны были уступать фарватер пароходам-“срочникам”, чьи хозяева заплатили вдвое больше. Они просто заходили ненадолго в специальные карманы, прижимаясь к берегу, и пропускали более богатое судно. К таковым, как правило, относились танкеры с нефтью. Так что даже в море существовало “классовое неравенство”.

***

В 1968 году советские учёные шли с атолла Дия Гарсия, где американцы строили авиабазу для своих самолётов “V-52”. Зашли на остров Цейлон (нынешнюю Шри-Ланку), в порт Коломбо.

Большую часть населения острова составляют сингалы и тамилы.

У выхода из порта, в лавке, торговцы продавали листовой чай, свежесобранный и свёрнутый. Видимо, с фабрики утащили, говорит Михаил Иванович. А может, у них — такой обычай.

Преодолевая кошмарный языковой диссонанс (торговцы говорили активно по-цейлонски и вяло по-английски, Дорошенко общался по-русски... зачем-то), дядя Миша купил десять английских фунтов — четыре наших килограмма — цейлонского чая. За мешок этого сувенира он отдал два фунта стерлингов. А чай торговец взвешивал обычным безменом...

Благоприятные природные условия и особый климат Цейлона позволяют выращивать на острове удивительно вкусный чай с неповторимым ароматом...

С купленным цейлонским чаем у Дорошенко возникли проблемы на советской таможне, в Новороссийске. Не разрешали провозить — и всё. Михаил Иванович указал свой адрес и сказал, мол, родным везу, проверьте. Пропустили.

***

Мечтал Дорошенко попасть в Австралию. Но их корабль прошёл мимо и этого материка, и островов Новой Зеландии, поэтому моторист лишь полюбовался ими издали. Обидно!

В порты Южной Америки экипаж заходил не более чем на три-четыре дня. Были наши, например, в единственном уругвайском порту Монтевидео.

***

Понравилось дяде Мише в Уругвае. Очень там красиво, зелено и люди вежливы! Но, видимо, туристы в эту страну редко навещают: слишком уж ревностны тамошние католики, считает мой собеседник. Не видел он в Уругвае приезжих.

“Берег такой — хоть тысячу пляжей строй!”.

А пляжи были безлюдны, насколько хватало бинокля.

***

Был Дорошенко на Галапагосах и даже катался на знаменитых сухопутных галапагосских черепахах, существах долгоживущих и уникальных.

“Говорят, обмен веществ у них замедленный, поэтому они так живут долго. В весе черепашки достигают трёхсот и более килограммов. Длинная шея позволяет им задира́ть голову выше панциря, поедая растительную пищу. А когда они едят, хруст стоит, будто корова жуёт, а не черепаха!”.

Прокатиться на галапагосской громадине считается у островитян большим шиком. Проползёт она с человеком на панцире несколько метров — встанет, отдохнёт и опять двинет в путь... Корабль стоял в Галапагосах зимой, поэтому туристов там не было. Да и штормило тогда жутко.

Наблюдали наши моряки за погрузкой свежесобранных бананов близ порта Гуаякиль. Связки в среднем по 30 килограммов с места сбора отправляли по узкоколейной железной дороге в вагонетках. В порту их погружали на специальные суда-банановозы. Зачастую бананы срывали неспелыми, особенно, если отправляли в дальние страны. Большим скупщиком этой экзотики были Соединённые Штаты. Срочные заказы партий бананов, например, в Европу, уходили самолётами. Михаилу Ивановичу бананы тогда не понравились, да и сейчас он их особо не жалуется.

“У меня какая-то натура дурная. Лишь бы картошка была, и мне больше ничего не надо”.

На Галапагосских и Гавайских островах он пробовал ананасы. Но и они моряку не полюбились. Сок, говорит, пить можно, но не больше.

***

Заходили на остров Кергелен, который находится в южной Атлантике, недалеко от Антарктиды. На нём работала французская научная станция, некоторые специалисты которой неплохо говорили по-русски. Кергелен необитаем. Однако на нём водилось очень много кроликов. Однажды их нарочно пустили на остров, и они мгновенно развелись. Питались животные морскими водорослями, остающимися на берегу после отлива.

Французы кроликов не ели. Они угостили советских гостей недавно привезёнными с Большой земли яйцами.

***

Пароход советских океанографов производил научные изыскания в Восточно-Сибирском и море Лаптевых, а также на суше, где до наступления ледникового периода гуляли мамонты.

Пограничники с заставы на острове Малый Диамид (находящийся рядом Большой Диамид принадлежит США), расположенном в Беринговом проливе, рассказывали дяде Мише, как чукчи в сильную непогоду бежали к своим соплеменникам через пролив в Америку. В бурю экраны локаторов забивались снегом, и жители местного посёлка прямо по льду успевали съездить на собаках к эскимосам. Смотришь на них после бурана: они уже с заморскими винчестерами щеголяют.

Дорошенко поразила эта самая уникальная способность северных людей: чукчей, эвенков, эскимосов — прекрасно ориентироваться на местности в любую погоду. Охотники, жившие в тундре, невероятно легко и быстро запоминали каждый бугорок, каждую трещину во льду, каждый ручей. Пройдя пешком или проехав на собаках где-нибудь один раз, они легко найдут там дорогу лет через сорок.

“У них с древних времён остался какой-то внутренний прибор, который не даёт им заблудиться”.

***

Во время передвижки многолетних полярных льдов их пароход зажёгло в Чаунскую губу. Ледокол “Москва”, обслуживавший суда на восточном участке советской морской границы, шёл к ним с задержкой, и океанографы пробыли в ледяном плену почти две недели. Пароход зашёл в небольшую бухту у городка Певек, который можно было пройти пешком за 15 минут. Там работало ателье по пошиву национальной меховой одежды: платьев, рукавиц, сапог, шапок.

Дядя Миша купил себе за пять рублей пару тёплых рукавиц из оленьего меха.

***

Часто на отдых останавливались на острове Шикотан. В те годы он ещё неофициально назывался Островом любви. Согласно подсчётам, там проживало 18 тысяч женщин и только 800 мужчин. Нелегко было шикотанским красавицам!..

Климат на острове мягок, поэтому моряки иногда могли простоять там целый месяц. Молодые морячки ходили в увольнение, на танцы. Водили их и на экскурсии.

В то время на Шикотане действовали два рыбных комбината, которые производили продукцию в основном на экспорт. Консервированные и свежемороженные крабы, сайра, палтус шли в Находку. Там ими загружались ценившие советские консервы англичане и японцы.

В огромном цехе, говорит Михаил Иванович, на японском оборудовании работали только женщины. Каждую рыбку аккуратно укладывали пинцетами в банки, которые затем по конвейеру шли через электронные весы в автомат, запечатывавший консервы. В минуту он выпускал ровно 60 банок с рыбой — по одной в секунду...

Остров Шикотан относится к Малой Курильской гряде. Раньше на нём жили айны — народ, позднее переселившийся на Хоккайдо. По-айнски “Шикотан” означает “счастливый остров” и находится, по их же убеждению, в самом центре Земли.

***

На японском острове Кунашир почти все дома были деревянными, потому что практически каждый день там происходят небольшие землетрясения. Деревянные жилища лучше вибрируют при сейсмических колебаниях и потому более устойчивы.

“Сидишь и слышно, как звенят бокальчики”.

Балки крыш обязательно делали с выступами, чтобы при подземных толчках кров не провалился внутрь дома. А большинство дворов островитян были выстланы деревянными плахами, чтобы не утонуть в грязи из-за постоянных ливней.

Правда, почему-то на одной из пограничных застав Кунашира, продолжает Дорошенко, электрические провода оказались стальными. Японцы

привезли себе откуда-то дизельный двигатель, а провод забыли. Наши заметили, что на заставе лампочки еле светят, мигают, а то и вовсе лопаются. Всё стало ясно. “Боже мой! Соппротивление-то у стали совсем для этого не годится! Подождите!! Вы испортите себе всё, — сказали пограничникам советские моряки. — Привезём мы вам алюминия”.

Привезли алюминиевых проводов, наладили японцам двигатель. “Погранцы” в благодарность угостили наших вкуснейшим тайменем из горных рек.

А неподалёку стояло небольшое селение. Жители обделённой травой деревни кормили своих коров сушёными водорослями, которые море каждый день выбрасывает на берег. От этого молоко кунаширских бурёнок чуть отдавало йодом, вспоминает Дорошенко. А японцы тем и гордились: йодировать не надо — полезно!

В море корабль подобен человеку. Например, в зависимости от флага над ним судно приобретало “национальность”. Корабль под японским флагом назывался “японцем”, под американским — “американцем”... То же самое и с его целевым предназначением: “рыбак”, “китобой” и прочие. “Спасти японца” означало помочь японскому судну.

Так вот, судну, на котором плавал Дорошенко, довелось спасти “японца”, то бишь японский рыболовный сейнер. Встретили его в море случайно: у рыбаков кончилась вода и сломался дизель-двигатель — дали сигнал “SOS”.

Наши подошли, поделились с японцами водой и заправили двигатель. Сломался один толкатель в двигателе. Рыбакам повезло: у советских моряков были такие запчасти, нужную быстро заменили.

И на этот раз японцы отблагодарили учёных: специально наловили на какой-то отмели морских гребешков. А на камбузе, вспоминает дядя Миша, кок с ними расправился быстро: разрезал раковины и поджарил их содержимое-студень. В жареном виде эта масса становилась белой и твёрдой как картошка, со вкусом мяса и запахом йода.

“Есть можно”.

Между тем в трюме именно этого “японца” Дорошенко впервые в жизни увидел акулу. Она была метров десять длиной и сантиметров восемьдесят толщиной. Туша даже не вмещалась в трюм, её хвост был загнут.

***

В другом походе экипаж советского корабля засёк в международных водах японского “краболова”.

Сеть, которую он ставил, была длиной два километра. На ней через каждый метр висели самодельные корзины из капроновой сети с приманкой. А приманка была немудрёной. Японцы проделывали отверстия в банках с тушёнкой, чтобы мясо протухло, и привязывали по одной банке внутрь каждой корзины. С этим и выходили на промысел.

Советские моряки прошли мимо такого “краболова”, ставившего сеть, а через два часа капитан второго ранга Лебедев сообщил об этом в штаб и командовал: “Поворачиваем, ребята!”.

Рыбаки, разумеется, свою сеть маскировали. Да только на обоих её концах плавали бамбуковые шесты. Это были радиобуи, передающие сигналы на рыбацкие базы. Наши подняли сеть корабельным шпилем и

высыпали всех крабов в бомболюк, в котором на случай войны хранились бомбы и ракеты. За два часа японская ловушка достаточно наполнилась: крабов было тонны полторы. Итак, крабов — себе, корзины — за борт. Двухкилометровый канат от японской сети советские моряки взяли себе, плели из него пояса, заменяли им стальные судовые концы. А радиобуй оставили плыть по течению: пусть дальше подаёт свои сигналы.

Крабов, конечно, в первую очередь разобрали офицерские жёны.

Случай произошёл недалеко от советских территориальных вод Тихого океана. Фактическими владельцами колоний королевского краба были СССР и Канада. Периодически советские пограничники арестовывали целые суда японцев, как только те попадали в советские воды. Информацию о них моряки получали от сухопутных пограничников Советского Союза. Правда, стрелять из корабельных орудий было запрещено.

“Ну сам посуди: стомиллиметровые морские пушки! У них один снаряд килограммов сорок весит. Он, даже если не разорвётся, судно прошьёт легко. Пароход ведь может и потонуть. А это — международный скандал”.

***

“А японцы, по-моему, всё едят, что плавает. Даже ядовитую фугу. У них в ресторанах берут расписку в том, что не отвечают перед клиентом за последствия, если рыба вдруг окажется ядовитой. А фуга, кстати, может быть и неопасной. Это уж — как приготовишь”.

***

Японские рыбаки знали, куда идут, отправляясь на промысел к морским границам СССР. Ловили они в основном палтуса и крабов. Мимо Курильских островов проходили и киты, и кашалоты, мигрировавшие в Берингово море на летний откорм. Михаил Иванович их тоже видел: по фонтанам и хвостовым плавникам. У кашалота фонтан наклонный, у кита — вертикальный. В зоне Курил животные появлялись в середине мая, на севере проводили лето, а зимовать уходили на восток, к берегам Канады, Калифорнии. Чтобы провести зиму в Беринговом море, этим великанам нужно слишком много жира. А зона тропиков позволяет им обходиться теми его запасами, которые удалось нагулять за лето.

***

У моряков того времени бытовал такой анекдот. Встретились балтиец, североморец и моряк с Дальнего Востока и стали спорить, у кого самый густой туман. На Балтике, говорит один, — такой туман, что абсолютно ничего не видно. На Северном море, отвечает другой, туман можно в мешок складывать. А моряк с Дальнего Востока говорит: “А в нашем тумане можно забить гвоздь и повесить бушлат”.

Так вот.

В один из таких густых тихоокеанских туманов, 20 августа 1965 года, в пять часов утра, с эсминцем “Строгий”, на котором служил Михаил Иванович, столкнулся крейсер “Адмирал Сенявин”. Долбанул, как сказал дядя Миша, прямо в борт.

Моторист Дорошенко, только сдав вахту, стоял на палубе и курил. Дверь в машинное отделение была открыта. Миноносец шёл над Южно-Курильской впадиной, глубина которой — более семи километров. Зачем-то

Михаил Иванович слегка наклонился. Внезапно произошёл резкий толчок, и моряк полетел вниз головой с вертикального восьмиметрового трапа. Непонятным образом он перевернулся в полёте и удачно приземлился, залетев прямо в кабину управления. В мозгу моториста появилась лишь одна мысль: “На скалы сели! Хотя откуда, ведь глубина — семь тысяч метров?!”. Он мгновенно дал судну задний ход. Из рубки даже не успела поступить команда “Полный назад!”.

Впоследствии моториста отблагодарил командир корабля. А, узнав позже, что он совершенно случайно залетел в кабину управления и вовремя “среагировал”, товарищи просто посмеялись. Когда через минуту после толчка кинулись выяснять, в чём дело, в правом борту “Строгого” обнаружили пробоину размером в 16 квадратных метров! Эсминец мгновенно накренился, его винты слегка поднялись над водой, лопнула якорь-цепь. У “Адмирала Сенявина” тоже отвалился якорь, но он мигом покинул место столкновения.

Заплаты на огромную пробоину на эсминце не было и быть не могло, поэтому, сообщив о происшедшем на Шикотан, моряки вызвали буксир. Тем временем матросы перекачивали всё горючее из ближайших к дыре танков за борт и убирали часть судового снаряжения с носа, чтобы хоть немного привести в порядок осадку “Строгого”. Хотя кое-что улетело в воду при столкновении с крейсером.

Буксир поволок эсминца в порт..

“Нам повезло, что погода была тихой, а то ведь неизвестно, как вся эта история закончилась бы при шторме! По пути в порт мы продолжали разгружать нос и даже, с разрешения штаба, повыбрасывали в море бомбы из носового отсека, все 200 штук”.

Когда “Строгий” был доставлен на Шикотан, с владивостокского “Дальзавода” на самолёте уже прилетела бригада сварщиков. Залатали миноносцу борт, отправили в Корсаков и закрепили за ним новую команду “дембелей”. А экипаж Михаила Ивановича перевели на эсминец “Стерегающий”, главный в дивизионе из пяти эсминцев Советского Союза, названия которых начинались на букву “с”. Во Владивостоке стоит памятник этому кораблю: во время Русско-японской войны его экипаж проявил истинное мужество, и эсминец, не сдавшись противнику, был потоплен. С тех пор имя “Стерегающий” переходит по наследству от одного эсминца к другому.

***

А ещё был случай...

В порт Корсаков с ремонта пришло транспортное судно. Неизвестно почему, но его трюмы загорелись. Оказавшемуся рядом Михаилу Ивановичу дали несколько обычных пенных огнетушителей.

“А из люка трюма пламя уже пёрло, как из огнемёта. Куда тут тушить?!”.

Он стал бросать огнетушители в огонь. Однако пламя потушить не удалось, пока трюм не выгорел полностью. Скорее всего, считает Дорошенко, там было и горючее. От высокой температуры выгорела краска и провисла палуба. Её порезали на металл, а судно отправили обратно на ремонт.

***

Пошёл однажды дядя Миша во Владивостоке в престижную баню, вход в которую стоил аж три рубля, и подцепил какую-то кожную болезнь.

После этой бани у него между пальцами появился грибок. Вывел он его морской водой. Михаил Иванович просто парил ноги в горячей морской воде один раз в день по пять-десять минут (дольше выдержать было невозможно) в течение полумесяца, и всё прошло.

Морская вода попросту сожгла все болезнетворные бактерии. Постепенно всё зажило. Прошло уже почти сорок лет, а у Михаила Ивановича до сих пор не потеют ноги. Только в сильную жару к вечеру носки могут стать чуть влажными.

Очень целебна морская вода.

***

Годы хождений по морям были для Дорошенко, по его собственному признанию, своеобразным институтом, вроде горьковских университетов. Парень из прииртышской глубинки в мореходной школе, на Чёрном море, начал познавать мир, большой и интересный.

В юности Миша понимал, что мир совсем не такой, каким кажется, что он очень-очень большой, разнообразный и его надо посмотреть. А теперь Михаил Иванович уверен в том, что даже если бы он остался на море, чтобы изучить мир, не хватило бы и жизни.

“Каждый человек должен не зря прожить: что-то узнать, что-то отдать другим. Для этого он и создан человеком. Я решил: чтобы узнать самого себя, надо изучать древнюю историю людей. Стал выписывать специальную литературу, журналы об истории, археологии — о том, как жили древние люди. Читал историю вдумчиво, даже конспектировал иногда”.

Изучал Михаил Иванович в молодости не только историю, но и военное дело, читал книги о путешествиях.

“А что? На всякий случай. Как гласит народная мудрость, в хозяйстве и ржавый гвоздь может пригодиться”.

В обществе надо жить не так, как тебе хочется, а уважая человеческое общежитие, считает дядя Миша. Ни в рабочих бригадах, ни в море, ни в российских монастырях, по которым Дорошенко мотался десять лет в составе бригады реставраторов, ни в павлодарском приюте, где он оказался на седьмом десятке лет своей жизни, не было случая, чтобы Михаил Иванович с кем-нибудь повздорил.

“Если хочешь сказать человеку, что он плохой, говори ему прямо в глаза. Меня так воспитывали. Иначе это будет клеветой. И приятное тоже говори прямо в глаза. Если про меня что-то скажут, я обязательно проанализирую и приду к какому-нибудь выводу: может, он в чём-то и прав. Надо быть честным с людьми”.

Хуже всего — это украсть у человека или вовсе убить невинного, уверен дядя Миша. Большой грех — обидеть или оскорбить человека. Сам он говорит, что за всю жизнь женщинам дурного слова не сказал. Зачем? Михаил Иванович лишён и зависти.

“Зависть — это какая-то человеческая болезнь. Серого вещества у всех поровну. Приложи все усилия, и ты добьёшься, чего хочешь”.

г. Павлодар.

Николай СЛЕПЦОВ

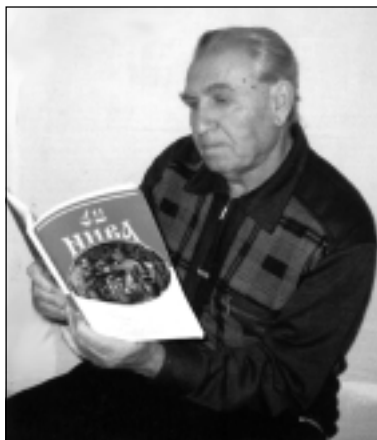
Дорожные истории

Несколько лет назад уважаемая алматинская газета “Литер” объявила конкурс под девизом “Дорожные истории”. Победителя конкурса ожидала невообразимая, просто сумасшедшая, невиданная доселе премия — туристическая поездка в Египет. Наверняка планировалась она за деньги “Литера”, а это уже заставляло поработать над собой, мобилизовать свои силы вокруг себя и в себе. Мне, как говорила моя жена, пещерному, не видевшему приалматинский Талдыкорган, наши прикаспийские города, города и станции кзылординско-гурьевского направления вплоть до российской границы, начинающейся вроде в районе Оренбурга, и сразу на тарелочке чудо — Египет? А не облысеешь ли ты, дорогой? Так ведь конкурс, отвечаю я, в нём приглашают участвовать всех пишущих. Я ведь тоже что-то умею в этом плане, пытаюсь во всяком случае. Как-никак, у меня всё-таки журналистское образование, факультет журналистики, который я закончил 40 лет назад, пусть и заочно. Но ты же, — парирует жена, — отродясь в газете не работал и не знаешь как и что там пишут, каков там язык. По сути ты — теоретик, а не практик, а ведь практика — всему голова. Я же возражал, мол, не боги горшки обжигают, могу попробовать и я. Вот и мобилизовал себя на усидчивость и фиксацию всех дорожных историй, бывших со мною и с моими друзьями.

Как бы то ни было, дорожные истории всё же написал к установленному сроку и отправил в газету. На победу не надеялся, но просто ожидал

Николай Андреевич СЛЕПЦОВ

родился 7 марта 1937 года в ауле Кенбидаик Кургальджинского района Акмолинской области. С 1947 г. жил и учился в Жалтыре. В начальный период освоения целины работал с матерью Анной Васильевной Слепцовой в сельском хозяйстве: она — комбайнером, он — штурвальным. С 1957 года учился в Акмолинском железнодорожном училище по специальности слесарь тепловозного хозяйства. С 1959 года после окончания училища уехал на станцию Агадырь Ка-

рагандинской области, где и работал до 1973 года слесарем локомотивного депо. В 1962-1968 годах заочно учился на факультете журналистики КазГУ. С 1973-го по 1988 год трудился в организации ГОРЕМ-29 треста “Целинтрансстрой” начальником отдела снабжения. После ликвидации

предприятия вернулся в депо и работал инженером по снабжению до ухода на пенсию в 1999 году. Был активным рабкором газеты “Гудок” и “Целинная магистраль”. В 2007 году опубликовался в журнале “Простор”. В “Ниве” выступает впервые.

хоть что-то прочесть, чего не случилось: через какое-то время СМИ сообщили о пожаре в “Литере”, в огне, видимо, сгорели и мои записки. Однако у меня сохранились черновики. “Дорожные истории” я отправил в журнал “Простор” (некоторые из них в нём были опубликованы), а два рассказа из этого цикла предлагаю “Ниве”. В редакцию “Нивы” обращаюсь впервые, хотя являюсь постоянным подписчиком журнала. Как отреагирует редакция на вторжение неизвестного в её врата — не знаю. Однако хочется верить мудрецам, которые утверждают: бывает, что и медведь летает и кривая тоже может вывести. Ох, оказались бы мудрецы правы...

Эх, путь-дорожка...

Недавно в тёплое сентябрьское утро оказался в Караганде, где наряду с прочими делами искал видеокассеты с Надеждой Кадышевой и Геннадием Заволокиным, другими певцами, исполняющими лирические душевные песни, частушки, припевки и напевы под баян или другие народные инструменты, забытые нынче электроаппаратурой. Баян я любил всегда, сам на нём что-то “шарил”, отчего и на старости лет не могу отказать себе в удовольствии послушать Маланина, Тихонова, Гридина, других виртуозов-гармонистов. Всё бы ничего, только такая большая и культурная Караганда понятия не имела о кассетах, какие я так настойчиво искал и спрашивал чуть ли не до самого областного управления культуры. Разочаровавшись в попытках отыскать иголку в стоге сена, в невесёлых чувствах бродил у привокзальной площади, намереваясь возвратиться домой не солоно хлебавши. На площади неутомонные таксисты и шустрые “ГАЗельщики” зазывали пассажиров на дальние рейсы — в Павлодар, Молодёжное, Астану. Подумал: не рискнуть ли? Лишний раз взгляну на бывшие Акмолу-Целиноград, какие помнил как целинную столицу, причём в нынешнем 2007-м исполнялось ровно пятьдесят лет как я поступил в акмолинское железнодорожное училище и через два года закончил его.

Годы обучения в ЖУ из моей памяти, наверно, не сотрутся никогда. Учёба была на полном государственном обеспечении, как служба в армии, где поят, кормят и одевают, за что требуется только одна плата — учись, а в армии — служи и овладевай армейской наукой. Железнодорожные училища пятидесятилетней давности ныне исчезли, железная дорога потеряла учебные заведения, готовившие рабочие кадры для себя. Через два года учёбы на железнодорожное производство приходил готовый слесарь, помощник машиниста локомотива, квалифицированный путеец, связист, электронщик. Что железная дорога нашла нового, потеряв старое в образе железнодорожных училищ, — не знаю, только училища эти в моё время не были для страны обузой, напротив — делали большое государственное дело, пополняя артерию жизни Отечества — “железку” — свежей рабочей “кровью”.

Прогуливаясь по площади и упиваясь так некстати нахлынувшими воспоминаниями о старом Акмолинске и моём ЖУ, нос к носу столкнулся с “ГАЗельщиком”, тут же обратившемся ко мне: дед, давай в Астану, как раз одно-единственное место осталось, притом классное.

— Сколько?

— Стандарт — пятьсот.

Ну, пятьсот тенгушек — не такое уж и завихрение, дешевле даже, чем на поезде, потому — поехали!

Моё место и впрямь оказалось “супер” — в кабине рядом с шофёром и приветливым разговорчивым пассажиром, годившемся мне в сыновья. В “ГАЗелях” кабина трёхместная, для провинциального пассажира вроде меня — истинная благодать. Оставив Караганду, вырвались на простор. Дорога — загляденье, движение — несусветное, скорости — адские, однако наши девяносто-сто в подмётки не годились всяким “Хондам”, “Вольво”, “Мерседесам” да “Тойотам”, обгонявшим нашу стремительную-таки машинёшку чуть ли не со скоростью звука. Нас, пассажиров, было как раз человек двенадцать, потому шофёр, видно, и берёт свой груз, умеренно нажимая на акселератор.

Дальше от города машины редели, но конца-края им всё равно не было. Дорога просто укачивала, но мне, впервые ехавшему с таким комфортом и на такое большое расстояние, не терпелось обозревать посёлки и полустанки, бесконечную равнину и степное приволье. Раньше, говорил мой сосед, здесь всё засевалось хлебом, теперь же целина умерла, совхозы исчезли, жильё брошено и развалилось, люди подались кто в города, кто на исконную родину, кто на родину предков.

Я хорошо помнил наши первоцелинные дороги, какие точно роднились с военными и с военной песней: “Эх, дороги, пыль да туман”... Теперь, слава богу, мы научились делать наши дороги не хуже европейцев. Не знаю, все у нас в республике такие гладкие и ухоженные трассы, как Караганда — Астана, на какой ни тряхнёт, ни качнёт, и пассажир даже может слагать без каракуль в её адрес оды, что, видимо, и делал мой сосед в толстой тетрадке, разложенной на закрытом “дипломате”. Уже в Астане, у автовокзала, он доверительно обратился ко мне:

— Ну, дед, как вам смотрится наша Астана? Побывать бы вам ещё на Левобережье — и вовсе восхитились бы там всем увиденным, благо посмотреть там действительно есть на что, а восхититься и подавно. Что удивительно, всё это всего лишь за какие-то 7-8 лет! Просто парадокс, ей-богу. Я вот — вечный астанинец, всё делается на моих глазах, да как делается! Стороннему человеку того не понять, потому как он видит готовенькое, красивое, ухоженное и возвышенное, а что тут было до этого — он, конечно, не знает и не узнает... А на память, дед, о нашей поездке подарю я вам вот эти строчки — почитаете на досуге и вспомните старую Акмолу, если вы в ней бывали, и теперешнюю. Вспомните и сравните, наверняка же удивитесь, погордитесь и даже кому-то поклонитесь, что делают, наверно, все астанинцы.

Дома мельком полистал стихи моего соседа по “ГАЗелевской” кабине и удивился молодому таланту, на ходу схватывавшего рифмованные строки. Про себя думал: парень — точно не дурак, современной начинки, умеющий видеть красоту в своём городе во всём: в домах и улицах, в его жителях. Такие люди — уж точно патриоты своего города и своей страны, каких никакая манна небесная не сманит за “бугор”, что уже бывало в недалёком прошлом, да и теперь временами нет-нет да и проскакивает.

Вспоминая по этому поводу своего начальника депо 1992-93 годов. Молодой, опытный, истинный железнодорожник. Начинал слесарем, затем учёба, поездная работа, машинист-инструктор, зам. начальника и начальник депо. И это до сорока! А потом за компанию с кем-то — в Германию.

Как доходили слухи — там подметал дворы, подстригал газоны, поливал и пропалывал цветочные грядки. Нынче вроде на каком-то заводе, имеет машину, но не имеет друзей, кроме агадырских однокашников, помнящих свой Агадырь и мечтающих вернуться в его серые дома и на пыльные улицы. Что ими движет — бог весть, только агадырская сила притяжения пересиливает германскую. Говорят — ностальгия, потому как только на чужбине понимаешь — не хлебом единым жив человек. В Агадыре и расцвет другой, и птичье щебетанье более радостное.

Насчёт ностальгии, наверно, можно поверить. Уже вернулись в Агадырь некоторые, обживаются, и родные стены им явно помогают. Друзья не оставляют их в одиночасье, вместе делят радость и невзгоды, справляют праздники и проводят свои посиделки, приглашают в гости и сами ходят на какие-то торжества. В Германии, говорят, такое не принято, как и многое другое против привычного нашего.

... Распрощавшись со своим попутчиком, для себя сделал вывод: Астану наскоком не обозреть, потому все любования ею отложу до лучших времён. Эту же поездку в душе где-то даже благодарил — всё-таки встретил интересного человека. Ей-богу, мы просто богачи на необыкновенных людей! Без них жизнь точно зачахла бы, а с ними у неё и цвет другой, и более щедрое наполнение. Они умеют радоваться жизни и передавать свою радость другим.

Что ни говорите, а нынешняя Астана — это и мой город. В нём я учился, когда он был Акмолинском, и навещался домой в мой зеленоокий Жалтырь, которому я и теперь кланяюсь, когда приезжаю на побывку. Кланюсь моей школе, где учился десять лет, моим улицам и ветхим домишкам, состарившимся, как и я. Здесь в юности я вместе со своими друзьями подрабатывал на местном элеваторе на мелкие расходы и на первые цветы для любимых девушек. А в период учёбы в Акмолинске местные парни с окраинной Слободки не прощали нам, железнодорожникам, увлечённости городскими девушками, которых мы также одаривали цветами. Девчата тоже увлекались училищной братвой в красивой железнодорожной формянке. Слободские ребята иногда устраивали потасовки, но нас, училищной братвы, было всегда много, оттого конфликты улаживались быстро и жизнь шла своим чередом. Но это уже память...

Под стук колёс

В последнее время взял себе за правило ездить только в купейном вагоне. Дороговато, конечно, по сравнению с плацкартным, но ради удобства на что не пойдёшь? Меньше суеты и толкотни, больше кислорода, притом в плацкартном тебя затуркают и затюкают неподъёмными баулами, которые, того и гляди, свалятся на голову, когда сильные руки стараются определить их на верхние полки. В купейном к тому же можешь по-человечески отдохнуть и помечтать, немножко даже понежиться, ну и встретить необычных пассажиров, что со мною и случилось в недавней поездке в поезде Караганда — Новокузнецк.

А в дорогу нас с женой позвало письмо внучки из Новоалтайска, в котором она откровенно спрашивала: бабуля и дедуля, не забыли ли вы, что у вашей внучки двадцатилетний юбилей? Не надо никаких подарков, вы будете для меня лучшим подарком. Пенсионеру долго ли собираться, когда в доме ни курчонка, ни поросёнка, ни собачки, ни котёнка?

В нашем купе уже разместились два пассажира — парень лет двадцати пяти и пожилой дедуган с седой шевелюрой — ну точно мой брат. Про себя молился — на этот раз пронесло: ни напомаженных, постоянно тараторящих фифочек, ни любителей коротать дорогу за вожделенными ста граммами.

Наверно, это извечная поездная традиция: вагон застучал на стыках — пассажиры приступают к трапезе. Так было и на этот раз. Наши сокупейники аппетитно налетали на курятину и на ароматный чай. Мы с женой делали то же самое, раздирали куриные лапки со спинкой и также сладостно чаевали.

Поезд мчал, стучали колёса, столик после ужина застелили газетой, и каждый углубился в свои дела и мысли. Жена что-то читала в своей любимой “Ниве”, я же просматривал “Новое поколение” с телепрограммой, из которой отчего-то исчез телеканал “Казахстан”. Слава богу, что он не исчез из телевизора, передачи идут и где-то чем-то радуют.

А попутчики наши вели между собою какой-то, видно, прерванный накануне разговор, прихлёбывая чаёк из собственного термоса. Это было что-то для меня новое, но я вдаваться в детали не стал, а просто сквозь свои строки слушал и разговор попутчиков:

— Иван Павлович, вы хорошо пожили, много видели и многое пережили. Знаю, что по профессии вы журналист, но в газете никогда не работали, с самой юности впряглись в железнодорожное ярмо, какое доволокли до самой старости. На пенсии даже книгу написали. Она пока в рукописи, но что дальше? Кто-то из литературных спецов читал её, советовал что-нибудь?

— Ах, друг Алёша! Книгу я и впрямь написал — пенсионеру чего делать? Времени у него уйма, вот он и ударяется во что горазд. Одни налегают на кроссворды с мечтой на “Поле чудес” попасть, другие экспериментируют, скрепчивают да сращивают на своих дачных участках, фору самому Мичурину пытаются дать, у третьих, как у меня, и вовсе крыша едет — рожают мемуары, всякие воспоминания, а то и целые повести да романы выдают. К ним отношу и себя. Десять лет писал я свой роман и вот уже целую семилетку не знаю куда с ним податься. В позапрошлом году пробился к редактору одного толстого журнала, который принял мою книгу, может, просто из вежливости к дедугану. Месяца через три роман свой я забрал, редактор признался, что не читал его, потому как нет времени. На прощание посоветовал обратиться к своим региональным журналистам областной газеты и даже назвал их фамилии. Посетил я этих газетчиков, но они мои семьсот страниц читать отказались, тоже сославшись на отсутствие времени. По правде, другого отношения к себе я и не ожидал. Кто я такой? Обычный старикан, простая пешка, пробивающаяся в дамки. Вообще-то, Алёша, в силу своего литературного скудоумия я толком не могу определить жанр своего произведения — мемуары это, повесть или роман? Вроде, он похож и на то, и на другое, а на деле? Вот и маюсь который год со своей долбаной писаниной и не знаю куда податься, в какую дверь войти, к кому лично обратиться.

— Значит, вашу книгу так никто никогда и не читал, ничего не советовал и мир представления не имеет о существовании вашей книги?

— Алёша, не надо так громко. Это же только рукопись, а не книга. По объёму она действительно книга, а по содержанию? Специалисты нужны,

Алёша, кто любит слово и знает ему цену. По сути, даже моя жена не знает, что у меня где-то в диване пылится роман в семьсот страниц, ненужный нашему обществу да и всем на свете. Насчёт жены, так я помнил Лермонтова, который говорил словами одного из своих героев: “Исповедь” Руссо уже имела тот недостаток, что он читал её своим друзьям”. В этом деле я тоже заскоружный консерватор, почему моего никто ничего не читает, кроме вещей, проскальзывающих в периодике. Бывает это редко, потому как нынешним газетам не интересны ни рассказы, ни воспоминания, ни мысли читателя, его душа, его пристрастия. При советской власти субботние номера газет имели “Литературные страницы”, где печатался самый простой народ от доярок до домохозяек и пенсионеров, как я, у кого большой жизненный опыт, чем они и хотят поделиться с людьми, с молодёжью, с простыми читателями. Может, это кому-то и пригодится; кто-то возьмёт себе что-то в науку, в пример.

— Ну а как вы в журналистику попали и даже КазГУ закончили? Расскажите, Иван Павлович, честное слово, будет у меня отличный сюжет для моей газеты.

— Тут, Алёша, скорее всего, сказало что-то генное, и “слово тянется к перу, перо — к бумаге”. Да и Александр Македонский как-то сказал: “Отцу я обязан тем, что живу, а Аристотелю, что живу достойно”. Вот и мне хотелось жить достойно, знать всех Аристотелей, Плутархов, Эсхилов да Еврипидов. Своего я добился, но железная дорога осталась моей судьбой и путеводной звездой. В толстом журнале наверняка знали, кто я, потому и пнули с силой, что я летел чуть ли не до гор Ала-тау. В глаза мне не сказали, что я серость, но так, наверно, думали. Ну а серость — она и в Африке серость, потому с моим романом “Мои дороги” столько и мытарств. В нашей областной газете, Алёша, мой роман не заинтересовал даже простого “литраба”, мнение которого я бы принял как должное и наверняка на всей своей писанине поставил бы жирный крест. Может, давно следовало бы это сделать, так нет же, ишак бухарский, писать хочется! И написал же, питекантроп чёртов, неандерталец хренов. Писанина пылится уже который год и просто обязывает поступить с нею как Николай Васильевич Гоголь со своей. О напечатании “Моих дорог”, Алёша, говорить не приходится, потому как нынче без тенгушек и шагу нельзя ступить — не тех мы нынче кровей, друг мой, чтобы без оных сделать что-то доброе. Сегодня ведь не человек делает деньги, а деньги человека. Современные издатели предпочитают больше авантурные произведения Донцовой да Устиновой, а не жизненные, как у меня. Я вот, Алёша, признаюсь, хочу свой роман увидеть живым сегодня, сейчас, поосязать его живым, пока живой сам, потому как мои семьдесят завтра и послезавтра для меня могут и не наступить, а наступят — не застанут. Это же философия жизни, Алёша, и не нами это придумано. Пусть книга моя в чём-то биографична и годы в ней собраны не столь уж и отдалённые, только ценность её всё же в людях, с кем я жил, трудился, учился жизни. “Мои дороги” как-то могли бы воскресить былое, её прототипы уж точно узнали бы себя и, может, даже дали о себе знать. Книга-то ведь о них, потому как они и впрямь были героями своего времени.

— Ну, Иван Павлович, честное слово, вы дали мне гениальный сюжет. По приезде я раскручу его на всю катушку и добыю, чтобы вашу рукопись

прочли литературные светила, конечно, без всякой оплаты. У пенсионера — какие доходы? Правильно, ноль сносим два в уме.

— Не утруждай себя, мой юный друг. Нынче даром и чирей не сядет. Вспомни Герцена: “Переворот Петра сделал из нас худшее, что можно сделать из людей — просвещённых рабов”. И ещё: “Грандиозные вещи делаются грандиозными средствами, одна природа делает великое даром”. Так что, Алексей, не утруждай себя. Я вот что ещё скажу тебе, дружище, точно по Белинскому: “В этой статье много мемуарного интереса; читая её, переносясь в старое доброе время и впадаешь в какое-то тихое раздумье”. Сколько мне лет — ты знаешь, а значит и в моей книге то самое доброе старое время, какое нынешнему читателю, набрасывающемуся на криминальное чтиво, что зайцу стоп-сигнал. Нашему ветреному племени, как говаривал ещё Тургенев, до лампочки все наши миротворческие тенденции, красота души и добродетель. Ведь для развития в себе добродетели, опять же по словам великих, необходим философский досуг. Где он у нас? Я вот и стихоплётством занимаюсь, так ведь и стихи мои тиснуть нигде. То ли я крайне бездарен, то ли мне лучше найти себе другое занятие. “Литературных страниц” ныне в газетах нет. Газетчики экспериментировать не желают, оттого в расплодившихся изданиях столько сухости, преснятины, казёнщины, надоедливое политиканства, и наоборот — пустопорожности, пошлости, всяческой белиберды, примитивных анекдотов, сплетен о похождениях “звёзд” кино и эстрады, когда на их месте можно бы поместить простой и душевный рассказ, стихотворение, что-то юмористическое, как бывало в “Литературной газете” времён Чаковского. Ведь больше будет пользы, чем от тех же анекдотов. Аристотель ведь не зря сказал однажды: “Поэзия философичнее и серьёзнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история — о единичном”. Историк и поэт различаются лишь тем, что один говорит о том, что было, другой — что могло быть. Я же писал о том, что было и что могло быть, только миру сие не известно и я остаюсь со своей книгой, что старуха у разбитого корыта в пушкинской сказке. А в газетах нынче, Алёша, разве встретишь публикации простого работяги, тяготеющего к перу? Я всю жизнь “рабкорил” и вот на старости лет этот рабкоровский опыт, наверно, даёт о себе знать, он даже породил мою рукопись. Вот ты говоришь о деньгах для издания книги. А когда Островский писал про своего Павку Корчагина или Шолохов “Тихий Дон” с “Поднятой целиной” — у них что, денег было ворох? То-то. За советские годы много денег нам было не скопить, потому как накопительство осуждалось. Впрочем, жизнь тогда год от года улучшалась, простые люди стали неплохо зарабатывать, иметь солидные сбережения на счетах в сберкассах. Но главное — все мы с уверенностью смотрели в завтрашний день. Может быть, государство платило нам не так много, как хотелось бы, зато предоставляло значительные льготы. Это и бесплатное образование и здравоохранение, и низкие тарифы на жилищно-коммунальные услуги, и т. д. В отличие от сегодняшнего дня. Да, мы государству отдавали всё, что могли, взамен получая почётные грамоты и переходящие красные знамёна, флажки доблести и героизма, ордена и медали за самоотверженный труд и за освоение целинных земель. Мы это делали совершенно сознательно и на самом серьёзном политическом уровне.

Став невольным свидетелем разговора наших сокупейников, я думал о том, что может, и впрямь Алёша сумеет чем-то помочь Ивану Павловичу.

Мне же ничего не оставалось, как по возвращении из Новоалтайска записать на всякий случай услышанное в той доброй поездке. Попутчики мои, которым я пожелал удачи, вышли в Павлодаре, хотя Ивану Павловичу следовало ехать до Щербактово. Сам он щербактинский, но Алексей уговорил его выйти в Павлодаре и навеститься в областную газету, где работал Алёша.

Проводив попутчиков, подумал: сколько же на нашей казахстанской земле талантливых людей! Вот Иван Павлович, дед-бородач, истинный Хоттабыч, а живой и деятельный, творчески одарённый. Алёша, наверно, это оценил и решил его поддержать. Не знаю, кем был Иван Павлович до пенсии и в каких кругах вращался, только, как я понимал, по знанию всех этих Аристотелей я ему и в подмётки не годился. Я по своей работе и по жизни галстуков не носил и особой интеллигентностью не отличался, отчего, видимо, не внушил доверия ни редактору толстого журнала, ни журналистам областной газеты, к которым, ей-богу, нарочно не придумав, обращался и я с теми же вопросами, что и Иван Павлович. Совпадение могло быть на самом деле, о чём я даже чуть не решился высказаться при их беседе в поезде. А что? Пишущих у нас — множество, а значит и проблем одинаковых у них — тоже. Нынче, говорят, легче что-либо написать, чем издать. В моей долбаной тьмутаракани пишущих людей не водилось никогда, во всяком случае, истории это неизвестно, потому мне и некому поплакаться в жилетку, посоветоваться и пожалиться на свою невезучесть. Областной да столичный пишущий народ мне недоступен, провинциальную простоту встречают, но не привечают, обещают, но не исполняют. Может, и впрямь надо было бы пошелестеть “зелёненькими”, только откуда их взять? У государства о том голова не болит, потому как всё отдано на откуп частникам. Ну а у частника нынче свои интересы в издательском деле.

А ту дорогу и тех соседей по купе забыть не могу до сих пор, благо времени прошло всего ничего. Как там сложилось у Ивана Павловича с его рукописью? Помог ли ему Алёша? На досуге потихонечку тискаю в своей голове всё услышанное в той поездке. Спрашивал у своей супруги, что запомнила она из разговора наших попутчиков. Решительно ничего! Все эти Аристотели да Плутархи для неё что зайцу вытрезвитель, потому она ничего определённого сказать не может. Я же считал для себя ту беседу поучительной и понял — против них я мелко плавал. А всё потому, что всю жизнь прожил в моей провинциальной тьмутаракани, о которой эмоциональный обыватель часто говорит: кто не видел хуже дыр, пусть приедет в Агадырь.

Тот поезд и тот купейный вагон мне наверняка будет помниться долго. Иван Павлович — мой ровесник, а очень образован. Что отец Александра Македонского — Филипп, это от Ивана Павловича я только и узнал. Припомнил Герцена и слова Петра I, чего я тоже отродясь не слыхивал. Нет, что ни говорите, а удивительными бывают дорожные истории, встречи и расставания, знакомства с неординарными людьми. Может, это потому, что всё-таки неожиданной, часто просто удивительной бывает в целом наша человеческая жизнь?

**пос. Агадырь
Карагандинской области.**

Владимир ГЕГЕР

Новеллы в стиле эссе

Лист тополя

С детства люблю лиственные рощи, перелески, дубравы. В них даже в липкий зной прохладно и дышится по-особенному легко. А ведь каждая роща пахнет по-особому: приторно-горьким запахом с прелью земли встретит вас берёзовый колок. Терпким и давящим тревожным духом наполнен осинник, осенью в осиннике запах становится настолько крепким и грубым, что чувство тревоги усиливается, невольно ускоряешь шаги, чтобы покинуть заросли осины. И совершенно непередаваемое ощущение даёт тополиная роща солидного возраста. Если при этом роща хотя бы наполовину белеет листьями серебристого тополя, то ощущение близости к деревьям скручивает грудь до щемящей боли любви. В такой роще хорошо в августовский день лечь на траву, всего себя отдавая земле, и широко раскинуть руки. Сквозь начинающую желтеть листву глядишь в пронзительную по глубине синь августовского неба, по которому неторопливо плывут белые, как будто окутывающие твой взор облака. Лениво поднимаешь упавший на грудь жёлто-зелёный листочек — привет от склонившегося над тобой тополя. Нюхаешь, рассматриваешь его. А потом... Потом повнимательнее смотрю на листок, на дерево, потом снова на листок. Ба! И точно. Листок-то — это миниатюрная копия породившего его тополя. Такая вот генетика...

Груздь

Грибы бывают разные — мягкие и не очень, крепкие и осанисто-благородные. И грузди! Вот уж неземную красоту создала природа. Он пробил себе дорогу сквозь ещё не размякшую под августовскими росами землю, он боролся за жизнь, он скинул с себя прошлогоднюю листву и поднялся под кустиком ракиты во всей своей красе. Крепкий, ядрёный, матово-белый — с бисером влажных капель на идеально круглой шляпе, закругляющейся прохладной и мясистой бахромой по краям. В ямочке, углубляющей центр шляпы, скопилась утренняя роса — как водяной запас для путника. Груздь источает несколько горьковатый, но такой характерно-грибной запах! Его не хочется рвать, им хочется любоваться, ведь такого больше не увидишь. Будут сотни других, каждый из которых в отдельности — это тоже шедевр великого искусства природы. Искусства творить красоту.

Мои дороги

Дороги тоже бывают разные: широкие и не очень, асфальтированные и вконец раздолбанные, заснеженные и раскисшие от прошедшего утром дождя. Сколько их было в моей жизни, таких дорог! А я с детства люблю степные, по которым тоже исколесил немало. Какие красоты открываются, если едешь степной дорогой где-нибудь в окрестностях Баянаулы, какие сочные краски вспыхивают вдоль железинских дорог, петляющих между изумрудными колками! В последние годы нахожу свою прелесть в ленточках полевых дорог своей родной щербактинской земли. Степь кажется бескрайней, и только внимательный наблюдатель может заметить, насколько она разнообразна — наша

степь. Дух захватывает от вольного воздуха, а если лечь на траву прямо у обочины и поднять глаза — утонешь в бесконечной лазури небесного океана. Проводишь благодарным взглядом ленивую отару белых облаков, и в это время начинаешь слышать хор жаворонков, превратившихся в маленькие чёрные точки на режущей глаз синеве неба. Так не хочется вставать, отряхиваться и вновь садиться за руль. Но она зовёт тебя, твоя дорога. Надо только не забывать иногда остановиться, оглянуться и увидеть. Увидеть себя на этой дороге, и всё, что вокруг на этом пути.

Жизнь на болоте

Прочёл недавно, что в Латвии установлен ещё один памятник... солдатам СС, запятнавшим себя самыми кровавыми преступлениями в годы войны. Что и кому хотят показать латыши, что доказывают народам, на себе познавшим звериный оскал фашизма? Маленький и незаметный эпизод той поры: мой тесть, вместе с матерью, старшей сестрой и младшим братом оказались в начале войны в оккупации, в одной из белорусских деревенек. Память сохранила, как зверствовали "культурные" немцы, с каким садистским упоением издевались над местным населением. Ближе к осени 42-го года в округе начали орудовать каратели из эсэсовских частей. Там и здесь поднимались далёкие дымы, это горели белорусские хаты, жителей которых или гнали в Германию, или попросту уничтожали — расстреливали, жгли живьём в домах. Плач и стон стояли над многострадальной белорусской землёй. Спасались кто как может. А мать, увязав в узел самое необходимое, бегом повела всех к болоту. По пояс в воде, по невидимой и известной только ей тропе вышли к затерянному в болотных зарослях острову. Наспех построили шалаш, как могли, утеплили его... и потом жили здесь почти полтора года. Осень, зима, весна, лето...и опять осень. Сколько пришлось испытать, как замерзали в этом чёртовом промозглом болоте! Как исхитрилась мать, простая белорусская женщина, спасавшая самое для себя дорогое — своих детей — наверное, описать невозможно. Однажды к краю болота вышли пятеро немцев. Откормленные, краснорожие — они, весело гогоча, показывали пальцами на оголившееся зимой убогое болотное жилище. Потом — ударили по шалашу из автоматов. Над детскими головами, над их застуженными на всю жизнь телами свистели немецкие пули. А эсэсовцы веселились от души, патронов не жалели...

Мать, застудившаяся на болоте, умерла вскоре после войны, ушёл из жизни младший брат — такова цена спасения в болоте. А в Латвии ставят памятники, памятники эсэсовцам...

Совесть бывает разная

Любой водитель может вам рассказать сотни дорожных историй — весёлых и не очень, запутанных и бесхитростных. Мне часто вспоминается, как однажды в гололёд на дороге из Железинки в Павлодар на гололёдной трассе меня нагло прижал к обочине "КамАЗ", машину понесло, чудом удалось направить её передом в кювет, забитый снегом. Передок завяз, и вдруг, без какого-либо жеста с моей стороны, рядом тормозит "Жигуль". Его пассажиры, три молодых парня-казаха подбегают со своей лопатой и без слов откапывают колёса, помогают вытолкнуть моего "Москвича". С трудом успел поблагодарить ребят и даже почему-то имён не догадался спросить. Вот оно благородство и взаимовыручка на дороге!

Летом того же года еду из Щербактово в Павлодар. Впереди — авария, тяжелогружённая фура с прицепом перевернулась, вдоль дороги — разбитые и целые терпкие таджикские дыни, рядом с уже поставленным на “ноги” помятым “КамАЗом” с потерянными видом стоят два таджика. Подхожу, сочувствую. Оказывается, это не какие-то перекупщики, а обычные дехкане, везут в Россию на продажу урожай с нескольких крестьянских участков. Вскладчину наняли машину, теперь все расчёты пошли прахом. Глядя на дынную кашу, в этом нетрудно было убедиться. Поразило другое: из остановившейся рядом “Нивы” вышли крепкие краснолицые молодые люди, судя по выражению глаз, не обременённые интеллектом. Молча и деловито прохаживаясь по месту аварии, собирают в мешки уцелевшие дыньки. Весело похохатывают, явно радуясь неожиданной удаче. Старый таджик, глядя на это, только покачал головой и ещё ниже опустил плечи. А я покраснел от стыда...

Две дорожные истории. Разные люди, противоположные понятия о совести. А ведь живём-то рядом!

У печки

Наверное, многим понятны эти ощущения, когда сидишь в лютую стужу у открытой дверцы печки и наблюдаешь, как пламя изгибается и пляшет в такт завываниям метели за окном. По спине течёт необычайно живое, сухое и доброе тепло. А ещё долгий взгляд в топку провоцирует философское и несколько меланхоличное настроение.

Вспоминаю, как любил помолчать перед раскрытой печью мой старый знакомый — ветеран-педагог Георгий Фёдорович Болванов. Часами мог просидеть у печи, закуривая одну сигарету за другой. Его лицо, на котором плясали багрово-тёплые сполохи, становилось в эти минуты другим — отстранённым, что ли. А я люблю наблюдать, как топится баня, как жадные смолистые языки пламени сначала обнимают, а потом с живостью и фатальной неизбежностью пожирают толстые поленья дров. Никто не мешает подумать, поразмышлять о далёком и вечном, о бренности жизненной суеты. Только спокойное и мощное пыхтенье печки, и только ты — со своими мыслями, думами, желаниями. Печь разгорается всё сильнее, наливается малиновым жаром чугунное литьё. Лицу становится нестерпимо жарко, а уходить не хочется — кажется, опять упустил какую-то малость, что-то важное и нужное. И ещё не постигнутое. Кто его знает, может быть, это к нам пришло от наших предков, сидевших вот так, у огня в пещере и понимавших всю непостижимость окружающего мира. Откуда в нас эта тяга к огню?

Нарушитель границы

Дело было года два-три назад, точно уже и не вспомню. Поехали с супругой резать веники для бани в алексеевских посадках. Рукотворные березняки там тянутся вдоль границы, и многие здесь заготавливают летом веники, а то и сбором грибов промышляют. Всё это ещё с советских времён, поэтому раньше как-то не считали — по которой полосе ходишь, насколько углубился в берёзовые посадки. А сейчас — попробуй забудь, берёзки-то в аккурат вдоль пограничной полосы тянутся. И тут я оплошал — в погоне за подберёзовиками, то и дело манившими своими краснеющими шляпами меня — записного грибника — забрёл Бог знает куда. Стал оглядываться — куда занесла меня нелёгкая, когда глядь — а рядом собачка стоит, с нескрываемым интересом на меня поглядывает. Дело дурное: собачка — восточноевропейская овчарка — оказалась явно

служивым псом, исправно несущим свою службу на границе. Тут начал смеяться: где-то рядом должны быть и хозяева барбоса — пограничники. Вот только чьи? Действительно, через минуту-другую зашелестела жухлая листва под ногами двоих молодых ребят в камуфляже. А на лбу ни у кого не написано — чей он пограничник, наш или российский. Ситуация стала выходить из-под контроля, когда один из ребят, заглянув в мою корзинку, как будто бы невзначай поинтересовался — откуда, мол, господин хороший, свои стопы направляем? Разглядев кокарды ребят, я чуть было не запаниковал: они на форменных картузах оказались российскими. А я теперь — по большому счёту — нарушитель государственной границы двух держав. На душе стало тоскливо, и я, пробормотав что-то вроде: “Да мы тут рядом живём”, ломанулся в сторону Казахстана с такой скоростью, что даже собака удивилась и не стала преследовать. Пограничники закричали вслед, что, мол, я зря испугался, и они просто хотели поговорить. Но теперь меня на мякине уже провести было нельзя, согнув в локте руку, сделал международный жест согнутым локтем, и сказал: “Всё, ребята, я уже в Казахстане!”. А дома вдруг тоскливо стало — почему так случилось, что мы, русские, вот так, по-заячьи, бегаем от российских пограничников? Что-то не так в этом мире...

Выродки в лесу

... Кошачьи крики слышали с другом издалека, как только вошли в лес. Это был не обычный крик, а невероятный вопль боли, режущий по сердцу голос обречённого. Нам обоим по 13 лет, и мы знаем — просто так кошки истошно орать не будут. И вскоре глазам открылась ужасающая картина, которая иногда преследует меня до сих пор, уже в зрелом возрасте и многое повидавшего в этой жизни. Подвесив за ноги на ветке дерева кота, несколько подростков развели под плясавшим на верёвке котом высокий костёр. Они радовались и наслаждались мучениями бедного животного так, будто смотрели увлекательную сценку. Жгли кота они уже явно давно, он весь обгорел, и никак не мог умереть, тем самым избавив себя от страданий. Мы просто не помнили себя от жалости к коту и от ненависти к этим взрослеющим подонкам-садистам. Мы начали драться с ними — молча и страшно, в том иступлении, когда уже не чувствуешь боли. Мы дрались до кровавых соплей, мы уже взяли в руки дубины... И юные нелюди отступили: а мы продолжали преследовать их, вдвоём против троих, явно поздоровее нас подростков. Двоих мы знали: братья Х. жили на соседнем краю села. Мы ничего не сказали дома. А через шесть или семь лет, уже будучи студентом, случайно узнал: братишки вдвоём убили собственного отца. Просто так, в пьяной драке... И наверное это было не случайно, они шли к этому уже с детства. Вот только почему Господь даёт таким выродкам топтать нашу землю? Откуда они вообще берутся — такие вот братья?

На развалинах

Господи, сколько раз и в скольких сёлах, в скольких районах видел одну и ту же картину: на месте бывших детских садов, которые вроде бы не так уж и давно были в каждом селе, во всём грязном цинизме нашего времени предстают взору неприглядные развалины. Мало что может напомнить сейчас о том, что ещё недавно здесь с утра до вечера звенели звонкие детские голоса, покрывали строгие воспитательницы, из кухни доносились аппетитные запахи. И вдруг увидишь под ногами раздавленную игрушку, сломанный

детский стульчик, грязную прищепку, которой когда-то крепили к верёвке детские распашонки, порванный резиновый мячик... И так резанёт по сердцу, как будто распахнутые ребячьи глаза — нет, не обвиняют, а тихо и обиженно спрашивают: “Дяди, что ж вы натворили?”.

Сейчас начинаем открывать и строить новые детские сады: вместо десятков и сотен — единицы. А целых два-три поколения ребятни растут, так ни разу и не сходя в свой детский садик, не покружившись в хороводе первой в своей жизни, детсадовской ёлки...

Ожидание грозы

Всё-таки, когда глядишь на приближающуюся грозу — с неизбежностью испытываешь незабываемые впечатления, а если это происходит на берегу реки, то чувство происходящего удваивается. Вот и я как сейчас помню... С запада к реке устремилась хмурая туча. Издалека видно, как с чёрного её крыла косыми линиями сочится дождь, на другом берегу горбятятся под порывами ветра унылые заросли ивы, клонящиеся к воде покорные ветви. В приречных лягах, поросших застойной зеленью, рябят чешуйчатые мелкие волны. В них, кувыркаясь вспышками, отсвечивают магнيتные блики молнии. Гремит, гремит канонада грозы! А ветер не даёт опуститься дождю, он пока лишь скудно кропит барабаном капель первую влажную милостыню. Дробит по иссохшей пойменной грязи, по чёрным проплешинам земли, по плохо катанной дорожной колее. А бурая туча всё надвигается. Взлохмаченный порывами ветра Иртыш всё чаще кидает на берег пенные гребнистые волны. И дышащая холодом туча, наконец, как будто решившись, бабахает оглушающим зарядом десятков орудий. Противоположный берег туманит, ровная стена наступающего ливня надвигается с роковой неизбежностью, а под ней — такая же ровная черта водяного кипятка с ключьями желтоватой пены. Всё живое в этот момент ищет убежища от заглушавшей стихии, пугающей своей неукротимостью. И только гордый коршун с дикими криками колесит впереди стены дождя, бросая грозе вызов.

Степь за высоким яром, испещрённом стрижиными норами, пугливо затаилась в ожидании буйства грозы. Ветер всё сильнее подгоняет тучу, прижимая её, уставшую от борьбы, к земле, к помокревшему береговому песку. А над посеревшей тёмной зеленью Иртыша уже разгульно и победно шумит ливень, река вскипает. И от дождя уже не спрятаться, не убежать...

Так, наверное, и в жизни. Иногда приходится с роковой предопределённостью ждать неизбежных грозных дней, когда от неприятностей и пугающих ожиданий никуда не скрыться. Их, как грозовой ливень летним днём, стоит просто переждать, пережить.

Первое тепло

Третий день на дворе звонкая апрельская капель, с крыш падают потемневшие от уличной копоти сосульки и с хрустальным звоном разбиваются о ещё мёрзлую землю. В селе большими и малыми лужами, манящими своей мокрой солнечной свежестью, парными проталинами цветёт оттепель. Ей по-своему радуются, жадно подрагивая губастыми носами и опустив рогатые головы, вылинявшие за зиму коровы. Но особенно весенне чиврякают первыми искупавшиеся в лужах воробы, деловито копошась на оттаявших бурых боках навозных куч и чёрных проплешинах накопившейся древесной коры. Солнце ещё не возвышается по-летнему победно

и всепоглощающе, но оно до боли режет глаза своими лучами, греет нежным апрельским теплом. Так и хочется ещё и ещё раз подставить под золотой солнечный дождь руки, настывшее за зиму лицо... Весна! Её уже не остановить, не удержать бурных талых потоков, невозможно не почувствовать её дышащее живительным ожиданием тепло. Везде, куда ни кинь взгляд, деловито зарождается новая, такая до боли знакомая и такая таинственная жизнь. Пройдёт ещё несколько недель, и весна окончательно поглотит последние островки посеревшего снега, а потом — вместе с пробившейся первой изумрудной зеленью неистово започуют птицы, и природа проснётся окончательно. И вот тут-то надо суметь прислушаться к себе: может, я опоздал, может быть, не проснулся и не раскрыл в радостном удивлении ожидающие весеннего чуда глаза. Так проснись: весна пришла!

На одинокий фонарь

Буран опустил на степную ночь сразу и неожиданно, водитель автобуса, матюгнувшись сквозь зубы, половчее ухватился за баранку. Тряский, выдавший виды "ПАЗик", утыкаясь пятнами фар в пляшущую белую стену за стеклом, будто бы на ощупь, но упорно продолжал двигаться по трассе. К сожалению, мне с ним не по пути, надо выходить у развилки и идти по правой дороге, в сторону чуть мерцающего в буранной степи жёлтого фонаря — там усадьба совхоза, там тепло.

— Может, поедем с нами, парень, — предостерегает шофёр, — а то — глядь, почитай, километра три-четыре до совхоза будет.

— Нет, пойду, — решаю я. И шагаю из ставшего вдруг уютным железного чрева автобуса в беснующуюся снежными плётками метель. Подождал, пока в последний раз подмигнув малиновыми стоп-сигналами, "ПАЗик" растаял в снежной круговерти. Укутался поплотнее шарфом и начал ориентироваться. От наезженной ещё с полчаса назад дороги остались одни воспоминания, её в ночной буранной степи просто не было, только барханы перемётов снега. И лишь подмигивает слабым жёлтым светом далёкий уличный фонарь. Буквально ложусь грудью на плотный ветер и бреду, бреду, бреду, всё больше увязая в мягком и сыпучем свежем снегу. Метель сечёт лицо тысячами колких снежинок, мороз крепчает на глазах, от встречной морозной сыпи немеют лицо и руки, всё чаще и чаще приходится растирать их заиндеветшими рукавицами. А далёкий фонарь, кажется, застыл и издевательски далёк. Не знаю теперь, сколько времени так шагал, но меня через несколько часов всё же вынесло к какому-то частоколу у околицы села. Пошёл по нему, и тут буквально наткнулся на крыльцо какого-то барака или совхозного общежития. Белым Дедом Морозом ввалился в дом. За столом большой комнаты с печью — трое по пояс обнажённых мужчин, торсы которых исписаны синими татуировками. Явно — заключённые-условники. Старший пригласил за стол, начал что-то спрашивать, а мне и ответить невольно: губы от холода окончательно застыли и не шевелились. Мужик твёрдой рукой с синими перстнями на пальцах накатил из початой бутылки полный стакан водки. Выпиваю, даже не почувствовав вкуса. Но зато стало теплее, и я смог пояснить, что мне нужно к жилищу директора совхоза. Провожатого дали, и через полчаса уже сижу у весело гудящей печи в горнице директора. Он буквально вливает в меня второй стакан водки, кладёт на кровать и накрывает пуховым одеялом. Как в глубокую яму проваливаюсь в тяжёлый сон — глухой, без сновидений. Открываю глаза поздним

утром, сквозь занавески в комнату льётся яркий свет. С удовольствием раздвигаю занавески, а за окном — режет глаза до боли белое солнце, отражающееся как будто бы в каждой снежинке нетронутых сугробов. Яркое солнце, ослепительно белый снег и бездонная синь чистого неба. Как это прекрасно, как не радоваться жизни! Всё в этом мире преходяще, но одно знаю точно — за тёмной полосой обязательно наступит и засияет светлая...

У самовара

Моя супруга и алматинский племянник случайно нашли в старом дачном чулане самовар — настоящий, дореволюционный, с медалями, с пузатыми медными боками, самовар “под сапог”. Рядом обнаружили проржавевшую самоварную трубу. Жалкое это было зрелище: под зелёным налётом окислившейся меди с трудом прочитывался возраст — 1908 год. Вот это да! Наши электрические штучки в форме самовара пусть и блистают хромом, но столько не живут. Диковинную находку долго разглядывали и гадали — что с ней делать. Выбрасывать рука не поднималась. Жена с племянником споро приступили к делу. Они мыли, драили, чистили самоварную медь, натирали её песком до огненного сияния. И вот старый семейный друг-самовар как будто проснулся, стряхнув со своих покатых плеч зрелые годы: горделиво засиял всеми обновлёнными доспехами, бляшками и печатями цвета горячей бронзы. Красавец, да и только! И вот самовар уже запыхтел сладковатым дымом грушевых щепок, а ещё через время, как и много лет назад, одарил каждого из нас душистым чаем из щедрого крана. Под сенью яблонь мы долго и чинно пили этот необыкновенно вкусный напиток. Наверное, вот так же щедро самовар делился и с десятками своих прежних хозяев — и десять, и сто лет назад. Он пережил многое и многих, пролетела целая эпоха, пронеслись рядом с ним сотни человеческих судеб. Его самого за ненадобностью уже чуть было не списали в утиль. А он вот воспрял, возвысился, гордясь своей нужностью людям. Сколько же тех, кто вкушал его божественный чай, ушло в небытие? Теперь никто не скажет, да и вспоминать, наверное, не будет. А он, стряхнувший с себя десятилетия, всё так же красив и горд, всё так же щедр и любим гостями. Таковую старость надо не уважать, а почитать. Эта старость — привет нам, нынешним, от тех, кто умел жить красивее нас, кто умел делать вот такие “вечные” вещи.

Родник

Этот родник в Железинке известен многим. Он весело и напористо, звонко и холодно бьёт из высокого старого яра в местечке под названием Таскайка. О роднике ходят легенды — кто-то, благодаря его живой силе, исцелился от язвы желудка, кто-то лечится от мочекаменной болезни и других хворей. Вода здесь наивкуснейшая — пресная, впитавшая в себя все запахи местной природы и отторгнувшая их своей ледяной, ломающей зубы живой льющей прелестью. Хрустальная струя несёт себя неслышно, она как будто стоит в тёмном деревянном жёлобе, и вдруг с разгульным, умиротворяющим и звенящим журчанием падает на гальку под рукотворным жёлобом, разбиваясь на тысячи осколков. Потом она успокаивается и, войдя в глубокое, годами промытое травянистое русло, неторопливо побулькивая и что-то шепча камням-голышам в русле, неторопливо истекает в блестящую гладь речки Старицы. Вокруг животного родника — неестественно гигантские деревья — буйствует черёмуха, манит боярышник,

не пропускает к ним густой, шумливый и ревнивый тальник, а ниже по ручью — из года в год что-то шепчет вам, а может быть и себе, высокий камыш. Именно здесь в самый жаркий день можно вдоволь наслушаться соловьиных трелей и песен иволги. Лениво покрякивают в камышах непуганные дикие утки, где-то далеко дудит удод, почему-то встревожились копчики и громко атакуют нарушителя покоя. Утолив первую жажду прямо из ручья, в который опускаешь всё лицо целиком, умиротворённо отваливаясь. А хрустальная вода слепит глаза, журчит и зовёт тебя. И вот, уже не торопясь, степенно подходишь к деревянному жёлобу, под тень могучего серебристого тополя, берёшь старый ковшик, который когда-то давно повесила на ветку у ручья чья-то добрая рука, подставляешь его под нежную ледяную струю, звонко ударившуюся о дно. Набираешь полный ковш и, уже неторопливо, как человек насытившийся, но желающий растянуть удовольствие, тянешь и тянешь из ковша терпкую пресность родника. И как будто сливаешься с ним, ещё острее чувствуя свою сладостно роковую принадлежность всему, что вокруг: роднику, птицам, деревьям и камышу, дальней речке и пряным запахам поймы. Боже, как хорошо...

Философия дров

... Я ещё раз размахиваюсь и с хканьем вонзаю топор в розово-жёлтое чрево сосновой чурки, потом ещё раз и ещё... Я, конечно, не вижу, но почему-то вдруг начинаю остро чувствовать, как рвутся под сверкающим жалом топора вены и капилляры дерева — те, что ещё недавно несли ему жизнь, питали его пахучие матово-тёплые зелёные иглы. Промороженное насквозь полено колется легко, и только смолистые сучья ещё пытаются сопротивляться, они не могут поверить, что всё уже кончено. Жизнь кончена! Через час всё превратится в прах и пепел, как, в общем-то, и всё в этой жизни. Осколок дерева отдаст нам своё последнее тепло и исчезнет из этого мира навсегда. Он прожил десятилетия, оставаясь частью природы и отдавая себя ей. Теперь он приносит последнюю жертву, самого себя. Эти мысли приходят ко мне неожиданно и вдруг. Что с силой теснит сердце, к горлу подступает щемящий ком. Я опускаю топор, сажусь на колоду и молча закуриваю — ведь действительно, есть во всём этом какая-то роковая и всеопределяющая философия жизни, философия всеобщей жертвенности. Если разобраться, мы все принимаем жертвы и все приносим жертвы. И самая последняя наша жертва — это закат жизни. Наша смерть. Человек, как бы не давил на природу, остаётся её частью и, как выяснилось, не самой лучшей, требующей для себя всё больших и больших жертв. И от этого никуда не деться. Бросаю окурочку в сугроб, опять смотрю на кучу нарубленных поленьев, бывших когда-то деревом. Прощайте, родные, такова наша природа и наша сущность. Мы — единое целое, и какая разница, кто из нас первым принесёт для другого свою последнюю жертву?

Всего лишь былинка

Нам, с детства растущим на необъятных просторах казахстанской степи, мне кажется, тяжелее всего приходится на чужбине. И оказавшись в далёких краях, мы с такой радостью принимаем любой привет из дома, что удивляются окружающие. Вспоминаю уже почти забывшийся за давностью случай. Дело было в армии, стрельбы у нас проводились на каменистом

и песчаном плато в предгорье, а служба проходила в городе. Ну ничего родного да близкого! Отстрелялся из автомата в первой пятёрке, и нас отправили отдыхать. Прилегли прямо на камнях полигона, у какой-то смердящей нефтью проржавевшей бочки. В армии учишься ценить каждый час отдыха, и я с удовольствием растягиваюсь на горячих камнях, бездумно срываю какую-то былинку-травинку, закрываю глаза и лениво беру в зубы сухой стебелёк. И вдруг — как волной окатило, до того родным запахом вдруг ударило в ноздри. Как наяву — наша ковыльная степь, медленная речка и жаворонки, пряный краснотал по берегу... Что это? Резко сажусь и смотрю на стебель в руке: Господи, да ведь это полынок! Родной ты мой! Откуда здесь, в горах? Таясь от друзей, ещё и ещё раз вожделенно вдыхаю такой близкий, домашний и по-отцовски нежный запах полыни. Щемит в груди, даже непрощеная слеза пробила. Это как привет с Родины, это как нежный взгляд родителей и крепкие рукопожатия друзей, как эхо уже ушедшего беззаботного детства. Я осторожно спрятал стебелёк полыни в карман и ещё долго при случае всё вдыхал и вдыхал в себя его слабеющий горький от расставания запах. Всё в нашей жизни когда-нибудь кончается.

Две подруги

Старая Книга. Она стоит между всеми на библиотечной полке — одряхлевшая, обветшавшая и тысячи раз перелистанная влажными пальцами. Стоит, уже почти до конца отдавшая всю заключённую в ней энергетiku, растратившая запас своих жизненных сил, но от этого не ставшая менее интересной. Когда-то, в те далёкие пятидесятые годы прошлого века, она вышла из типографии, сверкая новенькой обложкой, храня в себе непередаваемый запах шрифтов типографской новизны. Её привезли сюда, в сельскую глубинку, и, может быть, если бы не это, то она уже давно могла бы окончить свой век под проказливыми руками городского баловня семьи. Но нет, она прижилась в небольшой сельской библиотеке и трижды, нет — четырежды выполнила своё предназначение. Сначала её брали нарасхват, не давая отдохнуть на полке ни дня. Потом, когда взрослые уже прочли, а их дети ещё не успели дорасти до её мудрости, Книга немного отдохнула. Её, уже немного израненную и познавшую самые разные стороны человеческой жизни, привели в порядок заботливые руки седой женщины-библиотекаря, прочитавшей Книгу в своё время первой. Они как брат и сестра были молоды и состарились вместе. Книга слышала, как её пытались списать и отправить в макулатуру, но верная сверстница спрятала Книгу среди подруг. С тех пор они всё реже разговаривают друг с другом. То библиотекарь болеет, то Книгу вдруг найдёт очередной читатель, и она, пытаясь всё так же щедро отдать своё богатство, опять потеряет свои пористые от времени страницы. А библиотекарь, подклеивая израненные страницы, будет мягко журить её за неосторожность. Она прогреется в руках своей подруги и — вновь на полку, отдыхать. Сколько им обоим осталось?

**Щербактинский район
Павлодарской области.**

Нина РОДИЧЕВА

Коза

Была у нас корова, да такая бодливая, что чей-нибудь истошный вопль: “Майка идёт!!!” как метлой очищал всю улицу. Век коровы был не долог: то ли в жоме гвоздь оказался, то ли кто по злему умыслу дал. Наша Майка была какой-то затейливой породы, давала молоко исключительной жирности, которое сквасить было весьма и весьма проблематично. Родители шибко переживали. Соседи искренне соболезновали. Мать вздыхала и на кивки в худой нрав коровы говорила: “Подумаешь, бодается — это же не коза, от Майки убежать можно, а коза, она тебя и на крыше достанет, и по лестнице летит, как угорелая...”, и начинался рассказ о крайне зловредной козе, которая жила при госпитале, где мать работала медсестрой во время войны.

Козочку эту мать поминала не один раз, и хотя времени прошло с той поры немало, своего отношения она не меняла: “Залезет, дура, на крышу и орёт на весь белый свет”. На вопрос, зачем было держать такую козу, изумлялась: “Как зачем, а молоко для тяжелораненых — и попить, и для лечения тоже...”. На моё пожимание плечами отец прятал улыбку и говорил: “Да ты что, козье молоко для раненых это же первое дело. С того света возвращались!”. Создавалось впечатление, что эта козочка по ведру молока давала, не меньше, хотя мне думается, три литра в сутки её предел. Ну, может, я ошибаюсь. Но по прошествии многих лет, когда родители отошли в мир иной, я думаю, что держали эту козочку не столько из-за молока, сколько из-за зловредного характера.

Козочка была беленькая, чистенькая, ну сущий ангел. Позолоти рожки и ставь рядом с Эсмеральдой в кино снимать. Но это только на первый взгляд. Глаза выдавали не в меру бойкий характер, были весёлыми и даже чуточку мудрыми.

Госпиталь был прифронтовым. Раненых везли и везли. Медсёстры засыпали стоя, едва прислонившись к стене. И тут же следовал толчок: “Заснула? Неси...”. Тяжёлая изнуряющая работа врачей, сестёр, санитарок... А ведь надо было дать бойцам надежду на выздоровление, не позволить впасть в уныние от фронтовых сводок. Вот тогда-то и выходила на сцену коза.

Это своенравное животное болталось по всему хозяйству Мензурки Касаторкина (такое прозвище было у профессора, начальника госпиталя с довоенных времён) без привязи: “Боже упаси — вдруг без воли молоко пропадёт”.

Коза, затаившись, как партизан в кустах, неожиданно с громким “Ме-е-е!” выскакивает из засады, когда мимо проходит молоденькая медсестра.

Та вскрикивает и с визгом пускается наутёк. Козочка летит следом, наклонив изящную головку с чёрным пятном на левом ухе. “Дьявольская метка, — говорила бабка Фрося, — кабы на правом, так это ничего, а ведь сказано: “Бог шельму метит”.

Так вот, бежит, стало быть, козочка за девушкой и желает поддать рожками по тому месту, где ноги начинают своё благородное название.

Сестричка с душераздирающим криком летит по лестнице, а козочка просто порхает на пять ступеней позади.

Госпиталь располагался в старинном здании, построенном таким образом, что с первого этажа можно было наблюдать, что происходит на втором и третьем. Очевидно, первый этаж предназначался для танцев.

И вот когда милая сестрица с визгом проносилась по лестнице, из палаты выскакивали раненные и грудью становились на её защиту.

Тут главным было — первым вылететь и подставить богатырскую грудь, в которую уткнётся головой перепуганная девушка.

Если в руках костыли, то ими можно было погрозить козе, замиравшей в пяти шагах и стучавшей передними копытцами. Свободной рукой можно было гладить сестричку по голове, плечам и шептать: “Не бойся, милая, я с тобой”.

Сестрички милосердия, сестрички-недотроги при приближении козы напрочь забывали, что они недотроги и бросались за спину или на грудь очередного счастливчика, как на амбразуру, а тот радостно, крепко обнимал девчонку и нежно шептал на ушко: “Не бойся, я с тобой”. И гложет меня сейчас, думаю, не напрасно подозрение: уж не договаривались ли легкораненные и выздоравливающие с этой Беляночкой. Очень даже может быть.

Иногда, потехи ради, они вставали в круг и начинали дразнить козу. Та крутилась, била копытами, и оттого, что не могла выбрать, на кого кинуться, вопила: “Ме-е-е!”.

Раненных, по непонятной причине, она гоняла крайне редко. Или потому, что они почти всегда были вооружены костылями, тросточками, или... шут его знает, почему.

Начальник госпиталя, прежде чем покинуть свой кабинет, воровато оглядывался по сторонам, а затем гордо шествовал по коридору. Ходил он почти всегда со свитой, и поэтому нападению не подвергался.

Но вот как-то в спешке он, не сняв белого халата, отправился на хоздвор, и там, на обратном пути и бросилась на него Белянка. Профессор, удивительно похожий на учёного Полежаева из кинофильма “Депутат Балтики”, летел через двор, как лань, только полы халата развевались и седые волосы дыбом стояли.

Касторкин, взлетев через две ступеньки на второй этаж, резко остановился. Коза затормозила где-то пятью шагами ниже. “Ну, погоди, — закричал начальник госпиталя, — вот прикажу дать тебе целую мензурку касторки!”. Коза покрутила башкой, мекнула, но осталась на месте. Профессор лихо отбил чечётку, показал козе кукиш и, донельзя довольный, исчез в кабинете.

Со всех сторон стали закрываться двери палат, и через секунду здание сотряс хохот, который, при всём уважении к профессору, невольные и вольные свидетели этого конфуза сдержать не могли.

Мензурка Касторкин, сев на стул, хихикнул и потёр ладони: “Замечательно, батенька ты мой, замечательно...”. Что он имел в виду, ведомо было только ему.

Госпиталь довольно часто посещал отец Серафим. Фигуру он имел колоритную: двухметрового роста, широкоплечий и похожий на Илью Муромца с картины Васнецова. Крепок он был, имел буйные кудри до плеч и окладистую бороду, прикрывающую необъятную грудь.

И вот как-то в ясный день шёл батюшка через двор в глубокой задумчивости, как вдруг, откуда ни возьмись, как торпеда на подводную лодку, бросилась на него козочка. Великан охнул, подобрал полы рясы и семимильными шагами рванул к зданию. Лестница в госпитале была деревянной и грохот от прыжков отца Серафима стоял, как при обвале в горах. Надо сказать, что лестница была довольно длинной, так что бежать “Илье Муромцу” пришлось долго.

На грохот повыскакивали раненные, медсёстры, санитарки и прочее население госпиталя. Мензурка Касторкин тоже высунул голову из своего кабинета.

Батюшка уже летел по холлу второго этажа. Коза скакала следом. Не добежав до кабинета профессора, священник резко развернулся, схватил своей огромной рукой крест и закричал: “Изыди, сатана!”. Его бас прогремел как раскат грома. Козочка аж на хвост присела, а с потолка лепнина посыпалась.

Батюшка обвёл взором весь честной люд первого, второго и третьего этажей, благо построение здания этому способствовало, и изрёк: “Вот что Крест Животворящий делает”.

Они обнялись с начальником госпиталя и скрылись за дверьми кабинета. “Теперь видишь, многоуважаемый Иннокентий Палыч, великую силу крестного знамения?”. — “Да-да”, — слишком поспешно согласился профессор, потому как бес подталкивал его сказать, что, скорее всего, кости раненого Сидора Авдеева да глас трубный батюшки прекратили дерзкое нападение козочки. Не рискнул, поскольку помощь госпиталю церкви в лице отца Серафима — была не кот наплакат: и словом, и рублём. И вот они уже ведут задушевную беседу за стаканом травяного чая...

Обсудили дела мирские. Профессор тепло поблагодарил отца Серафима за помощь и на прощанье извинился за козу, уверяя, что давно бы распростился с Белянкой, да вот даёт она исключительно полезное молоко для раненых. Батюшка слушал его с улыбкой.

Лукавые извинения Касторкина были прерваны без стука влетевшей медсестрой: “Товарищ генерал медицинской службы, полковник Орлов встал! Стоит у стены и плачет от смеха”.

Профессор грохнулся на проворно пододвинутый отцом Серафимом табурет. Он открывал и закрывал рот, не издавая ни звука, и вдруг почему-то произнёс: “Ну дайте ему, голубушка, мензурку касторки”. Сестричка попятилась, прикрывая ладошкой рот.

“Надо же, надо же, — сказал Мензуркин, — а мы его, вернее, сам он себя уже того... похоронил. О чём я, бишь? Ах, да. Приношу свои глубокие...”.

Батюшка с воодушевлением в глазах остановил его: “Эх, коллега, я в молодые лета на медведя с рогатиной ходил. А какой оглушительный успех сегодня имел. Умирающие с одра своего встали. Вы врачуете раны телесные, а я душевные, и сколько душ сегодня смеялось и ликовало всем смертям вопреки. Какое веселье обуяло всех. И ведь многие стремились на помощь. Великая тайна есть в этом. Если человек боится реальной опасности, несущей смерть и увечье, его называют трусом. А когда боится мышей или тараканов, ему говорят: “Ну как можно бояться этих божьих тварей? Но трусом никогда не назовут”.

Профессор рассмеялся: “Да-да, голубчик, а даме непременно скажут: не бойся, родная, я с тобой”.

Через четверть часа священник шёл по двору и улыбался. Раненые махали батюшке руками и приглашали: “Приходите к нам ещё. Будем очень рады”. За воротами к отцу Серафиму подошла коза. Он протянул ей не весть как оказавшийся в руках кусочек сахара, погладил по рогам: “И в кого это ты такая бедовая, ведь в моём дворе росла, а кротости в тебе нет?”. И было это сущей правдой. Козочка эта в малые лета была подарена батюшкой бабке Пелагее, а та её в госпиталь привела, — вроде как в помощь фронту.

“Ну живи во здравии, — сказал отец Серафим. — Храни тебя Господь”.

Священник пошёл, Белянка смотрела ему вслед, и в глазах её была печаль. Да, похоже, не ради молока единого её держали... Здесь она так никого рожками своими и не достала.

г. Костанай.

«НИВА»

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (7272) 53-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Корректор **Ю. В. Демиденко.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.
Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 07.02.2008 г.

Подписано к печати 07.03.2008 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 870.

Номер набран и свёрстан в ТОО
«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.